

**Уральский государственный университет
им. А.М.Горького**

В.И.Стефанов, О.Н.Корочкова

**АНДРОНОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ
ТЮМЕНСКОГО ПРИТОБОЛЯ**

**Екатеринбург
2000**

ББК 63.4
С 79

**Исследование выполнено при финансовой поддержке
РГНФ, проект 98-01-00335а**

Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Андроновские древности
Тюменского Приоболья. — Екатеринбург: Полиграфист, 2000. —
108 с.

В издание вошла информация о памятниках и отдельных находках, соответствующих периоду включения Тюменского Приоболья в систему андроновского мира. Основное внимание уделено анализу локального и хронологического своеобразия андроновских комплексов, а также характеру связей и взаимодействия групп населения андроновской общности с местными культурами. Книга рассчитана на археологов, историков, краеведов.

Ответственный редактор:
доктор исторических наук
М. Ф. Косарев

Рецензенты: доктор исторических наук Л. Н. Корякова
доктор исторических наук А. Ф. Шорин

Рисунки В. И. Стефанова
Компьютерная верстка О. Н. Корочковой

ISBN 5-88425-124-6

© В. И. Стефанов, 2000.
© О. Н. Корочкова, 2000.

Введение

Данная работа посвящена археологическим древностям одного из периферийных районов андроновской культурно-исторической общности (АКИО). Этот район, условно названный нами т ю м е н с к и м, расположен на северо-западной окраине обширного андроновского ареала и включает в себя почти исключительно памятники южной части Тюменской области. Он не входил в зону формирования петровской, алакульской или федоровской культур, андроновское население освоило эту территорию в результате переселения из более южных областей. Картографирование показывает единственно возможные пути миграций. Они могли осуществляться с юга – по долинам Тобола и Ишима, и с юго-западного направления – по Исети (от впадения в нее р.Синары) и ее правым притокам – Миассу и Тече. Проникновения андроновских коллективов по восточному коридору – из районов Среднего Прииртышья – могли иметь место, но в более поздний период, после оформления там комплексов черноозерского типа.

Совмещение археологической и современной физико-географической карт показывает также, что заселению подверглась территория лесостепи, представленная на юге области своими северными и средними вариантами (Курганская и Ишимская провинции лесостепной широтно-зональной области Западно-Сибирской равнины), и неширокая полоса подтаежной подзоны (геоботанически – подзона мелколиственных осиново-березовых лесов), протянувшаяся вдоль южной кромки лесной области (Ашлыкская и часть Тавдинской провинции; см.: Физико-географическое районирование Тюменской области, 1973, с. 126-173). Относительно последней зональной единицы у специалистов нет единого мнения. Одни выделяют в качестве самостоятельной зону лиственных лесов (Григор, Земцов, 1961), в работах других авторов она рассматривается как подзона лесной области (Физико-географическое районирование ..., 1973), а в одном случае она включена в лесостепную зону (Прокаев, Оленев, 1962).

Наличие расхождений в трактовке подзоны мелколиственных лесов, примыкающей с юга к тайге, принципиального значения для нас не имеет. Прежде всего, большинством исследователей эта зональная единица характеризуется как переходная, сочетающая природные особенности двух зон – лесной и лесостепной. Во-вторых, лесной тип растительности занимает значительные пространства даже в лесостеп-

ной зоне, особенно по долинам рек Тобола, Исети, Емуртлы, Вагая и других. На аллювиальных террасах и гривных возвышениях наряду с лиственными лесами широко распространены травяные сосновые боры. Именно к таким ландшафтам приурочены многие из известных в Тюменской области андроновских поселений и могильников. И, наконец, самое главное: состояние природной зональности во II тыс. до н.э. (суббореальный период по схеме Блитта-Сернандера) в интересующем нас районе, скорее всего, отличалось от современного. Трудно сказать, какой была палеогеографическая обстановка на крайнем северо-западе ареала АКИО, и где пролегла граница между тайгой и лесостепью в период освоения данной территории андроновскими коллективами. Комплексные исследования по этой теме не проводились, а ландшафтные реконструкции, построенные на имеющихся материалах (археологических, палинологических, палеозоологических), легко уязвимы для критики. Тем не менее, анализ полученных к настоящему времени данных дает основание говорить о существовании более сухого климата в суббореальный период и меньшей обводненности района. Не имея веских аргументов, мы все же полагаем, что южная граница таежной зоны андроновского времени и современная примерно совпадали. Косвенным свидетельством в пользу высказанной догадки является отсутствие андроновских памятников или комплексов, в которых андроновский компонент занимал бы значительное место, на территории современной южнотаежной подзоны и наличие их, пусть в небольшом количестве, в пограничной подтаежной полосе (рис. 1). В лесостепных районах древности АКИО заметно более многочисленны. Результаты картографирования подтверждают справедливость одного из условий первобытных миграций: экологическая среда мест вселения должна соответствовать (благоприятствовать) традиционному хозяйству и быту мигрантов. С этой точки зрения, переселение в неблагоприятные для ведения комплексного производящего хозяйства природные условия южной тайги было нелогично. Андроновцы освоили наиболее оптимальные для нужд своей экономики пространства лесостепи и подтайги, но в таежную зону не продвинулись – ни по Тоболу, ни по Ишиму, ни по Иртышу. Об отсутствии свидетельств прямого проникновения в глубь западносибирской тайги андроновских (алакульских, федоровских, алакульско-федоровских) групп, о сложном механизме трансляции андроновских идей и достижений в среду таежного населения Обь-Иртышья нам приходилось высказы-

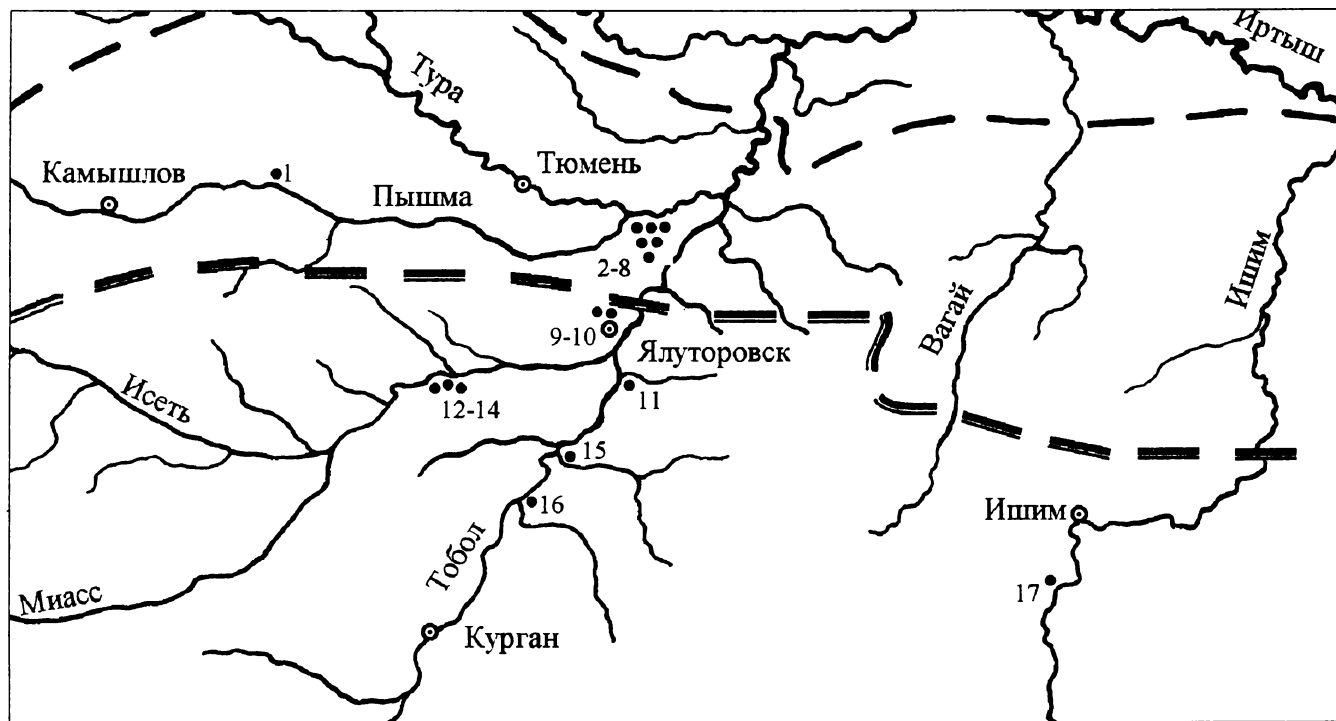

Рис. 1. Карта памятников андроновской общности Тюменского Притоболья. 1 - поселение Мохирево III; 2-8 - памятники Андреевской озерной системы и р.Дуван; 9 - поселение Черемуховый Куст; 10 - Томиловский могильник; 11 - поселение Ук III; 12 - Хрипунский могильник; 13 - поселение Нижне-Ингалское 3; 14 - поселение Щетково 2; 15 - поселение Ново-Шадрино VIII; 16 - Чистослебяжский могильник; 17 - поселения Лариха I-II.

----- - граница леса

==== - граница лесостепи

ваться прежде (Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991; Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995), своего мнения мы не изменили.

В южной части Тюменской области известно, в том числе по результатам археологических разведок, около трех десятков памятников, в культурном слое которых зафиксированы андроновские материалы. Большинство из них расположено в притобольских лесостепных районах – в нижнем течении р.Исети, в низовьях рр.Емуртлы и Ука. К этим районам приурочены почти все памятники, культурную принадлежность которых можно определить как алакульскую. Они не образуют изолированную группу; обладая некоторым своеобразием, алакульские поселения и могильники юга Тюменской области органически вписываются в массив алакульских древностей Среднего Притоболья. В подтаежной полосе материалы алакульского культурного типа фиксируются в виде примеси в составе смешанных комплексов. Немногочисленные памятники федоровской культуры выявлены пока только вблизи гг. Тюмени и Ялуторовска. На Ишме андроновские местонахождения исключительно редки, на Вагае они пока не известны. Таким образом, тюменский район АКЮ в настоящее время представлен в основном памятниками предтаежного (северолесостепного и подтаежного) Притоболья¹ (рис. 1).

Нельзя сказать, что изучение андроновских древностей тюменского района имеет длительную историю. Показательно, что в Своде археологических источников «Андроновская культура» (1966) на интересующей нас территории отмечен только один пункт – могильник у дер. Томиловой под Ялуторовском, при раскопках которого в 1893 г. А.Гейкелем были обнаружены обломки андроновских сосудов (Heikel, 1894, p. 93, 94; Свод ..., 1966, с.20). Систематическое исследование андроновских поселений и могильников в предтаежном Притоболье началось с рубежа 60-70-х

¹ Использование таких, в значительной мере, условных понятий, как «лесное Зауралье», «Среднее Зауралье» или «лесостепное Зауралье» для обозначения территории расселения андроновских племен в Тюменском Притоболье представляется нам не вполне корректным. Заметим, что не только в позднем бронзовом веке, но и в другие археологические периоды – от неолита до средневековья – зауральские и притобольские культурные комплексы обладали локальным своеобразием, и поэтому не должны рассматриваться в рамках одного географического подразделения.

годов и связано, прежде всего, с деятельностью екатеринбургских археологов. В 80-е гг. к активным археологическим работам на юге Тюменской области приступили сотрудники Тюменского государственного университета и Института проблем освоения Севера СО РАН. Совместными усилиями археологов удалось сформировать источниковую базу, представляющую интерес для широко круга специалистов в связи с изучением многих актуальных проблем андроновской культурной общности. Основу этой базы составляют материалы стационарно исследованных поселений Ук III, Черемуховый Куст, Дуванское XVII и Хрипуновского могильника². К числу опорных памятников тюменского района АКИО с полным основанием можно отнести Чистолебяжский могильник, расположенный у северной границы Курганской области. Интересные материалы, характеризующие этап освоения андроновским населением подтаежного Притоболья, получены при раскопках поселений на Андреевском озере близ Тюмени (ЮАО-VI, САО-рас.6) и вытекающей из него р.Дуван (Дуванское XVIII). Существенной частью источникового фонда являются материалы из рекогносцировочных раскопок, осуществленных на ряде андроновских поселений и могильников, а также некоторые разведочные сборы и случайные находки (Ново-Шадрино VIII, Лариха I-II, Мохирево III, Карьер II, Козлов Мыс, Перейминский 3 могильник и др.).

Введенная в научный оборот информация о результатах исследования андроновских памятников Тюменского Притоболья далеко не во всех случаях носила исчерпывающий характер. Исключением стали поселение Черемуховый Куст и могильники Хрипуновский и Чистолебяжский, материалам которых посвящена серия заметок, статей и обобщающие монографии В.А.Заха и А.В.Матвеева (Зах, 1987; 1992; Могильников, 1984; Куйбышев, 1991; Матвеев, Матвеева, Зах и др., 1994; Зах, 1995, Матвеев, 1998). Книги В.А.Заха и А.В.Матвеева богато иллюстрированы и дают возможность получить наглядное представление как об исследованных

² На завершающей стадии работы над рукописью данной книги в печати появилось краткое сообщение наших тюменских коллег о предварительных итогах исследования двух новых андроновских памятников – поселений Нижне-Ингальское 3 и Щетково 2 (Матвеев, Матвеева, Крюкова, 1999). Можно надеяться, что со временем они также станут базовыми памятниками тюменского района андроновской культурной общности.

объектах, так и о специфике полученного инвентаря. Достаточно подробно охарактеризован андроновский комплекс находок поселения Ук III (Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991), но из-за малого тиража и по ряду других причин эта публикация осталась вне поля зрения многих специалистов. Единственная небольшая по объему статья о поселении федоровской культуры Дуванское XVII кажется нам сейчас малоинформативной, замечательные материалы этого памятника нуждаются в дополнительном освещении. В равной мере сказанное относится к комплексам андроновского времени, исследованным на Андреевском озере (Юровская, 1973); сведения о других памятниках в археологической литературе отсутствуют.

Таким образом, полноценное использование всего фонда источников по андроновскому периоду бронзового века предтаежного Притоболья в настоящее время невозможно ввиду того, что значительная их часть остается до сих пор малоизвестной, либо просто неизвестной. Данное обстоятельство побудило нас еще раз оценить существующие публикации, имеющиеся в нашем распоряжении археологические коллекции, архивные материалы, и, в конечном итоге, привело к решению подготовить работу, в которой малоизвестные древности тюменского района АКИО получили бы, насколько это возможно, более детальную характеристику и интерпретацию.

В предлагаемой работе не нашли отражения материалы поселения Черемуховый Куст, Хрипуновского и Чистолесбязского могильников, прекрасно опубликованных В.А.Захом (1995) и А.В.Матвеевым (1998), но в ней учтены сведения о других андроновских памятниках, исследованных екатеринбургскими и тюменскими археологами за период с конца 60-х годов. Кроме того, небольшой раздел посвящен изделиям самусьско-кижировского типа, найденным в окрестностях Тюмени, и попытке увязать их с культурными образованиями бронзового века Тюменского Притоболья. Мы выражаем глубокую признательность нашим коллегам, предоставившим ценную информацию и возможность использовать полученные ими материалы – В.Т. Ковалевой, С.Г. Пархимовичу, Н.В. Варанкину, А.Н. Панфилову, В.И. Семенову и рано ушедшему из жизни Ю.М.Кутакову. Слова благодарности мы адресуем также П.А. Косинцеву, выполнившему анализ всех палеозоологических коллекций, и А.А.Погодину, оказавшему существенную помощь в подготовке макета издания.

Несколько слов о структуре книги. Она задумывалась как сводная работа, в которой основное место занимает характеристика памятников, объектов и вещевых комплексов, которые сгруппированы и расположены по хронологическому признаку (насколько верны наши соображения о хронологической позиции тех или иных комплексов – особый вопрос). Изложение фактического материала сопровождается соответствующими комментариями и иллюстрациями; при подборе последних мы руководствовались желанием дать общее представление об исследованных объектах, индивидуальных находках и массовом инвентаре.

Памятники тюменского района андроновской культурной общности

Несколько археологических памятников, содержащих материалы андроновского облика, исследовано на побережье Андреевского озера в окрестностях Тюмени. Андреевское озеро представляет собой целую озерную систему, состоящую из ряда больших и малых водоемов. Обычно их делят на Верхние Андреевские, куда входят Большое и Малое Андреевское, и Нижние Андреевские – Песьянка, Грязное, Батарлыга, Казариново, Большой Дуван и др. В озеро впадают три небольших ручья. Вытекает одна речка Дуван, связывающая его с р.Пышмой. Общая площадь всей системы от 30 до 32 кв. км (Иваненко, Булатов, 1998, с. 98-108).

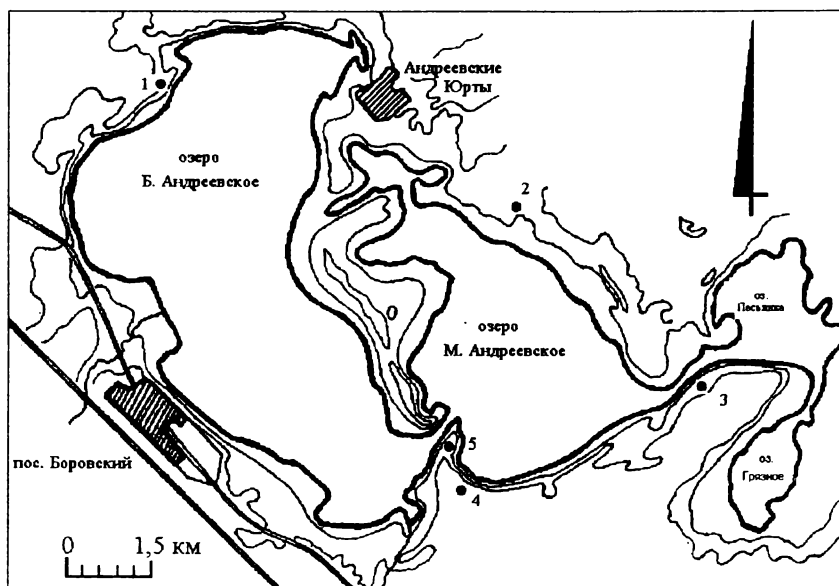

Рис. 2. Карта памятников Андреевской озерной системы: 1 – САО, раскоп 6, 2 – могильник Карьер II, 3 – могильник Перейминский 3, 4 – ЮАО, участок VI, 5 – могильник Козлов Мыс 4.

Разнообразные ландшафты и богатые рыбные запасы издавна привлекали людей в эти места. К сожалению, уже к концу 60-х годов, когда экспедиция Уральского университета приступила к планомерным археологическим работам на озере, многие участки его побережья оказались в той или

рообразный выход. Длина коридора - 3 м, ширина 1-1,5 м. Котлован с пологими стенками, углублен в материк на 0,2-0,4 м. Дно постройки ровное. Около северной стенки выявлено углубление прямоугольной формы размером 2,2×0,8 м, опущенное ниже уровня котлована на 0,1-0,15 м. За пределами сооружения зафиксировано несколько больших и малых ям. Две ямы (№№ 10, 14) овальной формы, размером 2,5-3×1,5-1,8 м, глубиной 0,38-0,43 м располагались вплотную друг к другу в 2 м от западной стенки котлована. В 1,5 м от юго-западного угла сооружения находилась небольшая овальная яма размером 1×1,5 м глубиной 0,16 м. Еще одна большая яма была выкопана рядом с северо-восточным углом постройки. Она овальной формы размером 3,5×2,5 м, глубиной 0,3 м. В этом углублении, на нижнем горизонте, обозначились очертания пяти столбовых (?) ямок. Во всех больших ямах обнаружены фрагменты керамики, подобные тем, которые составляли основной комплекс находок в котловане первого сооружения. По мнению В.Т.Юровской, малый котлован – это остатки хозяйственной постройки, связанной с расположенным рядом жилищем

Коллекция находок с поселения на участке VI Южного берега Андреевского озера представлена немногочисленным собранием керамики, каменными изделиями, глиняными грузилами и обломками бронзовых изделий.

При обработке были учтены фрагменты шеек 36 сосудов и 134 фрагмента стенок. Сосуды горшечной формы, довольно больших размеров (у половины сосудов диаметр по венчику превышал 20 см). У многих горшков переход от шейки к тулову оформлен в виде ребра (рис. 3-4; 4-7, 11). Венчик чаще всего уплощенный (29 экз.), реже округлый. Украшена посуда весьма просто. Наиболее распространенным элементом орнамента являются узкие желобки или горизонтальные ряды прокатанной гребенки (32,2%), ряды наклонных оттисков гладкого или гребенчатого штампа (20,6%). Стенки сосудов украшены более разнообразно: встречаются композиции из ромбов (2,7%), меандровых фигур (1,0%), треугольников (1,6%), но преобладающими и здесь остаются ряды прокатанной гребенки или каннелюр. Особый колорит орнаменту этой посуды придают маленькие круглые ямки, расположенные у верхнего края сосудов (рис. 4 – 3,5,6,8) и мелкие вдавления-наколы овальной и подтреугольной формы. Подобными наколами часто обрамлены геометрические фигуры (рис. 3 – 1-4,7). Среди технических приемов преобладает гребенчатый штамп (40%),

удельный вес техники вдавлений составляет 33,3 %, ямочной – 14,6%, прочерченной – 13,3%.

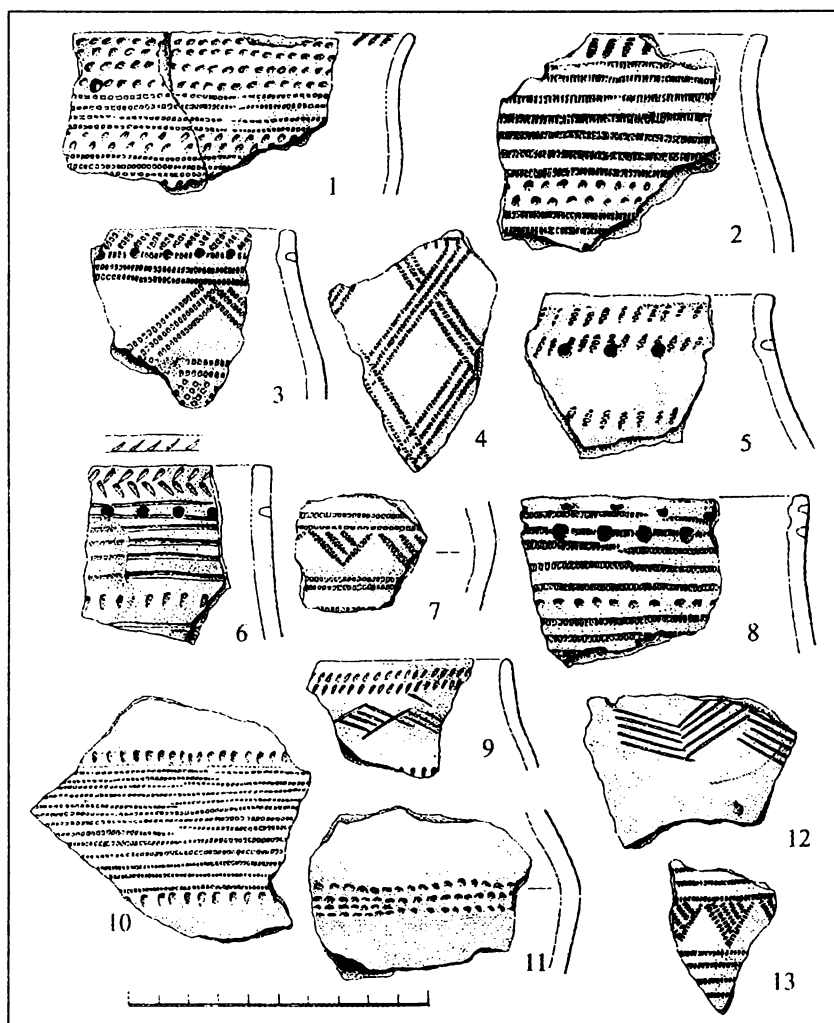

Рис. 4. Поселение ЮАО-VI, раскопы 5, 10. Керамика.

Прочий вещевой инвентарь не отличается богатством и разнообразием. Керамические грузила овально-уплощенные с желобком посередине (рис.5-8,9). Бронзовый крючок длиной 7,2 см изготовлен из круглого в сечении дрота диамет-

иной степени пострадавшими от антропогенного воздействия (о количестве безвозвратно утраченных памятников археологии можно только догадываться).

Уникальный комплекс древних поселений выявлен на южном берегу Малого Андреевского озера. Культурный слой здесь тянется почти непрерывной полосой на протяжении нескольких километров, достигая в ширину 150-200 м.

Для обозначения памятников эта часть южного берега была поделена на условные участки, которым были присвоены обозначения ЮАО-I, II, III и т.д. Заинтересовавший нас материал получен при раскопках на территории **V и VI участков ЮАО**, располагавшихся в 300-350 м к востоку от Козлова мыса – полуострова, вдающегося в озеро напротив Большого острова (рис.2). В коллекции находок, среди прочих культурно-хронологических групп, был выделен оригинальный комплекс керамики эпохи бронзы, названный авторами раскопок «желобчатым». Объекты, связанные с этой керамикой, исследованы в раскопах 5 и 10 ЮАО-VI. В раскопах 1, 2, 3, 8, 9 ЮАО-VI и ЮАО-V «желобчатая» керамика встречается вне объектов (Юровская, 1969; Викторова, Казимирова, Сухина, 1969; Викторова, 1971; Трофименко, 1970). В 1973 г. краткие сведения о памятниках южного берега были опубликованы В.Т.Юровской (Юровская, 1973, с. 13-15).

Раскопами 5 и 10 площадью 408 кв. м на поселении ЮАО-VI изучены две впадины и большая часть межжилищного пространства. Впадины диаметром 5 и 7-8 м, глубиной 0,25-0,3 м располагались в 15 м друг от друга. Напомним описание вскрытых остатков и керамики. Котлован жилища (рис. 3) квадратной в плане формы с выступами в восточной части (длина выступов – 0,8-1,0 м), размером 8,5Х9 м, ориентирован по линии ЮВ-СЗ. Глубина котлована не превышала 0,1-0,15 м. По периметру стен котлована зафиксирована канавка шириной 0,5-0,6 м, по углам ширина ее достигала 1,5-1,8 м. Глубина канавки от уровня материка составляла 0,2-0,25 м. Четыре столбовые ямки диаметром 0,3-0,35 м, глубиной до 0,4-0,45 м располагались с внешней стороны выступа в юго-восточном углу, одна ямка находилась напротив выступа в середине восточной стенки.

В центре сооружения расчищено очажное пятно. Рядом с ним обнаружены куски спекшейся глины с отпечатками пальцев (обломки кирпичиков?). Еще один очаг находился в 3 м к югу от юго-восточного угла котлована. Он представлял собой кострище округлой формы диаметром 1 м.

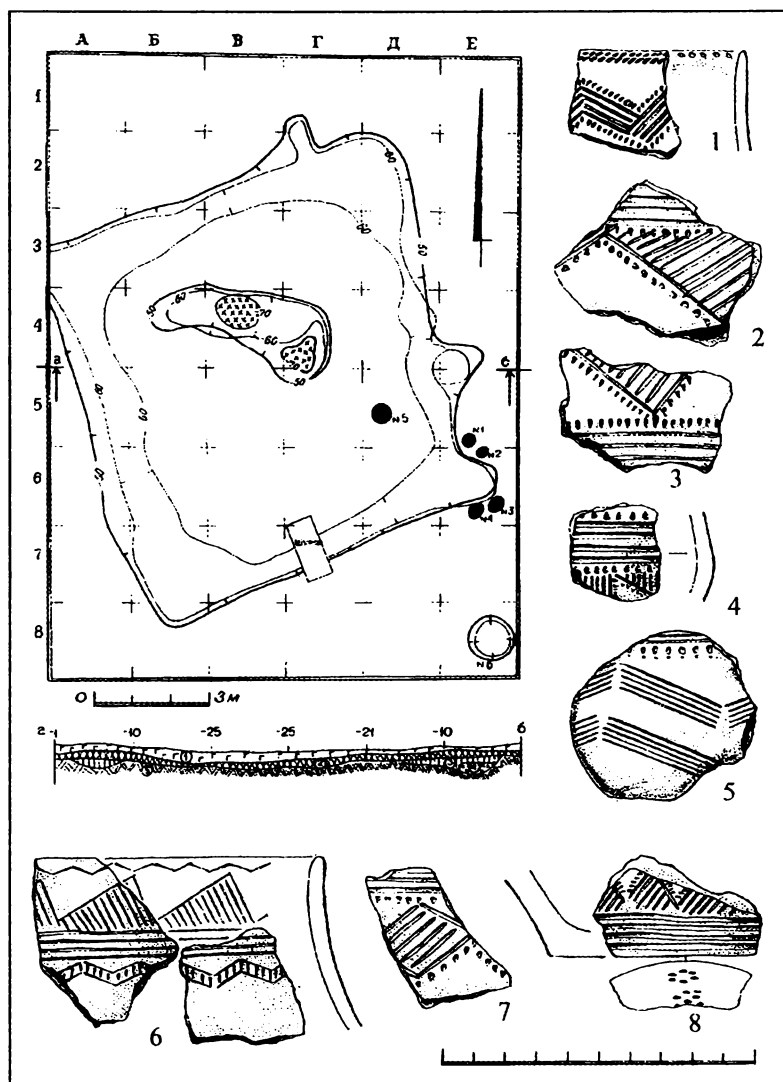

Рис.3. Поселение ЮАО - VI, раскопы 5,10. План жилища.
Керамика (5 - фрагмент со следами вторичного использования).

В очажной линзе обнаружены кальцинированные косточки, керамика, кусочки шлаков, обломок каменного изделия.

Котлован другой постройки – квадратной формы, размером 4,3×4,6 м. В юго-восточном углу зафиксирован коридор-

ром 0,5 см. Острие заточено, верхний край расплющен и свернут в петлю (рис.5-7). Металлические изделия представлены также обломком слабоизогнутого, клиновидного в сечении, серпа (рис.5-2) и обломком ножа (рис.5-4).

Среди предметов из камня заслуживает внимания оружие, обычно определяемое как пест (рис.5-1). Аналогичные находки на ряде других андроновских поселений интерпретируются как металлообрабатывающие орудия (Зданович С., Коробкова, 1988, с. 61-64). В частности, похожие изделия с поселений Ук III и Дуванское XVII (рис. 16 и 28) определены Г.Ф.Коробковой как молотки среднего действия дляковки металла.

Установление культурной принадлежности поселения вызывает затруднения. В публикации В.Т.Юровская ограничилась ссылкой на его очевидную синхронность андроновским памятникам и указала вероятную дату – середина II тыс. до н.э. (Юровская В.Т., 1973, с. 15,17). И сейчас, спустя почти тридцать лет после открытия памятника, мы вынуждены констатировать, что основной комплекс керамики однозначной культурно-хронологической оценки не имеет. Возможно, поэтому он не всегда учитывается специалистами.

Попытаемся обозначить место подобных памятников в системе древностей эпохи бронзы подтаежного Притоболья. Поселение на южном берегу Мал. Андреевского озера необычно. Его своеобразие наиболее ярко проявляется в облике материальных остатков, прежде всего, керамики. Даже на первый взгляд видно, что керамический комплекс неоднороден; в его составе можно выделить, как минимум, два компонента. Один из них прямо или опосредованно связан с какой-то из культур андроновской общности. Мы имеем в виду немногочисленную группу сосудов горшечной формы, в орнаментации которых широко использовались геометрические мотивы (рис. 3; 4 – 7,13). Узоры выполнены в прорезанной технике, гладким и гребенчатым штампами, а также протасенной гребенкой (рис. 3 – 1,5; 4 – 12). По-видимому, для посуды этой группы характерны ребристый профиль стенок и такая декоративная деталь как обрамление фигур бахромой из мелких вдавлений.

В опубликованной ранее статье, мы высказали мнение о возможности сопоставления керамики ЮАО - VI с петровской и алакульской посудой (Корочкова, Стефанов и др., 1991, с. 76). Не отказываясь от своего мнения, уточним, что речь идет об одной из групп керамики этого памятника. Свидетельством правомерности андроновских параллелей

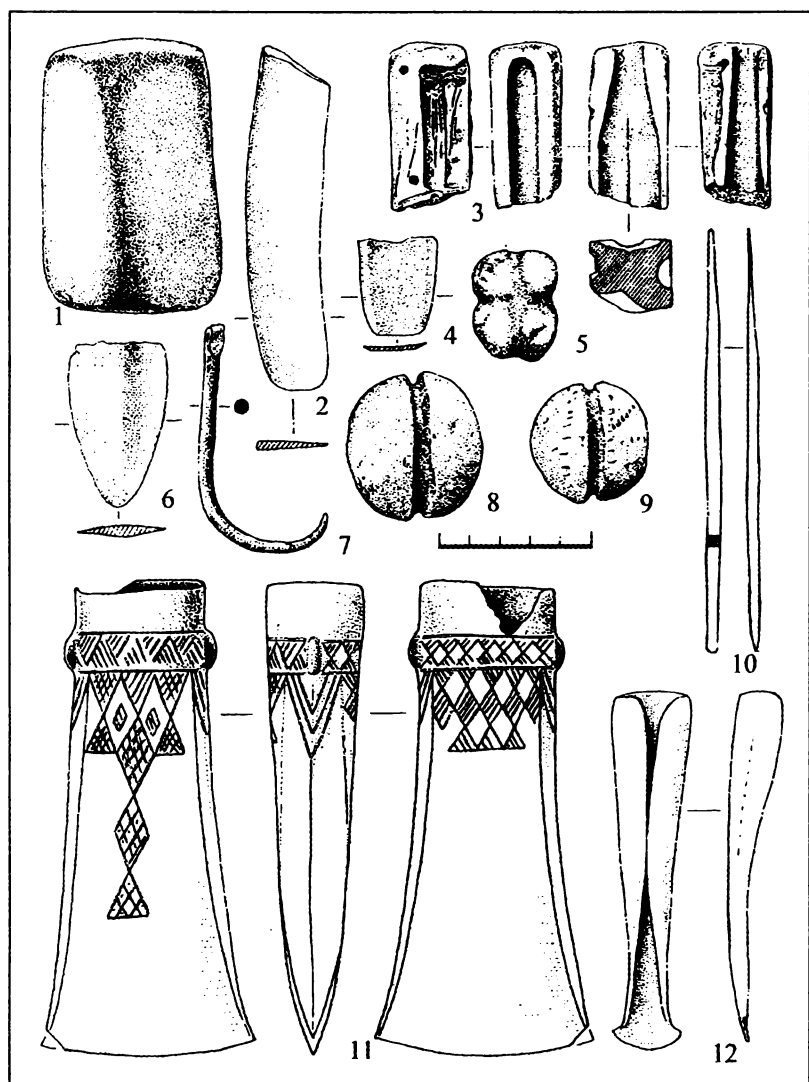

Рис 5. Изделия из камня и бронзы. 1,2,4,5,7,8,9 - ЮАО-VI, раскопы 5, 10; 3 - поселение Дуванское I; 6 - поселение Дуванское V, раскоп 3; 10-12 - северный берег Андреевского озера, случайные находки (1,3-камень; 5,8,9 - глина; 2,4,6,7,10-12 - бронза).

являются фрагменты сосуда с алакульским орнаментом и неорнаментированной полосой в нижней части шейки (рис. 3 - 6), а также состав коллекции индивидуальных находок (рис. 5 - 1, 2, 4, 7-9), не имеющий аналогий в местных доандроновских комплексах. Бронзовые крюки, слабоизогнутые серпы или однолезвийные ножи, каменные орудия для работы по металлу – это типичный набор инвентаря на большинстве андроновских поселений Зауралья и Казахстана. Глиняные грузила с желобком обычны на поселениях Приоболыя, начиная с андроновского времени (см., например: рис. 16 - 4, 7; 28 - 5, 14 в данной работе; Зах, 1995, с. 60, рис. 40 - 11, 12).

Гораздо менее определено наше мнение о конкретной культурной принадлежности андроновского (суперстратного) компонента ЮАО-VI. Помимо алакульских и петровских или раннеалакульских (ребристый профиль) признаков, в облике посуды данной группы имеются черты, позволяющие сближать ее с керамикой коптыковского типа (Хлобыстин, 1976, с. 58; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993, с. 183).

Коптыковские ассоциации вызывают: удлинённые пропорции сосудов, ребристый переход к горловине, сплошная орнаментация, чередование орнаментированных и неорнаментированных поясков, «бахрома», ямки и угловые вдавления, желобки в сочетании с рядами наклонных оттисков, обрамление узоров вдавлениями, сетка из длинных полос (Сальников К.В., 1964, с. 9; Хлобыстин, 1976, с. 56). Встречается на коптыковской керамике и столь характерный для ЮАО-VI узор из многорядных полос прокатанной «гребенки». Иногда, в силу нечеткости гребенчатых оттисков, этот орнамент воспринимается как желобчатый. Однако собственно коптыковской керамику ЮАО-VI назвать трудно. Здесь нет такого разнообразия элементов как на керамике поселений Коптыки V, Липовая Курья: мало ромбов, единичны меандровые узоры, вдавления обычно выполнены при помощи округлой или заостренной палочки, а не гребенчатым штампом.

Основу характеризуемого керамического комплекса составляют сосуды, преимущественно горшечно-баночных форм, с плавным профилем и ребром на тулове, однообразно орнаментированные (многорядные пояса горизонтальных линий – прочерченных или прокатанных, ряды наклонных отпечатков гребенчатого штампа, различных вдавлений, в том числе ямочных в верхней части шейки – рис. 4). Геометрические фигуры в орнаменте редки (рис. 4-4, 9).

Данная группа посуды отражает субстратный компонент в культуре населения, оставившего памятники типа ЮАО-VI. О её принадлежности к аборигенной культуре свидетельствуют ямочные вдавления под венчиком, невыраженность форм, преобладание гребенчатой техники среди прочих приемов нанесения узоров. Отметим, что один из реставрированных сосудов этой группы имел округлое дно и сплошную орнаментацию (в 70-е годы он был передан на музейное хранение, поэтому в данной работе его рисунок отсутствует). Наконец, отсутствие прямых аналогий в андроновских памятниках можно рассматривать как еще одно - косвенное свидетельство местного происхождения этой керамической серии.

Закономерен вопрос - с какой из местных культур можно соотнести характеризуемую группу находок поселения ЮАО-VI? Однозначного ответа на этот вопрос у нас нет. По данным литературных источников, накануне андроновского продвижения в северную лесостепь и предтаежную зону Притоболья эту территорию заселяли племена ташковской культуры (Ковалева, 1988; 1993; 1997). Казалось бы, следы именно ташковско-андоновских контактов должны фиксировать мы в археологическом материале. Свидетельства таких контактов есть, но они крайне немногочисленны³. Что касается ЮАО-VI, то «местная» группа керамики не имеет параллелей в ташковских комплексах, кроме, может быть, общефоновых. Не слишком явны аналогии субстратному комплексу керамики в памятниках одиновской культуры, распространенной в южнотаежном Притоболье вплоть до времени формирования андроновидной сузгунской культуры (Косарев, 1981, с. 84-86; Глушков, Глушкова, 1992, с. 108-114; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 109-114).

Рискуя увязнуть в проблемах, не имеющих прямого отношения к культурно-хронологической характеристике материалов ЮАО-VI, ограничимся следующими высказываниями.

На наш взгляд, памятники типа ЮАО-VI соответствуют стадии уже не контактов, а непосредственного взаимодействия носителей различных культурных традиций, в результате которого происходит формирование комплексов смешанного облика. Ни один из компонентов таких комплексов

³ Подчеркнем, что нас интересуют археологически фиксируемые связи ташковских групп с андроновскими, а не раннеабашевскими, абашевскими или синташтинскими, которые андроновскими не являются

не поддается культурной идентификации – отчасти, из-за малочисленности и невыразительности имеющихся серий, отчасти вследствие слабой изученности притобольских древностей доандроновского периода, отчасти, из-за того, что взаимодействующие компоненты подверглись трансформации, изменившей их первоначальный облик. Более или менее ясно происхождение одного из них (суперстрата): он, как нам кажется, связан с культурой андроновской общности – скорее, с алакульской (находящейся в той стадии, когда в профилировке посуды еще сохраняется ребристый профиль), чем с какой-либо другой. Коптяковские ассоциации, о которых говорилось выше, возможно, объясняются тем, что сложение комплексов коптяковского типа (Коптяки V, Нижняя Макуша, Палатки I) в горно-лесном Зауралье происходило по аналогичной схеме, т.е. с участием южных влияний (Хлобыстин, 1976, с. 55, 56; Косарев, 1993, с. 75-77; Викторова, 1999).

Стадию окончательного закрепления традиций алакульской культуры в предтаежном Притоболье демонстрируют материалы из раскопок поселения на северном берегу Большого Андреевского озера – **САО, раскоп 6**.

Памятник исследован и опубликован В.Т.Юровской (Юровская, 1973, с. 17). Вскрытая площадь составляет 136 кв. м. В раскопе выявлены остатки котлована жилища – подчетырехугольно-овальной в плане формы, размером 8Х6 м, ориентированного по линии С-Ю. Стенки котлована отвесно опускались к дну, отмеченному на глубине 0,5-0,6 м в материке. Других подробностей об исследованном сооружении автор раскопок не сообщает. Обращает на себя внимание большая глубина котлована при сравнительно малой его площади.

Коллекция керамики, собранная в раскопе, невелика. Учтены шейки от 36 сосудов, 138 фрагментов стенок и 1 целый сосуд. Посуда тонкостенная, в результате обжига приобрела красноватый оттенок. Внутренняя и внешняя поверхности тщательно обработаны, заглажены. Тесто содержит примесь шамота. Судя по сохранившимся крупным обломкам, большинство сосудов – горшки с довольно высокой, немного выгнутой шейкой, которая переходит в уступчик на плечике (рис. 6 – 5, 7). Венчик чаще округлый (50%), реже уплощенный или приостренный. Орнамент покрывал верхнюю половину горшков. Основные элементы узора – горизонтальные одинарные или многорядные зигзаги (26,4%), круглые ямки, скомбинированные по три, четыре

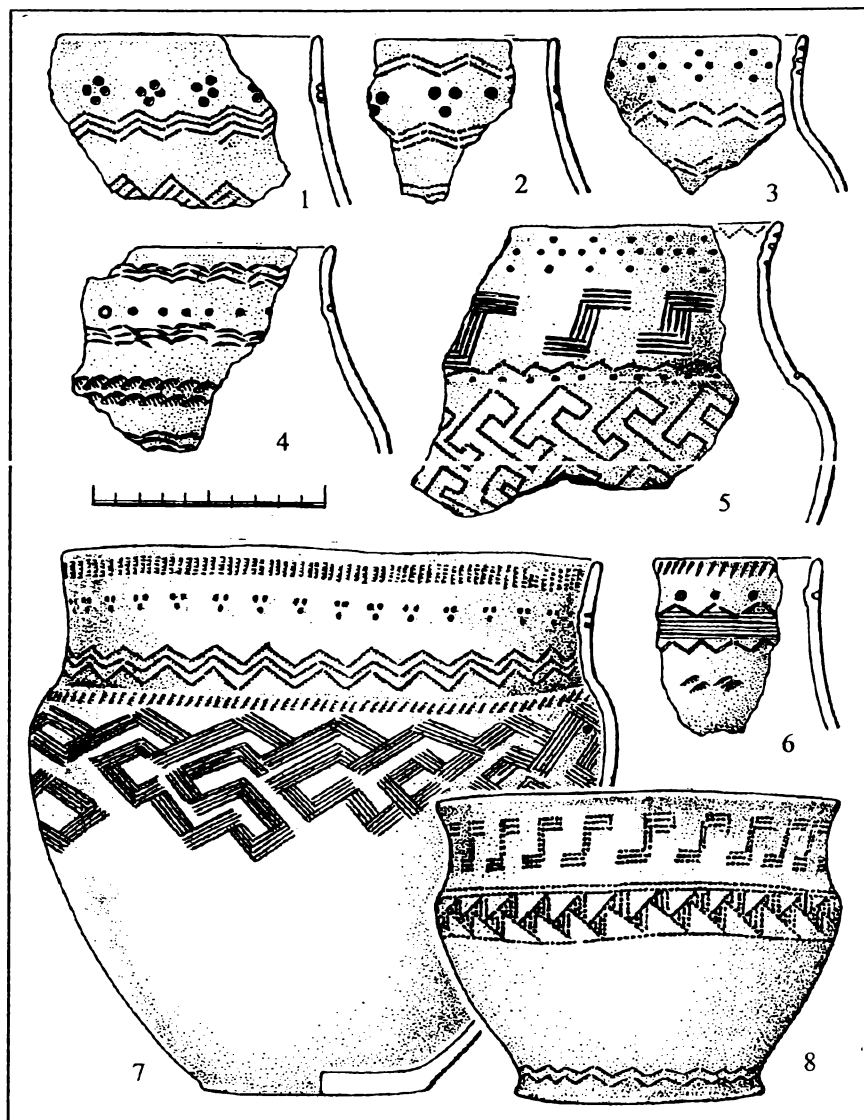

Рис. 6. Андроновская керамика с побережья Андреевского озера.
(1-7 - CAO, раскоп 6, 8 - ЮАО-VI, раскоп 8).

(24,2%), ряды ямочных вдавлений (8,8%), пояски из отпечатков углом гребенчатого штампа, косые насечки (6,6%). На трех сосудах зафиксирован меандровый орнамент: в одном случае это характерные «уточки», нанесенные по шейке (рис.6-5), меандровый орнамент на тулове другого горшка выполнен в оригинальной контурной манере, когда внутреннее пространство лент меандра оставалось незаполненным (рис.6-5). В коллекции есть фрагмент горшка, у которого прогиб к горловине орнаментирован двумя широкими желобками (рис.7-6). В качестве орнамента использовался гребенчатый штамп с аккуратными зубцами (64,4%), гребенчатым штампом работали в технике прокатывания, печатания, реже протаскивания. Ямочная, резная и желобчатая техника применялись в одинаковом соотношении – 6,7%. Керамика, аналогичная описанной, была зафиксирована еще в нескольких пунктах на южном берегу Андреевского озера, на поселениях Дуванское XVIII (рис.7-8) и Ипкуль II (Косарев, 1981, с. 113, рис. 40-7,12). Интересен небольшой целый сосуд, найденный в раскопе 8 на поселении ЮАО-VI (рис.6-8). Он украшен по шейке, тулову и придонной части характерным андроновским узором: на шейке это «уточки» из отпечатков гребенчатого штампа, на тулове – бордюр из равнобедренных треугольников, образующих оригинальный флажковый орнамент, придонная часть подчеркнута двойным зигзагом (рис.6-8). Кроме него в раскопе 8 обнаружены фрагменты, аналогичные найденным на северном берегу озера.

Поселения с подобной керамикой можно уверенно относить к кругу памятников алакульской культуры. Своеобразие комплекса определяется присутствием элементов орнамента, не свойственных алакульской керамике степных и лесостепных памятников. Речь идет о ямочных вдавлениях в верхней части шейки многих сосудов и их оригинальных комбинациях (рис.6; 7). Как правило, ямочные вдавления обозначены на внутренней стороне стенок жемчужинами. В числе других нетипичных для классической алакульской керамики черт можно отметить: тонкостенность, сильную раздутость тулова, уступчики в близком к плавному профилю стенок, нанесении ямок непосредственно по уступу (рис.6-5). В целом же, несмотря на заметные в ряде случаев отступления от стандартов, характеризуемая керамика имеет вполне алакульский облик.

Ближайшие аналогии комплекс керамики из раскопа 6 САО имеет в материалах позднеалакульского поселения

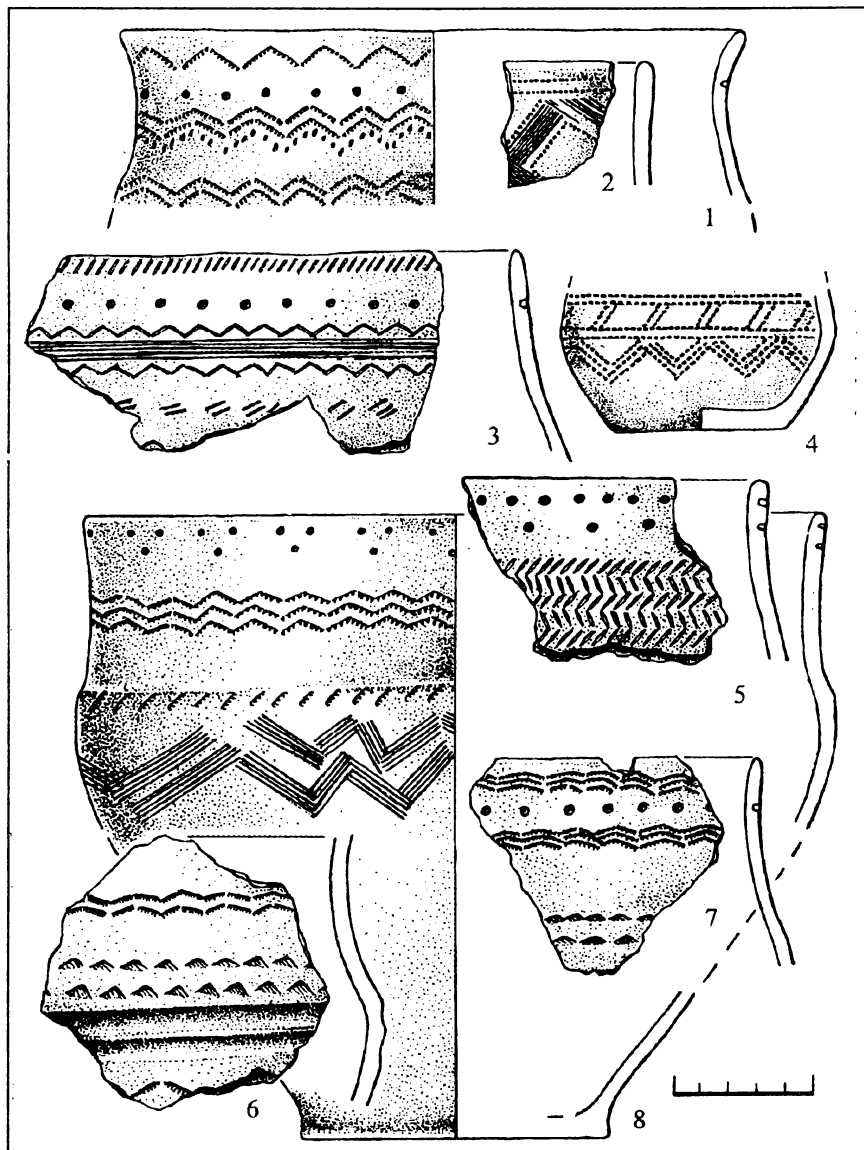

Рис. 7. Андроновская керамика поселений CAO, раскоп 6 (1-7) и Дуванское XVIII (8).

Ук III. Речь не идет о полном сходстве, но оно есть и достаточно высокое. В частности, среди сосудов из жилищ посе-

ления Ук III есть несколько тонкостенных горшков, шейка которых украшена пояском ямок с жемчужинами изнутри, а на одном экземпляре ямочные вдавления сгруппированы по четыре (рис. 13 – 5,9,10). В коллекции укской посуды есть горшки с узорами, обрамленными бахромой (рис. 13 – 7,9; 14 – 5). На наш взгляд, хронологические позиции поселения типа САО (раск.6) и Ук III в значительной степени близки. Говоря о чертах, отличающих эти комплексы, следует иметь в виду их различное географическое положение: Ук III расположен в лесостепи, а САО, Дуван XVIII, Ипкуль II находятся в подтаежной подзоне, т.е. на северной границе алакульского ареала.

В той же подзоне, что и памятники Андреевского озера, находится очень интересное поселение **Мохиревское III** (рис. 1). Оно расположено на левом берегу р.Пышмы в окрестностях с.Мохирева Талицкого района Свердловской области. Напомним, что левым притоком р.Пышмы является речка Дуван, вытекающая из того же Андреевского озера. Памятник открыт в 1963 г. разведочной группой Уральской археологической экспедиции под руководством Ю.М.Кутакова (Кутаков, 1963), дополнительно обследован в 1980 г. О.Н.Корочковой (Корочкова, 1981).

Культурный слой и до десятка впадин от жилищ обнаружены у края первой надпойменной террасы, имеющей высоту 2,5-3 м. Поселение расположено напротив крутой излучины реки, расстояние до которой около 350 м. Терраса покрыта сосновым лесом, на склонах произрастают кустарники и осина, вдоль подножия узкой полосой тянутся заболоченные участки поймы. Интересующий нас материал происходит из одного разведочного шурфа, заложенного на памятнике Ю.М.Кутаковым. Полученная им коллекция включает более 100 фрагментов шести сосудов, из которых четыре реконструируются более чем наполовину (рис. 8). Предпринятые в 1980 г. раскопки имели целью исследование этого поселения как памятника эпохи бронзы, однако, вопреки ожиданиям, в раскопе был выявлен и расчищен котлован жилища раннего железного века. Керамика, типа найденной в шурфе, встречалась, но в очень фрагментированном виде. Таким образом, характер раннего памятника установить не удалось, а представление о соответствующих ему материалах, по-прежнему, основывается на сборах Ю.М.Кутакова.

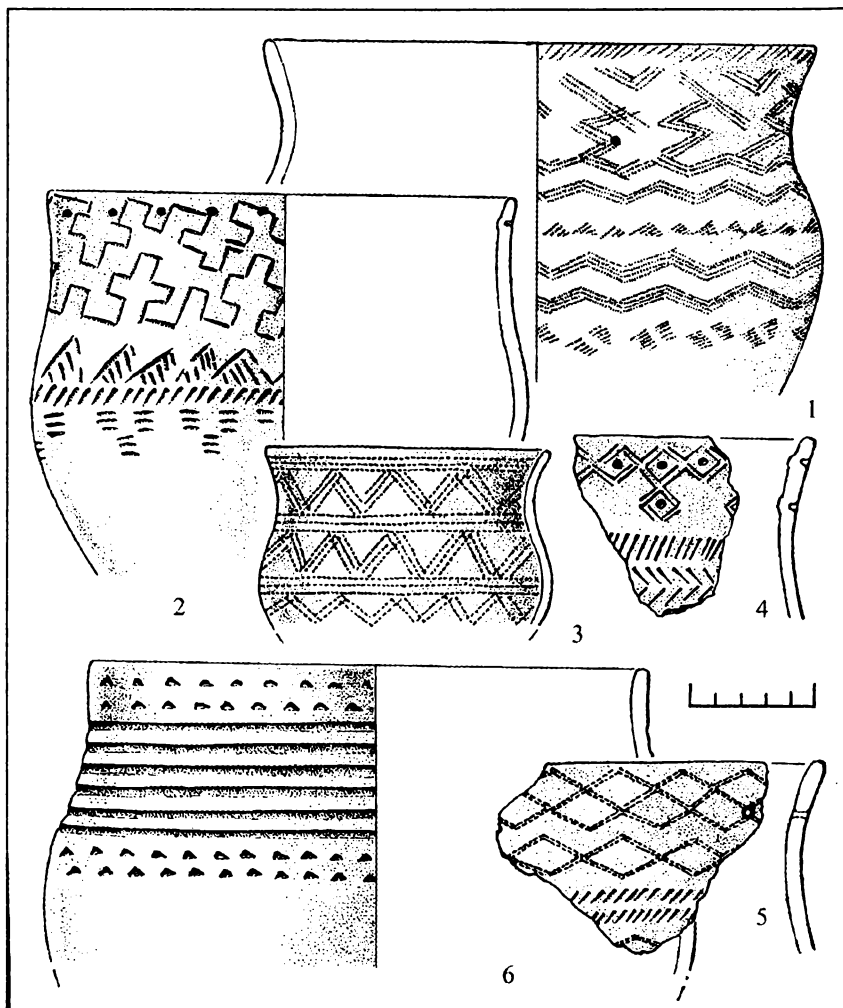

Рис. 8. Поселение Мохиревское III. Керамика.

Сосуды из шурфа – горшечной формы, плавно профилированные, плоскодонные, с округлым венчиком. Все горшки украшены, узор покрывает верхнюю половину или две трети тулова. В коллекции есть фрагменты горшков больших размеров (диаметр устья до 25 см) и часть небольшого сосуда (диаметр устья 13 см). Орнамент на одном из сосудов состоит из зигзаговых, меандровых и треугольных фигур, нанесенных изящным мелким гребенчатым штампом

(рис. 8 - 1). На другом сосуде меандровый орнамент в верхней части тулова выполнен оттисками гребенчатого штампа, в зоне максимального расширения стенок расположены гребенчатые треугольные и ступенчатые фигуры (рис. 8 - 2). В декоре прочих горшков присутствуют желобки, обрамленные рядами уголковых вдавлений (рис. 8 - 6), зигзаговые мотивы, горизонтальные линии, ромбовидные фигуры, пояски наклонных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 8 - 3, 4, 5). Гребенчатая техника орнаментации абсолютно преобладает. По-видимому, для описываемой керамики характерны ямочные вдавления в верхней части стенок с жемчужинами на внутренней стороне (рис. 8 - 2, 4). В одном случае ямки нанесены в центре полых ромбов.

Нетрудно заметить, что по орнаментальным признакам керамика Мохиревского III поселения находит много соответствий в посуде САО (раск. 6), а в ряде случаев сходство достигает очень высокой степени (сравни, например, рис. 7 - 4 и 8 - 3). В обоих комплексах есть сосуды с контурным меандром (рис. 6 - 5 и 8 - 2; причем на мохиревском экземпляре данный узор нанесен не в «своей» зоне), с ямками под венчиком, в том числе оригинально сгруппированными. Вместе с тем, в отличие от посуды из раскопа 6 поселения САО, на мохиревских горшках нет плечевых уступов и проташенной гребенки – типичных для алакульской керамики признаков, а плавная профилировка тулова и, в какой-то мере, пропорции сосудов, позволяют сопоставлять их с керамикой федоровской культуры.

Малочисленность и случайное происхождение (из одного шурфа) мохиревской коллекции обуславливают относительный характер суждений о происхождении, культурной принадлежности и датировке памятника. Тем более, что аналогичные комплексы в среднем течении Пышмы не известны. Как нам кажется, не должен вызвать серьезных возражений вывод об андроновидном облике керамики Мохиревского III поселения (впрочем, уверенности в том, что Мохирево III является поселением, у нас тоже нет). Она не алакульская и не федоровская, но в ней есть и алакульские и федоровские черты, причем первых, пожалуй, больше. Андроновские орнаменты воспроизведены в трансформированном виде. Кроме того, в декоре мохиревских горшков есть элементы, свидетельствующие о сохранении традиций местного населения в керамическом производстве. Мы затрудняемся определить аборигенную культуру, население которой испытало сильнейшее влияние андроновских племен, но допускаем, что оно находилось в родственных от-

ношениях с автохтонным населением подтаежного Притоболья. Андроновский импульс мог исходить из не слишком удаленных районов – с территории Приисетья, освоенной степными и лесостепными обществами в числе первых (поселения Замараевское, Бармино, Ближнее Кубасово, Нижне-Ингальское 3, Щетково 2, Хрипуновский могильник и др.). Могло иметь место и прямое переселение уже подвергшихся андроновскому воздействию групп в бассейн Пышмы.

Синкретические материалы Мохирево III, вероятно, соответствуют заключительному этапу алакульской культуры или началу формирования древностей федоровского типа в подтаежной полосе Притоболья. Это предположение, как и другие высказывания о памятнике, нуждаются в подкреплении новыми фактическими данными.

Алакульский этап бронзового века в тюменском районе андроновской культурной общности отражают комплексы поселения Ук III, Чистолебяжского и Хрипуновского могильников (результаты изучения Нижне-Ингальского 3 поселения в научный оборот еще не введены).

Поселение Ук III находится на левом берегу р. Ук (правый приток Тобола) в окрестностях г. Заводоуковска. Оно расположено в березовом лесу на одном из мысов первой надпойменной террасы, возвышающейся над заболоченной старицей на 2-2,5 м (рис. 9-Б). Около восточного края мысовидного выступа на хорошо задернованной поверхности выделялись 15 округлых впадин диаметром от 4 до 10 м и глубиной 0,2-0,3 м, беспорядочно разбросанных на площади около 4 тыс. кв. м (рис. 9-Б). Памятник раскапывался в 1988-1989 гг., вскрытая площадь составила 370 кв.м.

За два сезона на поселении Ук III в трех раскопах исследованы остатки: нескольких объектов с материалами периода доандроновской бронзы (ташковский культурно-хронологический комплекс; далее – КХК), трех андроновских жилищ с разнообразным и весьма богатым инвентарем (алакульский КХК), одной постройки с керамикой андронидного облика (поздний бронзовый век – пахомовский КХК), одного жилища раннего железного века (носиловский КХК). Кроме того, в процессе раскопок получены немногочисленные коллекции вещественных остатков,

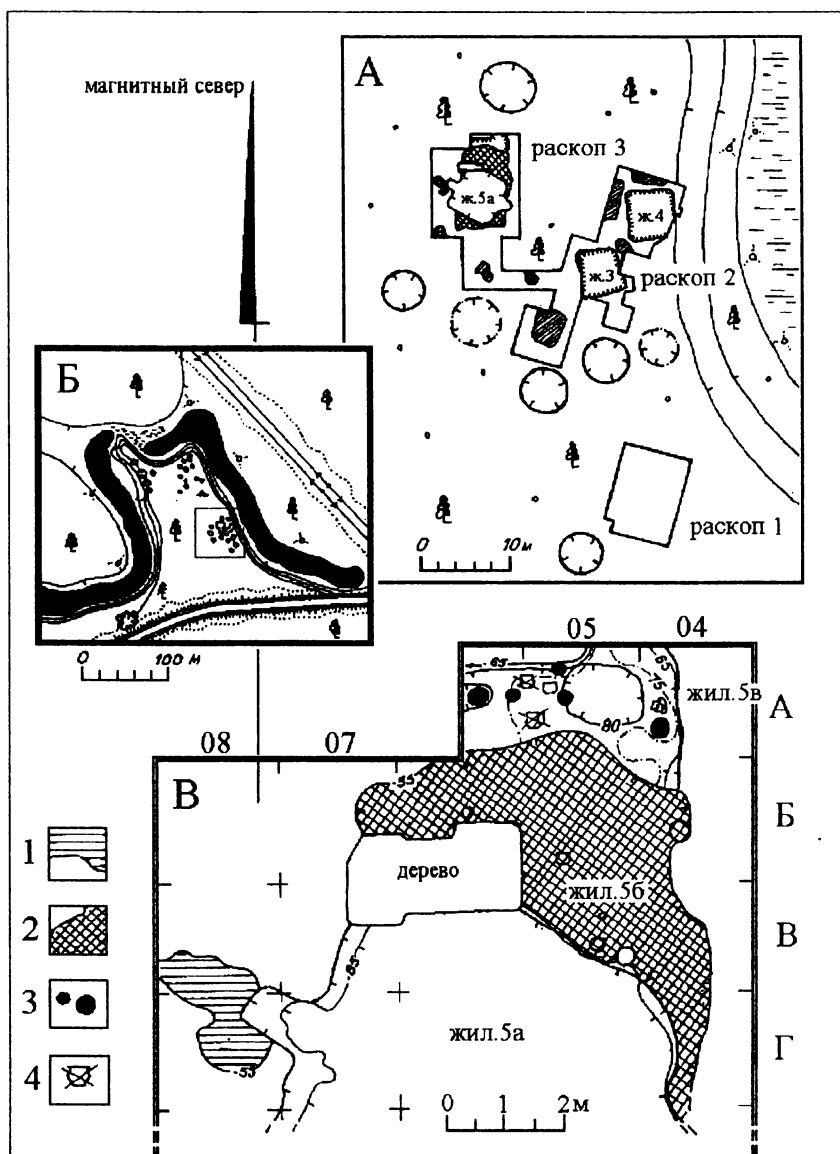

Рис. 9. Поселение Ук III.

А – расположение раскопов и объектов. Б – топографический план. В – план жилища 5в (раскоп 3). Условные обозначения: 1 – объекты ташковской культуры; 2 – постройка 5б пахомовской культуры; 3 – столбовые ямки; 4 – развал сосуда.

относящихся к периоду энеолита, позднему бронзовому веку (иного облика, чем пахомовские) и саргатской культуре раннего железного века.

Многослойные памятники с разновременными материалами в лесостепном и южнотаежном Притоболье не редкость, но поселение Ук 3 среди них заметно выделяется. Одним из главных достоинств этого памятника является то, что вещевой инвентарь, составляющий тот или иной КХК, происходит не столько из перемешанного культурного слоя, сколько из объектов, положение которых по отношению друг к другу надежно определяется стратиграфическими и планиграфическими данными. В частности, в профилях стен раскопа 2 зафиксирована тонкая, местами едва заметная, прослойка ортзанда; она прослеживалась только за пределами котлованов андроновских построек и, видимо маркирует древнюю поверхность периода функционирования алакульского поселка. Пленка ортзанда перекрывала все ранние (ташковские) объекты, керамика алакульского облика ниже нее не встречалась (Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 12-14). Кроме того, углубленная часть алакульского жилища 5в прорезана котлованом постройки, относящейся к андроновидной пахомовской культуре (рис. 9 – В).

Остатки андроновских жилищ исследованы в раскопах 2 и 3 (рис. 9-А).

Жилище 3 (рис. 10). Небольшая постройка, основание которой углублено в землю на 0,15-0,25 м, близкой к квадратной формы, площадью около 22 кв.м (5Х4,5 м), ориентированная стенами почти по сторонам света. В центральной части строения, несколько более углубленной (на 0,2 м по отношению к уровню пола около стен), находился открытый очаг-кострище; в юго-западном углу – хозяйственная яма овальной формы размером 1,8Х1 м и 0,25 м в глубину. На полу обнаружено всего одна ямка от столба. Каких-либо остатков, связанных с конструкцией выхода не зафиксировано, но по ряду косвенных данных можно предположить, что он находился в северо-западном углу. Пол в южной половине жилища был, по-видимому, устлан травой. Здесь в основном и концентрировался бытовой инвентарь: керамика, в том числе один целый и около десятка сосудов в развалах, каменные (молотки, абразивы и др.) и металлические орудия (кельт с «пещеркой», нож, крюк). Только в очаге и около него попадались мельчайшие кальцинированные косточки.

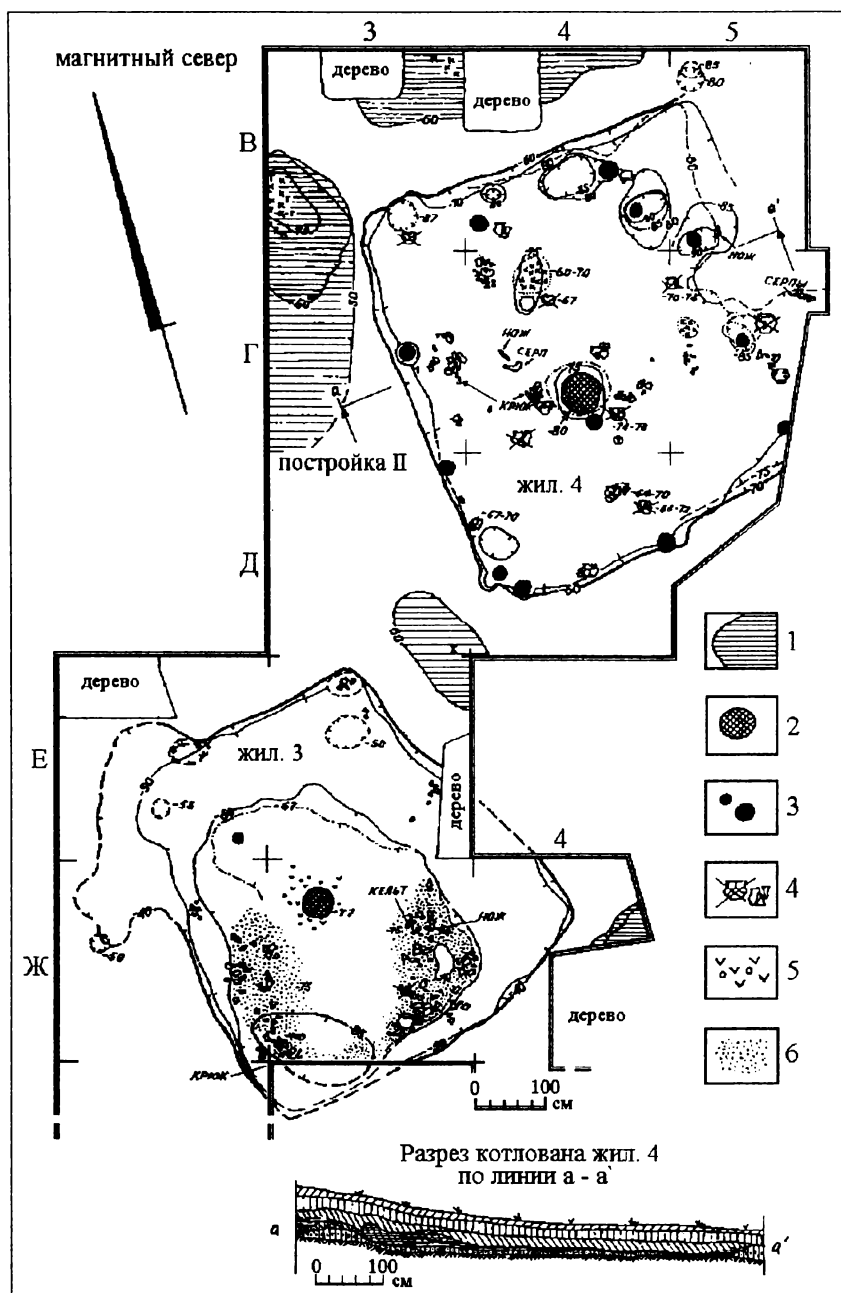

Рис. 10. Поселение Ук III. Планы жилищ 3 и 4.

Жилище 4 (рис. 10) располагалось в 2,4 м к северо-востоку от сооружения 3. Оно представляло собой наземную каркасно-столбовую постройку подквадратной формы, стенами ориентированную по сторонам света, площадью 33-34 кв. м (6X5,8 м). Глубина котлована 0,25-0,35 м от уровня древней поверхности; на полу около стен зафиксировано 12 столбовых ям. Восточная стена была, по-видимому, наклонной, в середине ее, возможно, находился выход. В центральной части помещения находился открытый очаг, толщина прокаленного слоя достигала 20 см. Около очага расчищена еще одна ямка от столба, а в 1 м к северу от него – небольшая хозяйственная яма вытянутой овальной формы размером 0,9X0,35 м и глубиной 0,2 м. На дне ее лежал раздавленный сосуд. На полу – рядом с очагом, около середины восточной, вдоль южной и западной стен – найдено почти полтора десятка сосудов в развалах, 9 металлических (серпы, ножи, крючья, слиток) и несколько каменных (наконечник стрелы, молотки, молот, кусок талька) предметов. Кости животных попадались только в очаге в обожженном виде. Под металлическими изделиями в трех случаях сохранились остатки растений (хвощ лесной).

Жилище 5в (рис. 9-В) находилось в 14 м к западу от четвертого и почти полностью разрушено поздними постройками 5а и 5б. От него сохранилась лишь северо-восточная часть (около 7 кв. м) прямоугольного или квадратного котлована, имевшего глубину 0,2-0,3 м, ориентированного стенами по сторонам света, с выступом в углу, направленным к северу. Длина котлована по линии 3-В составляла, вероятно, около 4,5 м. В пределах исследованной части жилища около стен обнаружено пять столбовых ям и в углу подпрямоугольное углубление размером 1,4X1,0X0,1-0,15 м с ровным плоским дном. Весьма показательно, что 85% из более чем 650 фрагментов андроновской керамики, найденной в раскопе 3, обнаружено в сохранившейся части котлована постройки 5в и в непосредственной близости от него. Среди находок один целый сосуд и несколько в развалах, глиняные грузила, обломки литейных форм. Костей животных нет. По-видимому, с комплексом вещей, когда-то лежавших на полу жилища 5а, следует связывать такие предметы как обломок желобчатого браслета, иглу и каменную булаву, найденные в других местах данного раскопа.

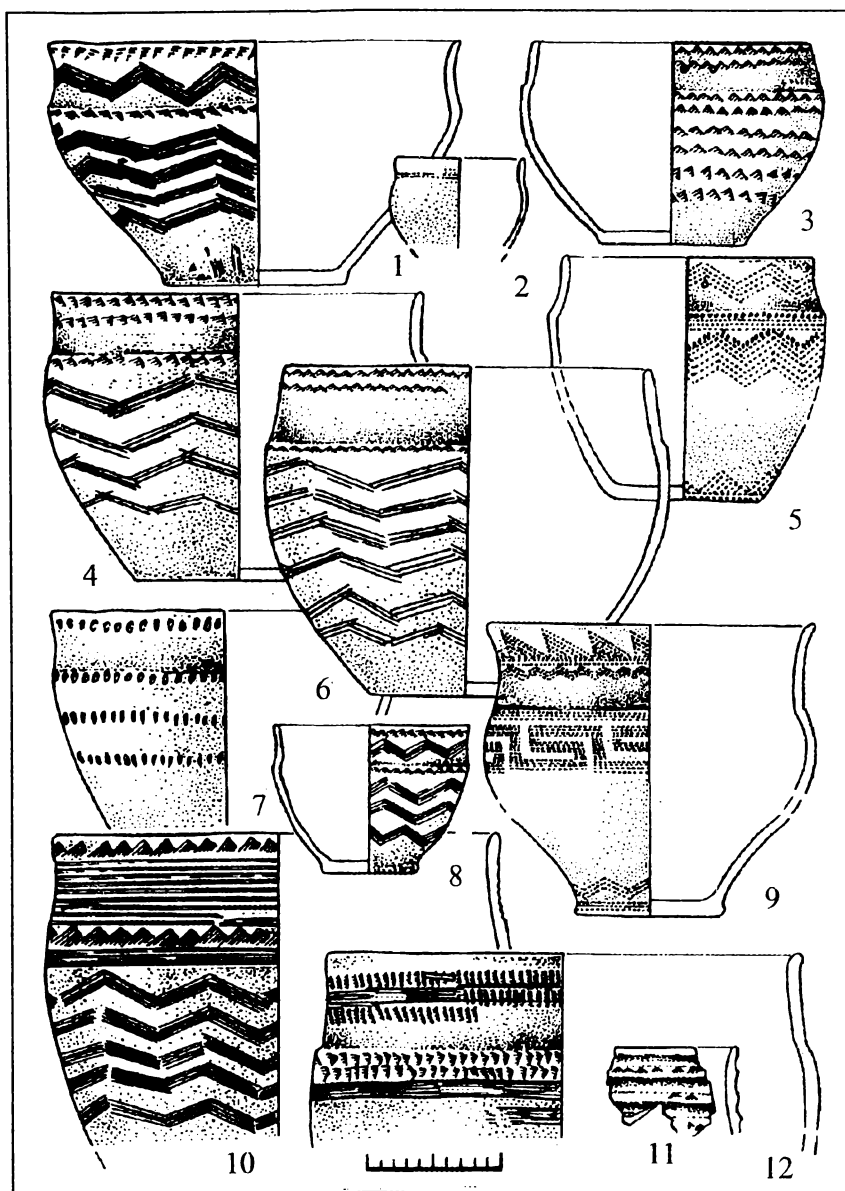

Рис. 11. Поселение Ук III. Керамика из жилища 3.

Исследованные андроновские постройки трудно отнести к долговременным стационарным сооружениям. Они близки между собой по форме, размерам, ориентировке стен, расположению очагов, инвентарю. В частности, в жилище 4 найдены фрагменты сосудов из жилищ 3 и 5в. Ряд наблюдений наводит на мысль, что андроновские жилища были внезапно оставлены его обитателями. Одним из основных доводов в пользу такого предположения является большое количество находок целых орудий, каменных и бронзовых, бесспорно имевших определенную ценность для их владельцев. Однако, ни в одном из раскопанных объектов не обнаружено свидетельств каких-либо возможных бедствий (пожар, наводнение, военный набег). С определенностью можно утверждать, что жилища 3 и 4 были оставлены в теплое время года, так как в них зафиксированы следы (жилище 3) и найдены остатки травяной растительности (жилище 4).

Как бы то ни было, но в нашем распоряжении оказался довольно многочисленный и разнообразный инвентарь, составляющий единый культурно-хронологический комплекс.

Керамика. Коллекция керамики включает два целых сосуда и обломки еще от 78-80. Из числа последних удалось реконструировать 23, остальные представлены фрагментами, среди которых довольно много крупных (рис. 11-15). Посуда из разных построек и раскопов однородна, поэтому ее можно рассматривать в совокупности.

Сосуды светло-коричневого и серого цвета, равномерно обожжены. Визуально определимые примеси в глине – шамот, песок, толченый тальк (16 сосудов) и, возможно, слюда (2-3 сосуда). Кроме того, в глину добавлялась какая-то толченая белая крошка (кость?) и растительные примеси (10 и 9 сосудов). Внешняя и внутренняя поверхность гладкая, в трех случаях внешняя поверхность подвергалась лощению. Почти половина восстановленных сосудов имеют на внутренней поверхности стенок нагар.

В основном, сосуды горшковидной или близкой к ней формы – с профилированной прямой, слегка отогнутой наружу или внутрь шейкой (68 экз.). Переход от шейки к тулову на сосудах этой группы в большинстве случаев обозначен плечевым уступчиком (около 64 %). Дно плоское. Сосудов закрытой баночной формы (рис. 12 - 3, 11) в коллекции 10 (12,5% от общего количества сосудов), они не имеют уступчиков. Единично представлены небольшие открытые чаши (рис. 12 - 6) и миниатюрные, вылепленные из одного куска глины, сосудики высотой до 4-5 см.

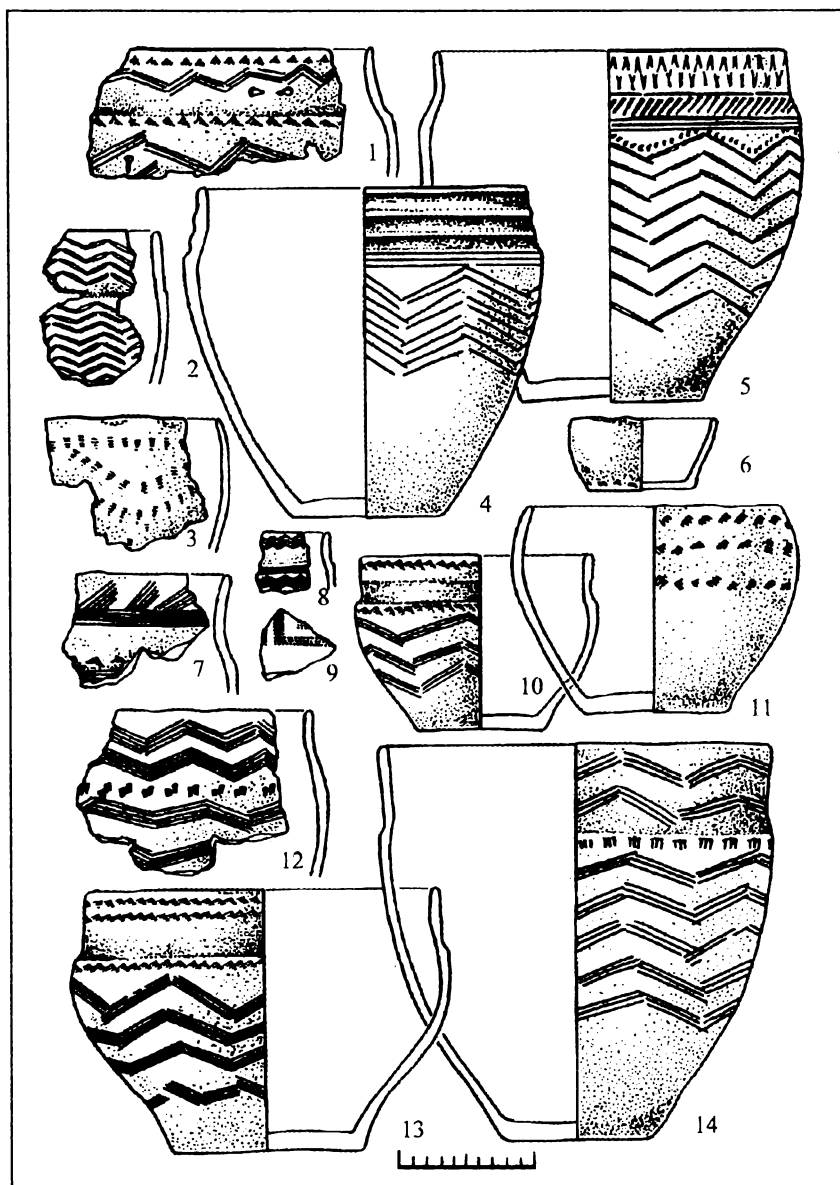

Рис. 12. Поселение Ук III. Керамика из жилища 4.

Пять горшков из постройки 5в и по одному экземпляру из жилищ 3 и 4 имеют в основании шейки неглубокий желобчатый пояс (в одном случае очень широкий – рис. 14 - 8, сравн.: рис. 11-2; 12-10; 14-7,9). Верхняя и нижняя границы этого желобчатого пояса образуют два уступа, в результате чего шейка приобретает своеобразный «воротничковый» профиль.

В каждом из жилищ количественно преобладают сосуды средних и крупных размеров. По размеру устья выделяются следующие группы: от 15 до 21 см в диаметре – 11 сосудов, от 24 до 31 см – 15 и от 33 до 37 см – 4 экземпляра от числа реконструированных и восстановленных сосудов. Отношение высоты сосуда к диаметру по венчику – от 1:1 до 1:1,3 (в абсолютных величинах от 10 до 30 см). Наибольшее расширение тулова приходится на зону под уступчиком в верхней половине сосудов. Переход от стенок к днищу (которое меньше диаметра устья в 2-2,3 раза) плавный и лишь изредка через прогиб (рис. 13 - 8).

Подавляющее большинство сосудов декорировано. Орнамент наносился на шейке, тулове и, очень редко, у дна. Нижняя часть шейки обычно оставалась неорнаментированной; вторая зона начиналась под плечевым уступом, при этом узор опускался в придонную часть, но почти никогда не доходил до дна. В тех случаях, когда на сосудах горшковой формы отсутствует неорнаментированная полоса под шейкой (рис. 11-10; 12 -12 и др.), начало второй орнаментальной зоны обязательно каким-то образом обозначалось: пояском вдавлений, горизонтальными линиями или другим способом. При орнаментации сосудов баночной формы соблюдение данного принципа, по-видимому, было не обязательным.

Орнаментальные композиции несложны и состоят их ограниченного количества элементов. Наиболее распространенными являются мотивы горизонтальных зигзагов (около 40%), ряды вдавлений (32%), в том числе вдавления углом гребенчатого штампа (почти 25 %) и горизонтальные линии (10%). Удельный вес геометрических элементов – прямоугольных и равнобедренных треугольников вершиной вверх и вниз, ромбов и меандра – невелик (около 5%). Среди прочих элементов нужно отметить такие, как пояса гладкой и гребенчатой качалки (рис. 12-5; 14 - 4,15). Они встречаются очень редко, но являются в известной мере диагностическими элементами.

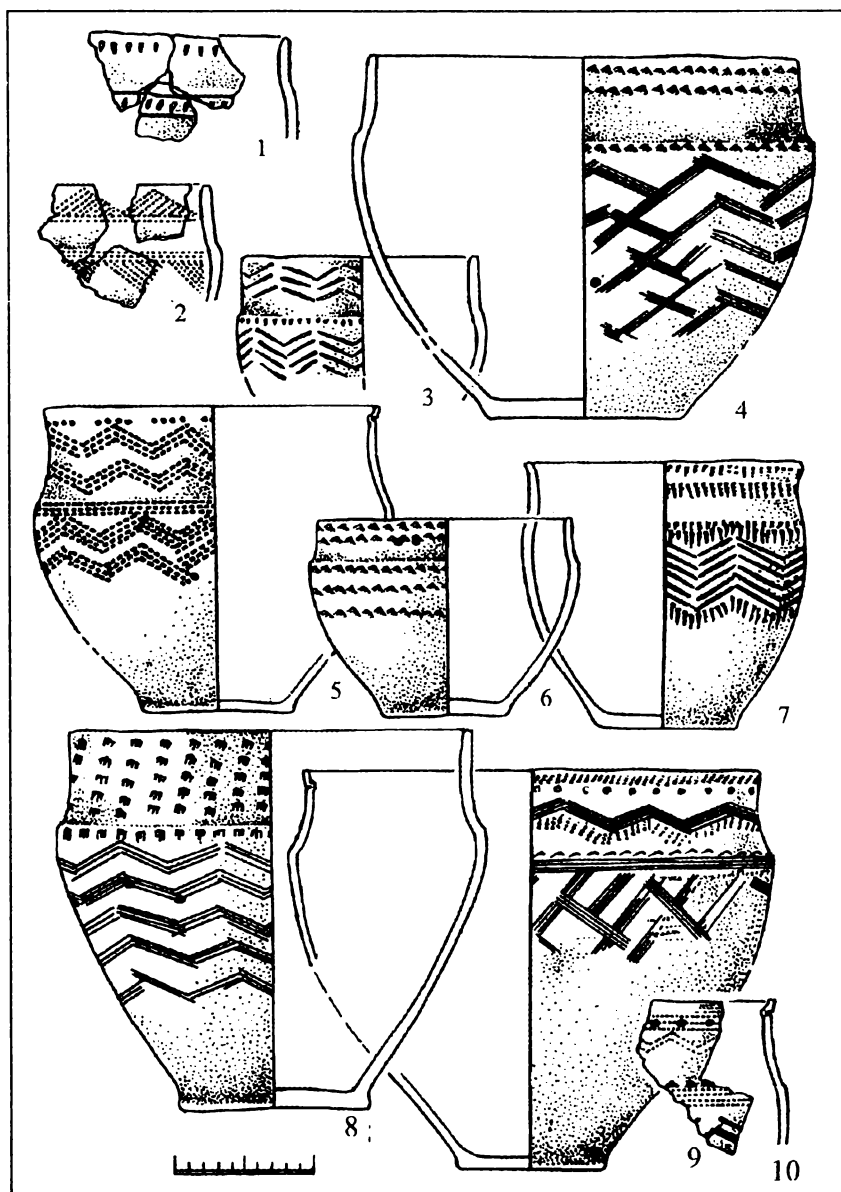

Рис. 13. Поселение Ук III. Керамика из жилища 4.

В технике орнаментации преобладают: гребенчатая (около 39%, в том числе проташенной гребенки 25%), вдавления или наколы концом или углом орнаментира, оставляющие овальные, каплевидные и подтреугольные отпечатки (35,9%), прочерченная (более 8%) и резная или техника гладкого штампа (около 10%). Незначительна доля желобчатой и ямочной техники (3,7 и 1,5% соответственно).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на многих сосудах различные элементы орнамента выполнены одним и тем же инструментом – гребенчатым штампом (рис. 11–1, 4, 6, 12 и другие).

Завершая характеристику керамики, заметим, что во всех жилищах найдено много сосудов со следами ремонта (сквозные отверстия около трещин, более десятка медных скреп – см. рис. 11–3, 12; 12–1; 13–6).

Алакульская принадлежность керамики поселения Ук 3 – из жилищ 3, 4, 5в – не вызывает сомнений. Подобная посуда хорошо известна на многих андроновских памятниках, содержащих материалы алакульской культуры (поселение Боборыкино II, Язево I, Камышное I, Сухрино II, Коркино I и другие). На этих же поселениях вместе с алакульской посудой нередко встречаются сосуды смешанного алакульско-федоровского облика или – амангельдинского типа (по Г.Б.Здановичу – см. Зданович Г.Б., 1973, с. 35–36; Бухонина, 1984, с. 53–56), близкие тем, что единично представлены в жилищах 3 и 5в поселения Ук III (рис. 11–9; 14–2). Можно сказать, что экземпляр из жилища 3 демонстрирует смешение алакульских и федоровских гончарных традиций едва ли не в классическом виде.

Хотелось бы отметить, что отдельные сосуды рассматриваемого комплекса по ряду черт сопоставимы как с алакульской посудой, так и с образцами поселенческой керамики федоровских памятников (Бишкуль IV, Дуванское XVII, Черноозерье I и др.). К их числу относятся сосуды довольно высоких пропорций с плавной профилировкой тулова, украшенные по верху желобчатыми и прочерченными горизонтальными линиями (рис. 11–10, 11; 12–4). Г.Б.Зданович относит подобную керамику – в составе федоровских комплексов – к бишкульской подгруппе (Зданович Г.Б., 1988, с. 112, 113)..

Большой интерес представляют сосуды с ямочными вдавлениями на шейке (4 экз., рис. 13–5, 9, 10), фрагменты которых найдены во всех раскопанных жилищах. Кроме ак-

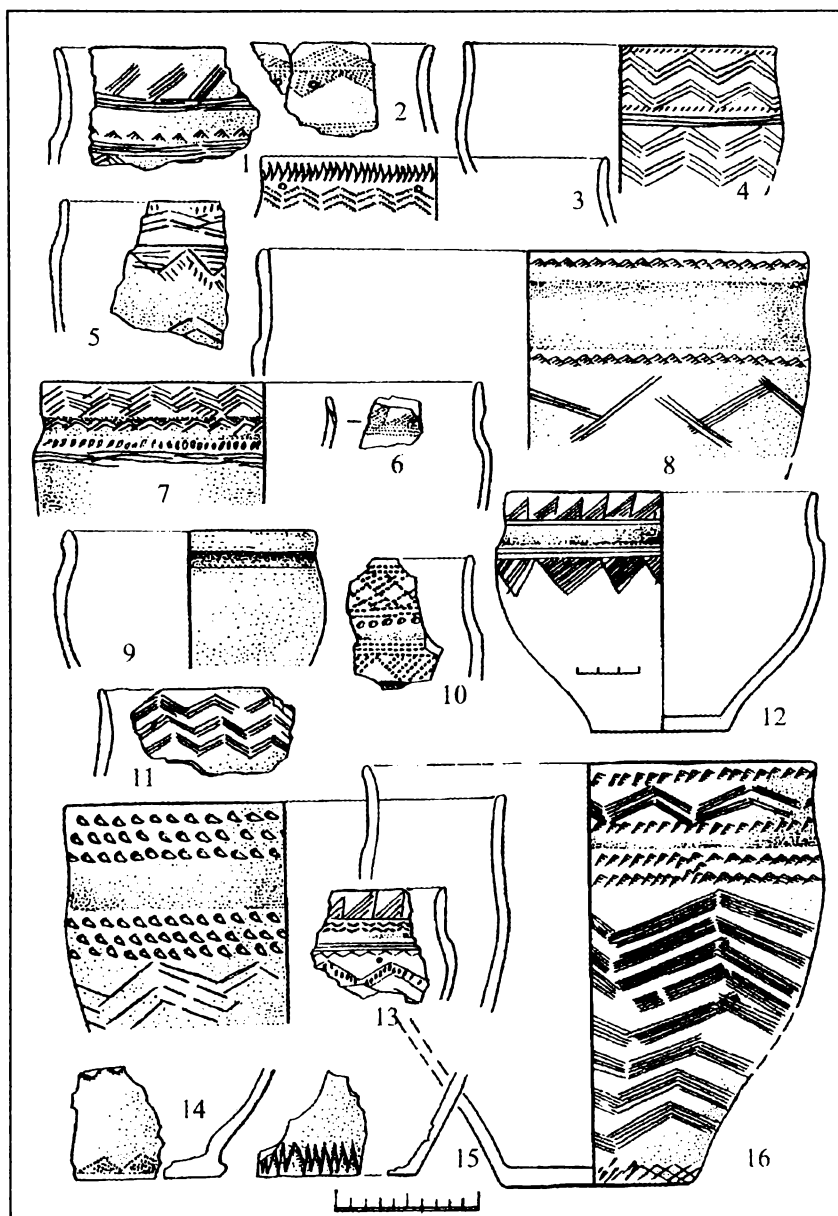

Рис. 14. Поселение Ук III. Керамика из жилища 5в.

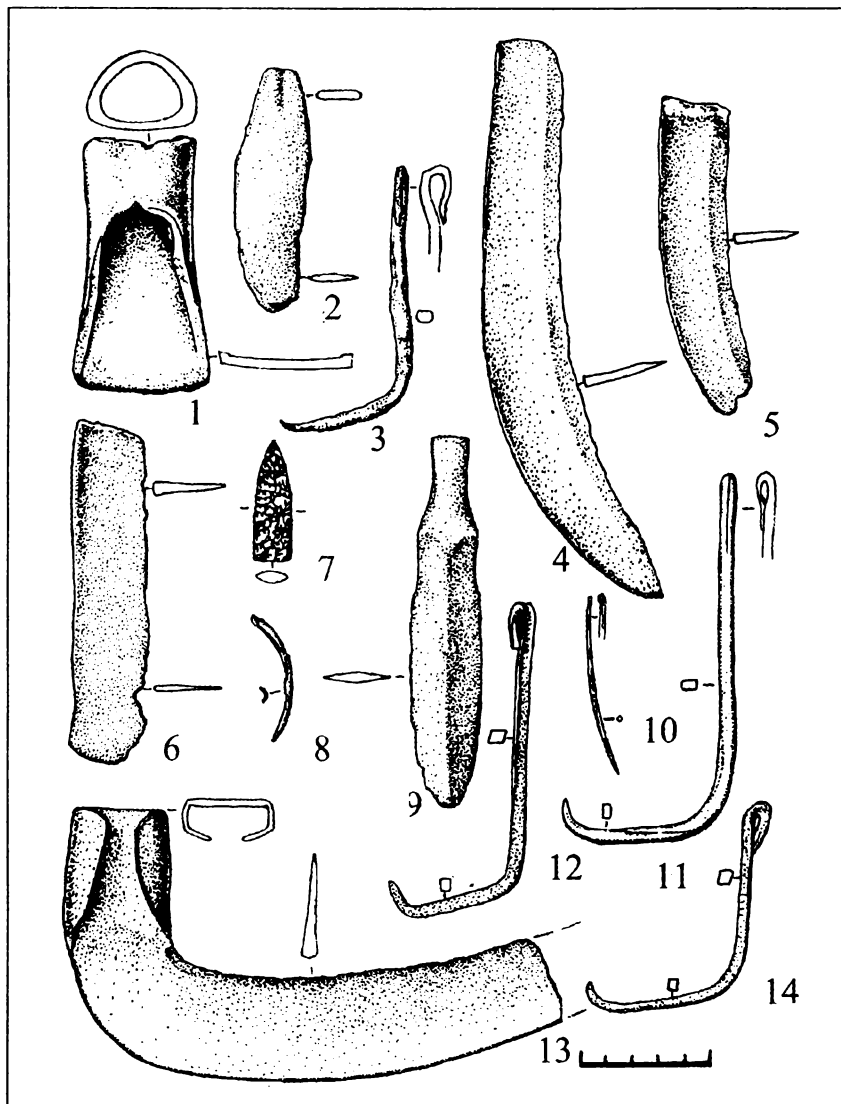

Рис. 15. Поселение Ук III. Вещевой инвентарь из алакульских жилищ (1-3 - жил.3; 4-7, 10-14 - жил. 4; 8,9 - жил. 5в. 7 - камень, остальное - бронза)

куратных маленьких ямок – с жемчужинами на внутренней стороне стенок – эти сосуды отличают также плоский вен-

чик и тонкостенность, во всем остальном они вполне алакульского облика. Подобная керамика известна на ряде поселений Андреевского озера, на р.Дуван и оз.Ипкуль (рис.6,7). Наличие сосудов с ямочными вдавлениями в орнаменте составляет одну их оригинальных черт керамического комплекса поселения Ук III. Пожалуй, другой специфической для укской керамики чертой является чрезвычайно широкое использование в орнаментации наколов углом гребенчатого штампа. На семи сосудах орнамент состоит только из рядов таких наколов (рис. 11–3; 12-3, 11; 13-6).

Изделия из металла.

- Безушковый кельт-тесло со сквозной втулкой (с «пещеркой»), вытянутой формы, слегка расширяющийся к лезвию (рис. 15-1). Наибольшее сходство имеет с кельтом-теслом из погребения 3 кургана 6 могильника Сопка-2 (Молодин, 1985, с. 63-64). Похожие орудия найдены в Челябинской области на поселении Коркино I, Чесноковская Пашня (Берс, 1959, с. 70); довольно близкие формы известны в Восточном Казахстане (Черников, 1960, с. 84, 205).

- Серп слабоизогнутый, в разрезе клиновидный (рис.15 - 4). Отлит в односторонней форме.

- Обломок другого, по-видимому, аналогичного серпа (рис. 15-5).

Оба изделия найдены в жилище 4 в одном месте: обломок лежал на целом экземпляре, в свою очередь на обломке лежал слиток бронзы. Серпы аналогичных форм широко распространены в памятниках андроновской культурной общности.

- Серп с несомкнутой втулкой (рис. 15-13). Спинка и лезвие плавно переходят во втулку; втулка раскована, образовавшиеся края завернуты внутрь. Конец лезвия, видимо, обломан. Данное орудие имеет определенное сходство со среднеазиатскими серпами IV типа (подтип IVб, являющийся, по мнению. Е.Е.Кузьминой, специфической киргизско-казахстанской формой (Кузьмина, 1966, с. 57, табл. XI-15). В связи с находкой однотипного серпа на берегу Тамбарского водохранилища в комплексе с андроновской федоровской керамикой В.В.Бобров высказал предположение о возможной локализации подобных орудий в восточно-казахстанском и южно-сибирском регионах (Бобров, 1988, с. 57).

- Двулезвийный нож (рис. 15–9) с намеченным перехватом и выделенным перекрестием, черенок слегка расширяется к прямой пятке. По всей длине клинка имеется ребро, в средней части клинка лезвия параллельны друг другу. До-

вольно распространенная форма. Расширение черенка к пятке, возможно, является поздним признаком: подобная деталь характерна для немногочисленных известных ножей федоровской культуры (Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983, с. 164). Рассматриваемый нож лежал в жилище 4 около серпа с несомкнутой втулкой.

- Однолезвийный нож с прямой спинкой и параллельным ей лезвием (рис. 15–6). По-видимому, сделан на обломке слабоизогнутого, клиновидного в сечении серпа путем проковки одного из концов.

- Пластинчатый, вероятно, двулезвийный нож (рис. 15–2), в сечении линзовидный, с коротким закругленным на конце лезвием и намеченным черенком. Возможно, и этот нож сделан из обломка серпа. Найден около кельта-тесла в жилище 3.

- 4 крупных крюка: один из жилища 3 (рис. 15–3) и три из жилища 4 (рис. 15–11, 12, 14), с петлей для подвешивания и заточенным острием. Сделаны из четырехгранного прута. Подобное изделие найдено на Андреевском озере (рис. 5–7), другое, но меньшего размера, на поселении Убаган II (Потемкина, 1985, с. 126). Вряд ли данные находки использовались как рыболовные крючки.

- Обломок желобчатого в сечении браслета (рис. 15–8). Желобчатый браслет – одна из наиболее массовых находок в памятниках АКИО.

- Игла с ушком (рис. 15–10), сделана из круглой проволоки.

Кроме того, в жилище 4 найден слиток бронзы. Как отмечалось выше, на многих сосудах имеются медные скрепы (более 10 экз.).

Почти все металлические предметы имеют хорошую сохранность.

Изделия из глины.

- Округло- и овально-уплощенные грузила с одним желобком для подвязывания (рис. 16–4, 7). Найдены только в раскопе 3 (три экземпляра), в том числе в сохранившейся части котлована жилища 5в. Подобные грузила очень часто встречаются в памятниках второй половины II тыс. до н.э. в предтаежной и южнотаежной полосе Зауралья и Западной

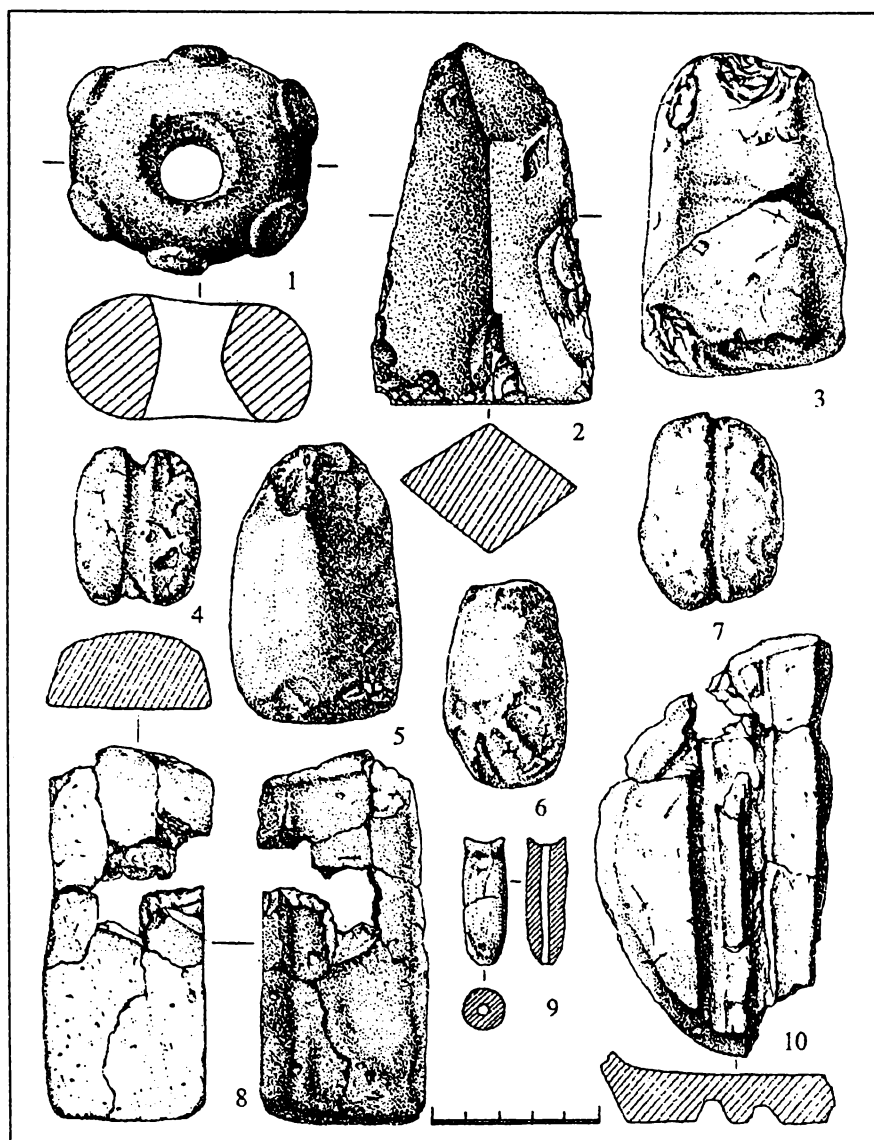

Рис. 16. Поселение Ук III. Вещевой инвентарь из алакульских жилищ (1,4,6-8,10 - жил. 5в; 2,3,5,9 - жил. 3. 1,2,3,5,6 - камень; 4,7,8,9,10 - глина)

Сибири. На Андреевском озере такие грузила найдены вместе с андроновской алакульской керамикой, бронзовым крючком и обломками двух ножей (рис. 3,4,7-2,4), один из которых более похож на обломок серпа.

- Обломок литейной формы, сделанной на днище сосуда (рис. 16-10). На внешней стороне донной части сосуда прорезано – от одного края до другого – несколько продольных желобков (на найденном обломке их три) для отливки продолговатых, трапециевидных в сечении, брусков или стержней. Ширина желобков по верху 0,8-0,9 см, в основании 0,4-0,5 см, глубина 0,5-0,6 мм и длина 9,5; 11 и 12 см.

- Крышка или заготовка литейной формы (рис. 16-8), трапециевидная в разрезе. Размер плоской ровной стороны - 11Х4,5 см.

Оба предмета, связанные с бронзолитейным делом, найдены лежащими рядом на дне котлована жилища 5в.

- В жилище 3 найден глиняный, круглый в сечении, стерженек со сквозным, продольным отверстием (рис.16-9). Длина предмета 3,6 см, размер в поперечнике 1,2 см, диаметр отверстия 0,3 см. С одной стороны края его несколько оттянуты, образуя своего рода раструб, противоположный конец в профиле округлый. Назначение изделия не ясно.

Орудия из камня.

- Двусторонне ретушированный наконечник стрелы (рис. 15-7) вытянутой треугольной формы, с прямым основанием, линзовидный в сечении. Типологически близкие наконечники широко представлены в памятниках середины – третьей четверти II тыс. до н.э. на большой территории.

- Навершие булавы из породы, близкой к трахиту или сиенитовому порфиру, овально-уплощенной формы с шестью округлыми выступами по бокам и сквозным отверстием в центре (рис. 16-1). Отверстие сделано способом встречного сверления, оно асимметричное, сужается к центру. Выступы оформлены с помощью пикетажа и затем пришлифованы. От известных в урало-казахстанском регионе каменных булав укская находка отличается уплощенностью, оформлением и количеством выступов – обычно их бывает по четыре и они несколько иначе моделированы. Навершие булавы с пятью выступами происходит из Мало-Красноярского поселения в Восточном Казахстане (Черников, 1960, с. 45).

- Во всех постройках найдены металлообрабатывающие каменные орудия⁴: в жилище 3 два рукоятчных молотка

⁴ Заключение Г.Ф.Коробковой

среднего действия дляковки горячего металла (рис. 16 – 2,5); в жилище 4 молот для разгонки горячего металла, использовавшийся в рукояти, и инструмент для раскатки листового металла (рис. 16–2). Последнее орудие оригинально – оно изготовлено из ромбической в сечении заготовки, две острые грани которой притуплены двусторонней оббивкой. В жилище 5в найден также, по-видимому, молоточек легкого действия. Кроме того, в постройках 3 и 4 обнаружены камни, использовавшиеся в качестве абразивов, в обоих жилищах около очагов встречались мелкие кварцевые гальки, в жилище 4 найден крупный кусок талькового камня.

В том или ином количестве подобные орудия, в том числе металлообрабатывающие, встречаются на многих поселениях культур андроновского круга.

Аналогии вещевому инвентарю не противоречат выводу, сделанному при анализе керамики – поселение Ук III относится к кругу андроновских алакульских памятников. С учетом поздних черт в керамике и прочем инвентаре можно сделать уточнение – это поселение позднего этапа алакульской культуры. К аналогичному выводу пришел А.В.Матвеев, уделивший большое внимание анализу укских материалов (Матвеев, 1998, с. 302-304, 314). В свое время мы отнесли алакульское поселение к XIV в. до н.э. (Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 30). В настоящее время, в связи с наметившейся тенденцией к удревнению большинства культур эпохи бронзы Урало-Поволжского региона, основанной на результатах радиоуглеродного датирования, мы готовы пересмотреть свою точку зрения.

Поселение Ук III является одним из самых северных среди исследованных алакульских памятников. Его оригинальность, помимо отмеченных черт в керамическом материале, проявляется в очень малой площади котлованов сооружений (22 и 33-34 кв.м). Для алакульского домостроительства такие маленькие жилые постройки совершенно не характерны. Впрочем, мы не склонны абсолютизировать данное отличие, поскольку, как отмечалось выше, исследованные объекты мало похожи на стационарные, долговременные сооружения. Последние могут сильно отличаться от укских. В качестве косвенного аргумента, подтверждающего эту мысль, можно использовать данные, полученные при раскопках поселения Черемуховый Куст, которое относится к следующему этапу андроновского присутствия в предтаежном Притоболье. С точки зрения планировочного решения, архитектуры жилых сооружений и интерьера, этот поселок

имеет безусловные аналогии в андроновских алакульских поселениях Зауралья и Казахстана (Зах, 1995, с. 68-76).

В начале 70-х гг. археологами Уральского университета был открыт куст археологических памятников в окрестностях д.Новая Шадрина Упоровского района Тюменской области. Он включает поселения эпохи неолита, бронзы, городище, курганные и грунтовые могильники раннего железного века. Все памятники расположены на правом берегу р.Емуртлы недалеко от ее впадения в Тобол. Некоторые из них подверглись стационарному исследованию.

Во время проведения раскопок поселения Ново-Шадрино VII (Корочкова, 1989), при оборудовании спуска к реке в обрыве берега был зафиксирован зольник, а под обрывом подобрано несколько костей животных и фрагментов керамики андроновского облика. Открытое **поселение Ново-Шадрино VIII** находится в пойме Емуртлы. Оно занимает участок луговой террасы вдоль обрывистого берега реки, примерно в 130-140 м к ЮЗ от южной окраины поселения Ново-Шадрино VII, которое расположено на первой надпойменной террасе. Высота берега в месте обнаружения культурных остатков составляет 4,5-5 м от уровня воды в реке. На хорошо задернованной поверхности следов каких-либо сооружений не было. Часть поселения, видимо, уничтожена рекой и паводковыми водами (рис.19-В). В обрыве берега хорошо прослеживался слой зольной супеси белого цвета мощностью 3-10 см. Зольник залегал между верхним слоем гумусированной супеси темно-серого цвета толщиной 10-20 см и слоем плотной супеси черного цвета толщиной 15-25 см. Под ним фиксировался пласт супеси серого цвета толщиной 10-15 см. Материк - серо-желтый песок. Судя по протяженности зольника в обрыве, площадка поселения вытянута вдоль линии берега, по крайней мере, на 40-50 м, простираение слоя в глубь террасы не установлено.

На памятнике исследовано около 20 кв. м культурного слоя. В раскопе найдено много костей животных, среди которых определены следующие виды: крупный рогатый скот – $73/4$; мелкий рогатый скот – $8/2$, лошадь – $15/2$, лось – $2/1$ (в числителе указано количество костей, в знаменателе – минимальное число особей).

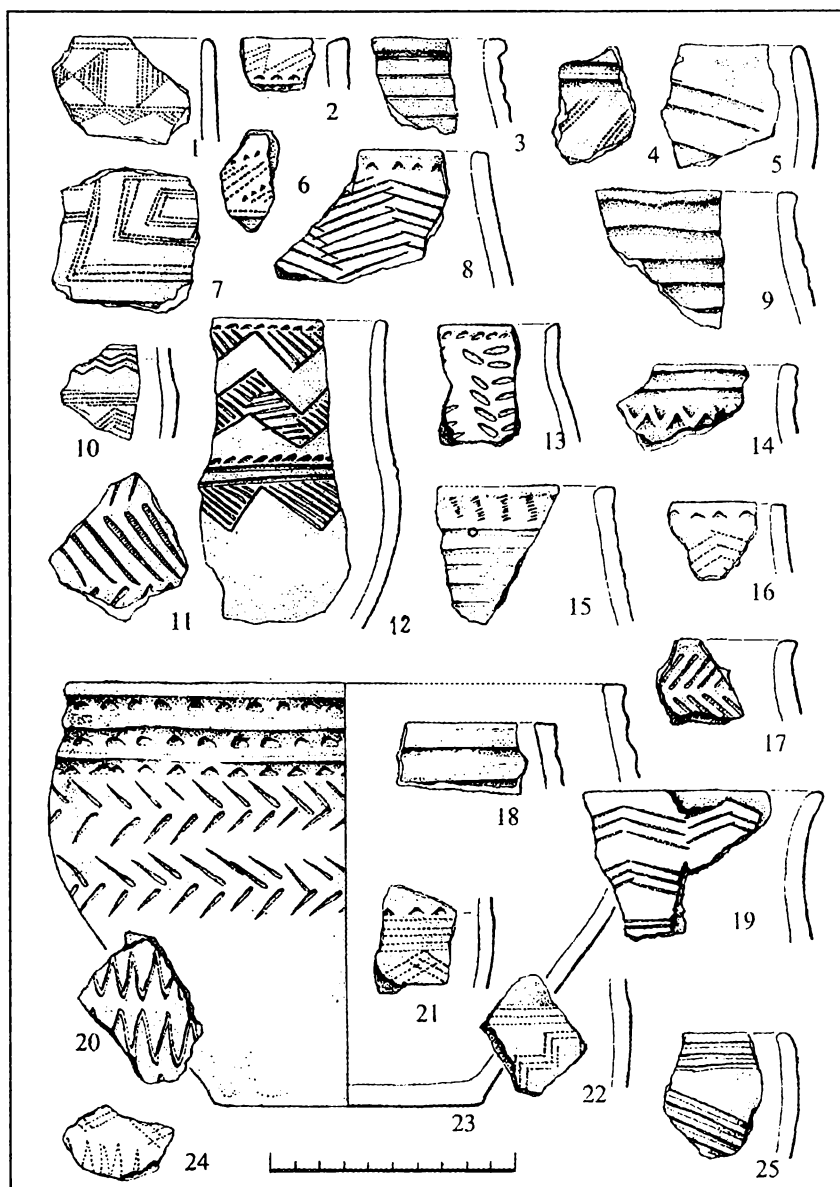

Рис. 17. Поселения Ново-Шадрино VII (1-16),
Ларихинское I, II (17-25). Керамика

Коллекция керамики, собранной на поселении Ново-Шадрино VIII, насчитывает 51 ед. Среди них фрагменты 11 шеек, 6 днищ, 12 орнаментированных стенок, 18 неорнаментированных стенок от сосудов эпохи бронзы и 3 фрагмента энеолитической керамики. Сосуды горшечной, горшечно-баночной и баночной формы, венчики уплощенные (рис. 17- 1-16). Один сосуд имеет плечевой уступ (рис. 17-10). Орнамент составлен из треугольников: равнобедренных (рис. 17-1,12), прямоугольных (рис. 17-2), косых (рис. 17-6); зигзаговых линий (рис. 17-8,10,16), желобков, елочных узоров (рис. 17-3,9,14,14,15). На одном из черепков сложный меандровый узор (рис. 17-7) выполнен мелкозубым гребенчатым штампом.

Типологически близкие ново-шадринскому комплексы известны на Ишиме. Нельзя не отметить, что сведения об андроновских древностях лесостепного и подтаежного Приишмья предельно скудны. Они основаны только на разведочных сборах, произведенных к тому же на очень ограниченном числе памятников – на археологической карте района таких местонахождений менее десятка, хотя, в действительности их наверняка больше. Известные нам приишимские андроновские материалы ограничиваются коллекциями находок, полученными при обследовании двух поселений в окрестностях с. Лариха Ишимского района Тюменской области на левом берегу р.Ишим (Позднякова, 1962).

Поселение Лариха I находится в 1 км к ЮЗ от села на берегу старичного водоема. Терраса в этом месте образует мыс высотой до 7 м с крутыми склонами. Поверхность мыса распахана. В центральной части мысовидного выступа расположена впадина диаметром 8-10 м, глубиной 0,3-0,4 м. На поверхности пашни было собрано большое количество керамики и костей животных. Еще одно распаханное поселение - **Лариха II** - с подобной керамикой было зафиксировано в 150 м к ЮВ от села на небольшом мысу.

В обеих коллекциях (88 и 64 фрагмента керамики соответственно) имеются обломки плоскодонных сосудов горшечной, горшечно-баночной и закрытой баночной формы, изготовленных на основе шамотной технологии. Единичны черепки с тальком в глине. Посуда с плавным профилем стенок преобладает, но в обоих комплексах присутствуют фрагменты сосудов с уступчатым плечом (рис. 17- 21, 22).

Венчики чаще уплощенной, реже округлой формы. Основу композиций составляют простые елочные узоры, горизонтальные и зигзаговые полосы, желобки (рис. 17- 17-25).

Геометрические узоры на некоторых сосудах воспринимаются как типично алакульские (рис. 17-21, 22), тогда как на других они бесспорно федоровского происхождения (косые треугольники с бахромой из подтреугольных вдавлений). Алакульским признаком является «проташенная гребенка». Показательно присутствие в коллекциях фрагментов, орнаментированных «качалкой», чаще гладкой, редко – гребенчатой (рис. 17 – 20, 24).

На поселении Лариха I, кроме того, найдено каменное орудие, использовавшееся в качестве абразива.

Керамические комплексы Ларихи I и II, несмотря на их типологическую разнородность, безусловно, андроновские. Их целостность подтверждается тем, что подобное сочетание типов посуды и признаков, характерных для алакульского и федоровского гончарного производства, типично для федоровско-бишкульских комплексов северо-казахстанских степей (Бишкуль IV, Новоникольское I, Петровка II), керамики поселений черноозерского типа в Среднем Прииртышье, андроновских поселений Барабы (см.: Зданович, 1988; Генинг, Стефанов, 1993; Молодин, 1985; Софеев, 1990). В керамике казахстанских и прииртышских поселений и могильников федоровской культуры обязательно присутствует посуда, декорированная гладкой и гребенчатой качалкой. Вместе с тем, этот орнаментальный прием совершенно не характерен для керамики поселения Черемуховый Куст, во многом близкой посуде Ларихи. Качалки нет и в материалах поселения Дуванское XVII. В комплексе поселения Ук III сосуды с качалкой редки.

Понимая рискованность заключений, основанных на фрагментарном разведочном материале, выскажем предположение, что поселения Ново-Шадрино VIII, Лариха I и II могут быть отнесены к кругу памятников федоровской культуры – в том ее варианте, который оформился на северной окраине андроновского мира. Добавим, что в системе федоровских древностей это не поздние памятники. Объединяя их в рамках одного культурного образования, мы не склонны игнорировать специфические черты, отличающие приишимские материалы от притобольских.

Полноценная информация о погребальных памятниках алакульских общин на северо-западной окраине ареала АКЮ получена в результате исследования Чистолеляжского и Хрипуновского могильников. Других стационарно раскопанных андроновских некрополей в этом районе нет. О ранних могилах, возможно, существовавших на месте сооружения Томиловских курганов, нельзя сказать ничего оп-

ределенного, кроме того, что обломки сосудов, найденных здесь А.Гейкелем, сопоставимы с керамикой алакульского типа. Андроновские погребения, по-видимому, имелись (и, скорее всего, еще имеются) на побережье Андреевского озера близ Тюмени, но сведения о них очень фрагментарны.

Один из могильников, расположенный на северном берегу Малого Андреевского озера, разрушен при разработке песчаного карьера. В его южной и северной стенках в 1975 г. Н.В.Варанкиным были зафиксированы котлованы двух неолитических жилищ, которые в том же году были раскопаны (Алексашенко, Паутова, 1979; Варанкин, 1982). Памятник, получивший название **Карьер II**, находился на небольшом останце (200×60 м) высотой до 2,5 м, со всех сторон окруженном болотистой низиной. В обоих раскопах в верхних слоях попадались обломки сосудов эпохи бронзы, кроме того, в северной части останца были обнаружены два целых сосуда и две пары бронзовых подвесок (рис. 18). Следов надмогильных сооружений на поверхности в этом месте не было, очертания могильных ям и какие-либо остатки костяка или костяков зафиксировать не удалось. В 1985 г. около северной стенки карьера А.Н.Панфиловым было обнаружено еще одно разрушенное погребение с одним горшком (рис. 18-4; Панфилов, 1985). Таким образом, мы не располагаем никакими достоверными данными о могильнике и обряде погребений, но имеем небольшую коллекцию погребального инвентаря.

Все найденные сосуды - небольшие, горшечной формы с плавной профилировкой. Сосуд 1 приземистых пропорций (диаметр устья - 14 см, общая высота 11 см). Украшена только верхняя треть стенок узором из поясков подтреугольных вдавлений и многорядным горизонтальным зигзагом, нанесенным гребенчатым штампом (рис. 18-8). Сосуд 2 (рис. 18-3) более вытянутых пропорций (диаметр и высота сосуда одинаковые - 12,5 см). Украшен также весьма скромно - под уплощенным венчиком наклонные оттиски гребенчатого штампа с крупными зубцами и тройной зигзаг. Сосуд 3 (рис. 18-4) высотой 10,5 см, диаметр по венчику - 12 см. Верхняя треть оформлена скромным елочным узором, выполненным гребенчатым штампом. Две височные подвески в полтора оборота, с «в»-образным сечением украшены косыми насечками, сгруппированными по 4-5 линий (рис. 18-1,2). Другая пара подвесок - в один оборот, тоже «в»-образные в сечении с узором из косых нарезок по боковой поверхности (рис. 18-5,6). Особенностью всех подвесок является то, что сделаны они из тонкой бронзовой

пластины, края которой сильно загнуты внутрь. Аналогичные украшения найдены в погребениях 17 и 67 могильника Черноозерье I на Иртыше (Генинг В.Ф., Стефанова, 1994, рис.3,11) и в погребениях черкаскульского могильника Березки V-г в горно-лесном Зауралье (Крутских, Шорин, 1984, рис. 3,14; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993, с. 123, 135).

Что касается сосудов, то по декоративным и, в особенности, по морфологическим признакам они более соответствуют стандартам федоровской поселенческой керамики. В Тюменском Притоболье подобные экземпляры известны в керамических комплексах федоровского поселка Черемуховый Куст (Зах, 1995) и позднефедоровского Дуванского XVII поселения (см., например, рис. 25 в данной работе). Последний памятник, кстати, расположен не далее чем в 10 км от могильника. На наш взгляд, разрушенный могильник Карьер II можно синхронизировать с поселением Черемуховый Куст, которое имеет отчетливые параллели на Среднем Иртыше в материалах Черноозерского поселения, а то, в свою очередь, связано с Черноозерским могильником. К тому же, времени существования поселения Дуванское XVII на Андреевском озере соответствует другой могильник – Перейминский 3, о котором пойдет речь ниже.

С южного берега Андреевского озера происходит еще один сосуд, который мы склонны отнести к числу андроновских (рис. 18-7). Он найден В.И.Семеновой в отвале около разрушенного экскаватором кургана раннего железного века (Археологическое наследие Тюменской области, 1995, с. 81). Данный памятник, обозначенный как **Козлов Мыс-4**, расположен в основании одноименного мыса, недалеко от конечной станции детской железной дороги. И он, и другие находящиеся на Козловом Мысу памятники археологии, подверглись значительным разрушениям при гидронамывных работах. По одной случайной находке нельзя утверждать, что в андроновское время здесь существовал могильник (погребение), но исключать такую возможность не следует.

Подобранный в отвале сосуд горшечной формы, плавно профилированный, небольших размеров. Орнаментирована большая часть тулова и придонная часть. Узор несложный: по верхней части шейки два ряда наклонных оттисков, на переходной зоне наклонные отпечатки штампа, сгруппированные по четыре, тулово украшено узором из вертикального зигзага и равнобедренных треугольников, придонная часть оформлена пояском наклонных насечек (рис. 18-7).

Орнамент нанесен очень аккуратно гребенчатым штампом с мелкими зубцами.

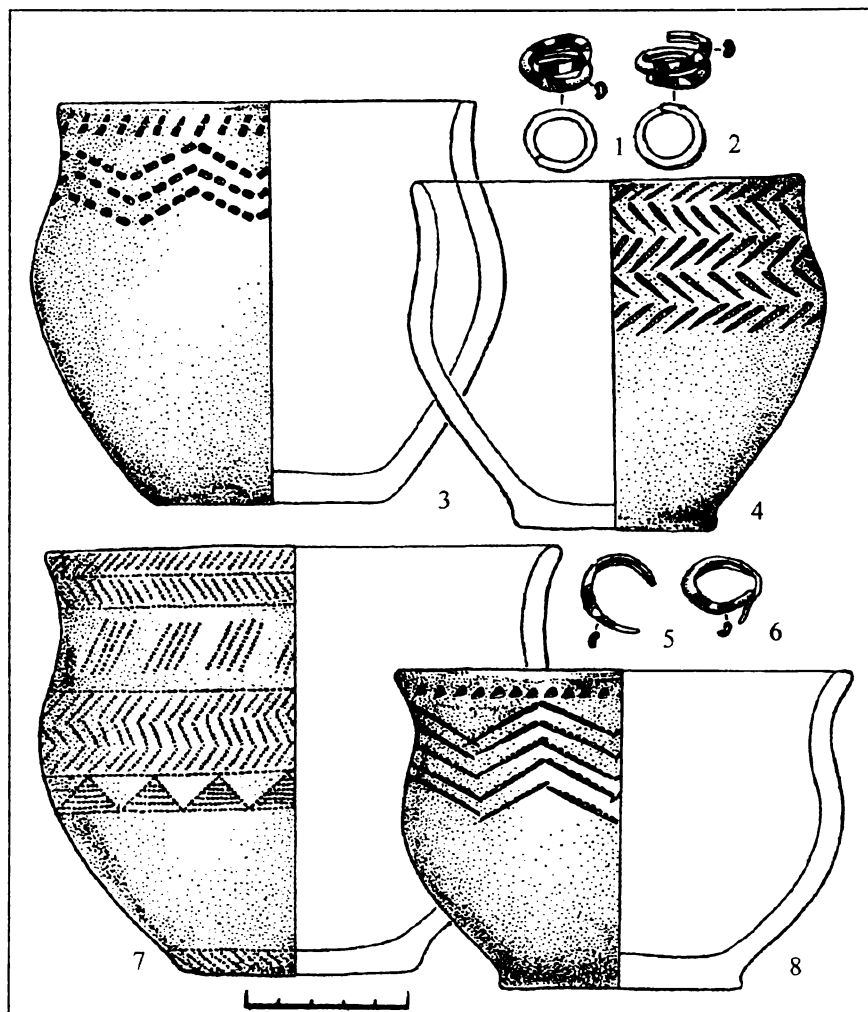

Рис. 18. Андроновские могильники Андреевского озера. (1-6, 8 -могильник Карьер II; 7 - разрушенное погребение на Козловом Мысу).

По форме и технике орнаментации данный горшок вполне может быть признан андроновским федоровским, однако

в его декоре традиции федоровской орнаментики выражены не столь очевидно. Узор выполнен как бы не по правилам, хотя каждый из его элементов обычен на посуде федоровских типов. Мы полагаем, что сосуд с Козлова мыса-4 нужно соотносить с комплексами раннего этапа федоровской культуры в подтаежном Притоболье; по времени он ближе к Черемуховому Кусту, чем к поселению Дуванское XVII.

Поселение Дуванское XVII находится на правом берегу р. Дуван, вытекающей из Андреевского озера и впадающей с левой стороны в р.Пышму (рис. 19-А). До Андреевского озера вверх по реке около 10 км. Поселение занимает участок гривного возвышения, ограниченного с северо-запада заболоченной поймой реки и с юга заболоченной ложбиной. Рельеф гривы неровный, максимальная высота над уровнем воды в реке около 2,5-3 м. Предполагаемая площадь поселения - 8-10 тыс кв.м (рис. 19-Б). Памятник раскапывался в 1978-1979 гг. экспедицией Уральского университета под руководством М.Б. Абрамовой и О.Н. Корочковой. Всего за два года раскопок вскрыто 702 кв.м. Культурный слой мощностью от 0,6 до 1,5 м содержал разновременный материал: выделяются комплексы эпохи позднего неолита, энеолита, поздней бронзы, раннего и позднего железного века. Первый и два последних на поселении следует рассматривать как примеси: они немногочисленны, находки раннего железного века и средневековья происходят из верхнего слоя под дерном. Кроме того, с ними не связаны выявленные в раскопе сооружения.

Раскоп 1978 г. площадью 567 кв.м (Абрамова, 1979) был размечен в северо-восточной части поселения ближе к пойме реки. В нем выявлены остатки котлована энеолитического жилища (жилище 1), 57 больших ям и 5 углублений, 78 столбовых ямок. Некоторые ямы, по ряду признаков, могут быть отнесены к категории могильных и рассматриваться как энеолитические захоронения. Объектов эпохи бронзы, за исключением нескольких хозяйственных (?) ям, в первый год раскопок не обнаружено. В следующем году (Корочкова, 1980) раскопки были продолжены в юго-восточном направлении. В раскопе площадью 135 кв.м исследованы остатки котлована жилища эпохи бронзы (жилище 2), 5 крупных ям, углубления и 70 столбовых ямок. Стратиграфия: дерн толщиной 5-7 см, под ним повсеместно простирался слой гумусированной темно-серой супеси

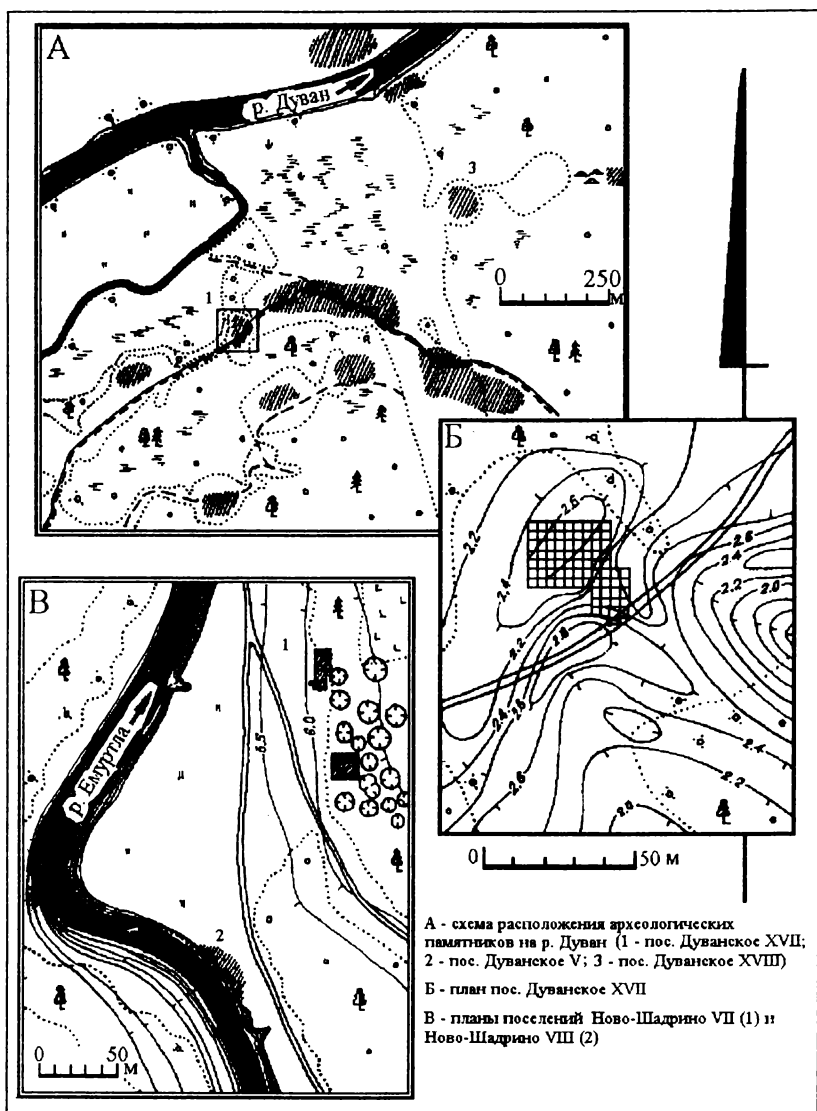

Рис. 19. Поселения Дуванское XVII, Ново-Шадрино VIII.

мощностью 10-40 см. Ниже залегал пласт супеси темно-коричневого цвета толщиной 15-40 см, затем слой светло-серой супеси толщиной 5-25 см. Слой коричневой супеси связан с существовавшим в этом месте гряды поселком

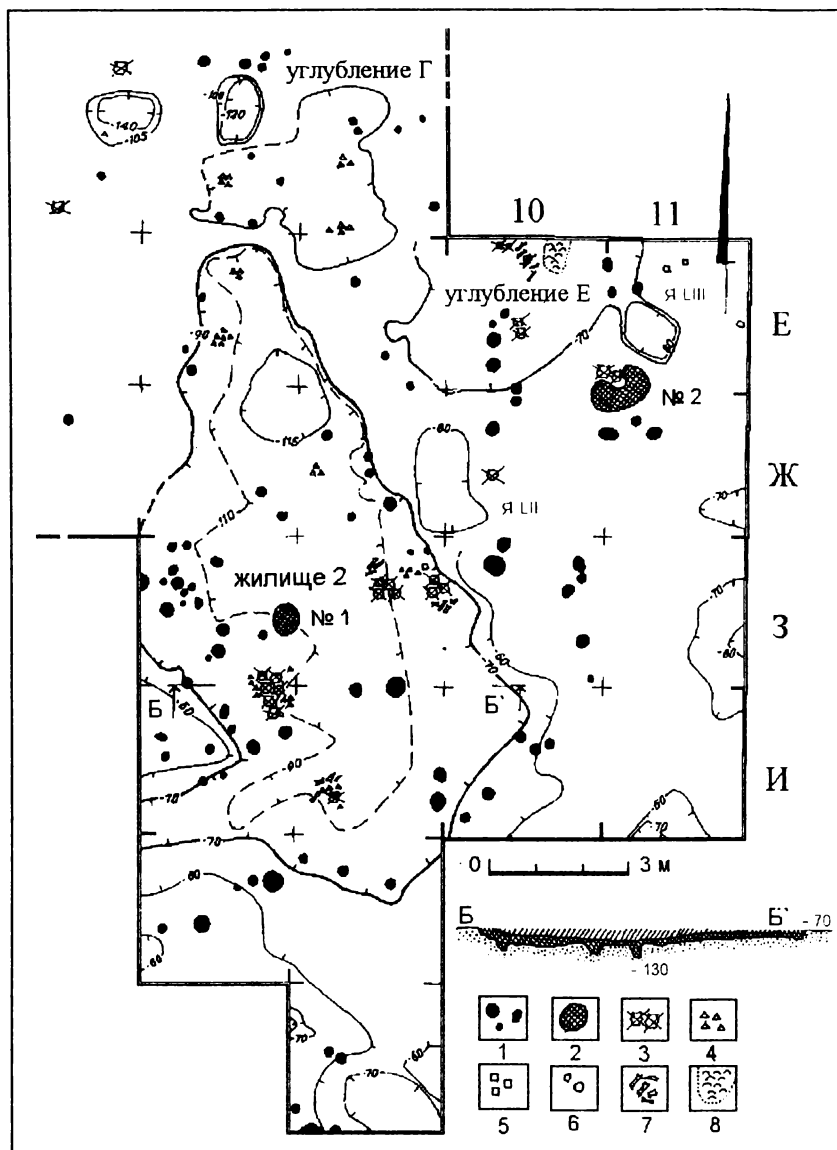

Рис. 20. Поселение Дуванское XVII. План юго-восточной части раскопа (1 - столбовые ямки; 2 - очаг; 3 - развал сосуда; 4 - скопление керамики; 5 - грузило; 6 - каменный пест; 7 - скопление костей; 8 - скопление рыбьей чешуи).

эпохи бронзы, слой светло-серой супеси - с энеолитическими объектами. Заполнение котлована жилища 2 представлено слоями супеси различных цветовых оттенков, от темно-серого до почти черного, и углистыми прослойками. Начиная с глубины 0,8-0,9 м (от поверхности), грунт характеризовался повышенной влажностью.

Очертания котлована жилища 2 (рис. 20) были зафиксированы на глубине 0,7 м от поверхности. Котлован прямоугольной в плане формы с выступом в северо-восточном углу. Длинными стенами сооружение ориентировано по линии СЗ-ЮВ. Середина юго-западной стенки прорезана коридорообразным выходом, обращенным на запад. Длина котлована - 10,5 м, ширина в средней части - 5 м, глубина - 0,3-0,5 м. Длина раскопанной части коридора около 3 м при ширине 1,5 м. Дно коридора полого понижалось в сторону котлована жилища. Пол в жилище неровный, бугристый в северной половине и сравнительно ровный в южной, имел общий уклон в южную сторону. Стенки котлована относительно пологие. В центре жилища находился очаг, представлявший собой заполненное золой очажное «блюдец» овальной формы размером 60×45 см, углубленное в грунт на 10-15 см. В котловане и рядом с ним обнаружена серия столбовых ям, в расположении которых сколько-нибудь четкой системы не прослеживалось. Часть ям располагалась вдоль северо-западной, северо-восточной и юго-восточной стен постройки, две ямы от крупных опорных столбов зафиксированы в центре. Большое количество и беспорядочное расположение ямок около западной стены котлована можно объяснить либо их одновременностью, либо тем, что некоторые из них были связаны с какими-то внутренними конструкциями.

В толще культурного слоя раскопа, в том числе, на полу жилого сооружения 2 обнаружено около 300 костей животных, вне всякого сомнения, имеющих отношение к периоду функционирования позднебронзового поселка. Мы особо выделяем этот факт потому, что кость в песчаных почвах на памятниках Тюменского Притоболья обычно не сохраняется либо сохраняется плохо. Основная масса находок (керамика, кости животных, грузила и др.) концентрировалась около середины северо-восточной стены котлована и у входа, много крупных обломков и несколько крупных развалов сосудов найдено в тамбурной части постройки.

В 1,5-2 м к северо-востоку от жилища 2 зафиксированы очертания, по-видимому, еще одного сооружения (углубле-

ние Е). Раскопанная часть котлована - округлой в плане формы глубиной 0,15-0,2 м, стенки пологие, дно неровное. В центре углубления Е обнаружена небольшая яма с откосными стенками глубиной 0,2 м. В заполнении и на дне котлована данной постройки найдены кости животных и керамика андроновского облика. Рядом располагались очаг 2 и хозяйственная яма III. Очаг представлял собой линзу прокаленного песка неправильной в плане формы размером 1,5×0,8 м мощностью до 20 см. В кострище были обнаружены остатки обгоревшего дерева, около него найдены развалы двух сосудов и обломки глиняных кирпичиков. С устройством данного очага, возможно, связаны три столбовые ямки, располагавшиеся чуть южнее.

Принимая во внимание насыщенность культурного слоя находками, можно предположить, что исследована только часть позднебронзового поселения. Скорее всего, оно продолжается во всех направлениях, кроме северного. Многочисленные следы обитателей этого поселка в виде скоплений костей, глиняных грузил (до пяти экземпляров вместе), рыбьей чешуи, развалов сосудов и некоторых углублений обнаружены, кроме того, в центральной и западной части раскопа 1979 года (Абрамова, 1979).

Наиболее представительной категорией находок на андроновском поселении является керамика — свыше 2000 фрагментов, примерно, 300 сосудов. Коллекция неоднородна; подобные комплексы нередко расчленялись археологами на самостоятельные культурно-хронологические группы. Учитывая это, нами была осуществлена индивидуальная фиксация находок с целью проверки их стратиграфической и планиграфической позиции в пределах котлована жилища, ям и в межжилищном пространстве. Результаты этой работы позволяют уверенно говорить о единстве керамического комплекса эпохи бронзы поселения Дуванское XVII. Отсутствие в слое керамики иных типов (ташковской, пахомовской, бархатовской) косвенно подтверждает правомерность подобного заключения.

Коллекция андроновской посуды представлена плоскодонными сосудами горшечной, горшечно-баночной и баночной формы. Горшки плавной профилировки, невысокая шейка чуть отогнута наружу. Горшечно-баночные сосуды обычно довольно крупные, шейка невысокая. Баночные сосуды небольших размеров, закрытой формы. Формовочная масса содержит примеси шамота, органических добавок в виде экскрементов животных. Обжиг сосудов неравномерный, цвет черепков серо-коричневый, коричневый.

По пропорциям, деталям формы, тщательности обработки поверхности, мотивам и технике декора андроновская посуда поселения Дуванское XVII может быть разделена на две группы. В качестве основного критерия выделения групп выступает несколько необычный, с точки зрения формальной типологии, признак нарядности сосудов. Керамику группы А в этом случае следовало бы назвать ненарядной, а посуду группы Б – нарядной (парадной, ритуальной). Подобный принцип при обработке керамики обычно не практикуется, однако при описании андроновских керамических комплексов он невольно используется. Можно соглашаться или не соглашаться с правомерностью такого «ненаучного» критерия типологии керамики, но то, что он «работает» – бесспорно. Одним из подтверждений этому может служить работа М.Д.Хлобыстиной (Хлобыстина, 1989, с. 119) об андроновском дифференцированном керамическом комплексе (ДКК). При обосновании существования ДКК автором за основу классификации по сути взят принцип «нарядности».

К группе Б отнесено около 70 плоскодонных сосудов, что составляет 24-25 % от общего числа андроновской керамики поселения (рис.21-23). Это нарядные горшки с плавно профилированным туловом и слегка отогнутой шейкой или сосуды горшечно-баночной формы со слабо раздутым туловом и нечетко выраженной шейкой. Размеры варьируют от очень крупных (высотой 31-37 см, диаметр устья 33-34) до средних (высотой 17-18, диаметр устья – 22-26 см) и небольших. Последних больше. Венчики уплощенные или, чаще, округлые. Сосуды отличает тщательная обработка внутренней и внешней поверхности, в ряде случаев она подвергалась лощению. Судя по крупным обломкам, украшалась большая часть тулова.

Керамику этой группы характеризуют богатая орнаментация, разнообразие элементов и композиционных построений, большое количество геометрических узоров. Шейка украшалась прямоугольными или косыми треугольниками (рис. 21-1,2), часто обрамленными бахромой (рис. 22-1,10; 23-3,5,6; 24-11), бордюром из раздвинутых треугольников (рис. 21-2; 22-4; 23-1). Переходная от шейки к плечу зона оформлялась обычно глубокими желобками-каннелюрами, между которыми располагались оригинальные пояски из глубоких противолежащих уголкового вдавления (рис. 22-1,10; 23-3; 24-6,11), реже бордюры из треугольников

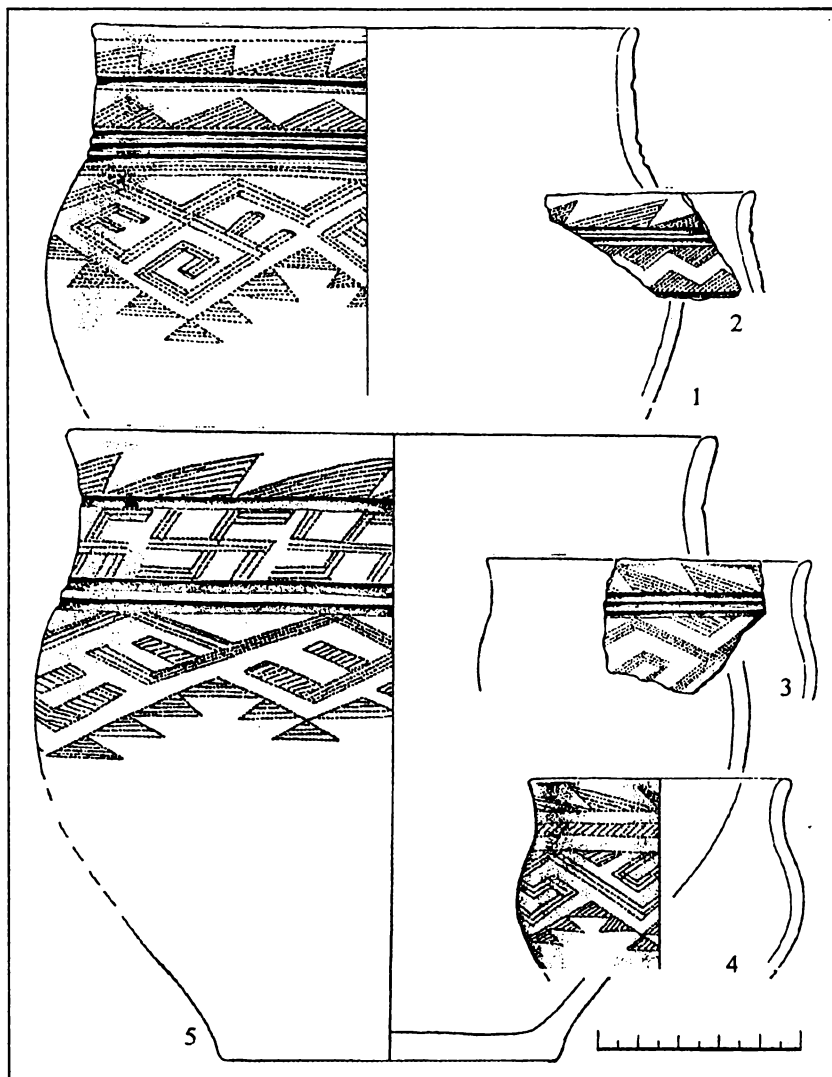

Рис. 21. Поселение Дуванское XVII. Керамика группы Б.

(рис. 21-1,2; 22-4; 24-6), «свастика» (рис. 21-5), пояски наклонных оттисков (рис. 23-5). Плечики и большая часть тулова сосудов украшены красивым меандровым орнаментом,

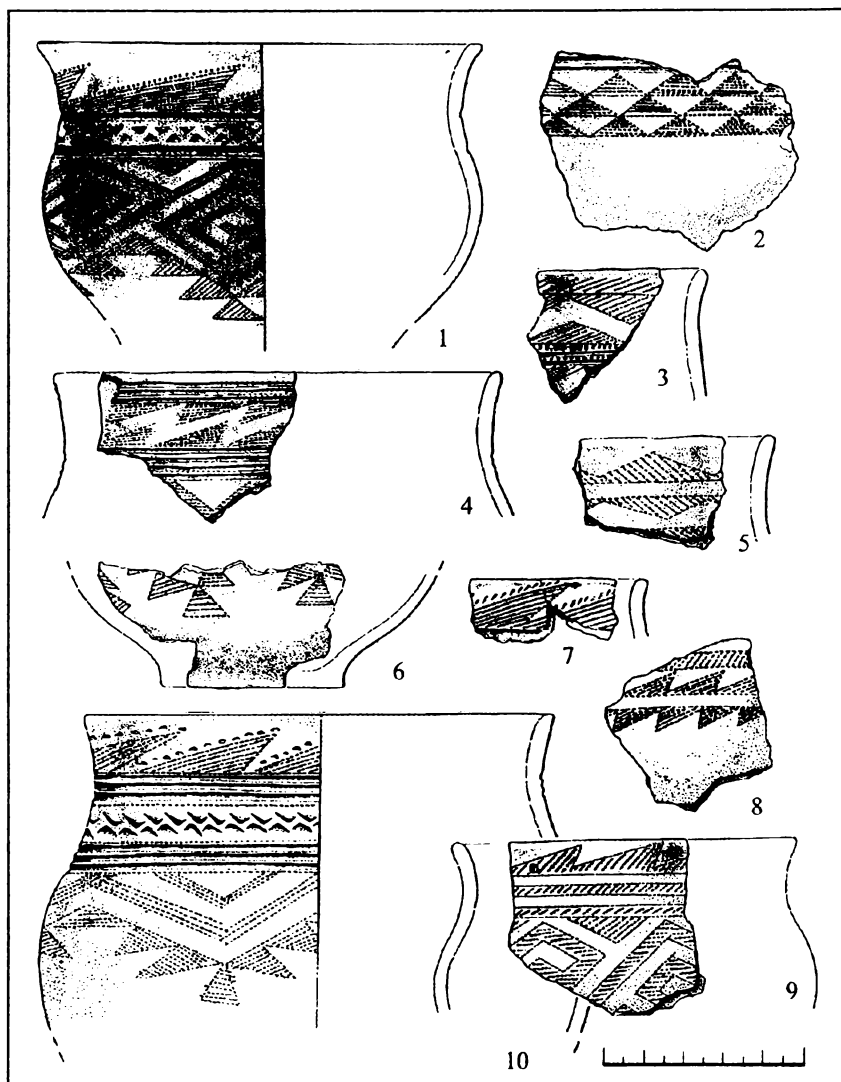

Рис. 22. Поселение Дуванское XVII. Керамика группы Б.

построенным на основе косой сетки. Эти узоры отличает разнообразие вариантов и обилие сложных комбинаций. На многих сосудах меандровые бордюры снизу подчеркнуты каймой из ступенчатых треугольников (рис. 21-1,4,5; 22-1,6,10). Ленты меандров выполнены прокатанным гребенча-

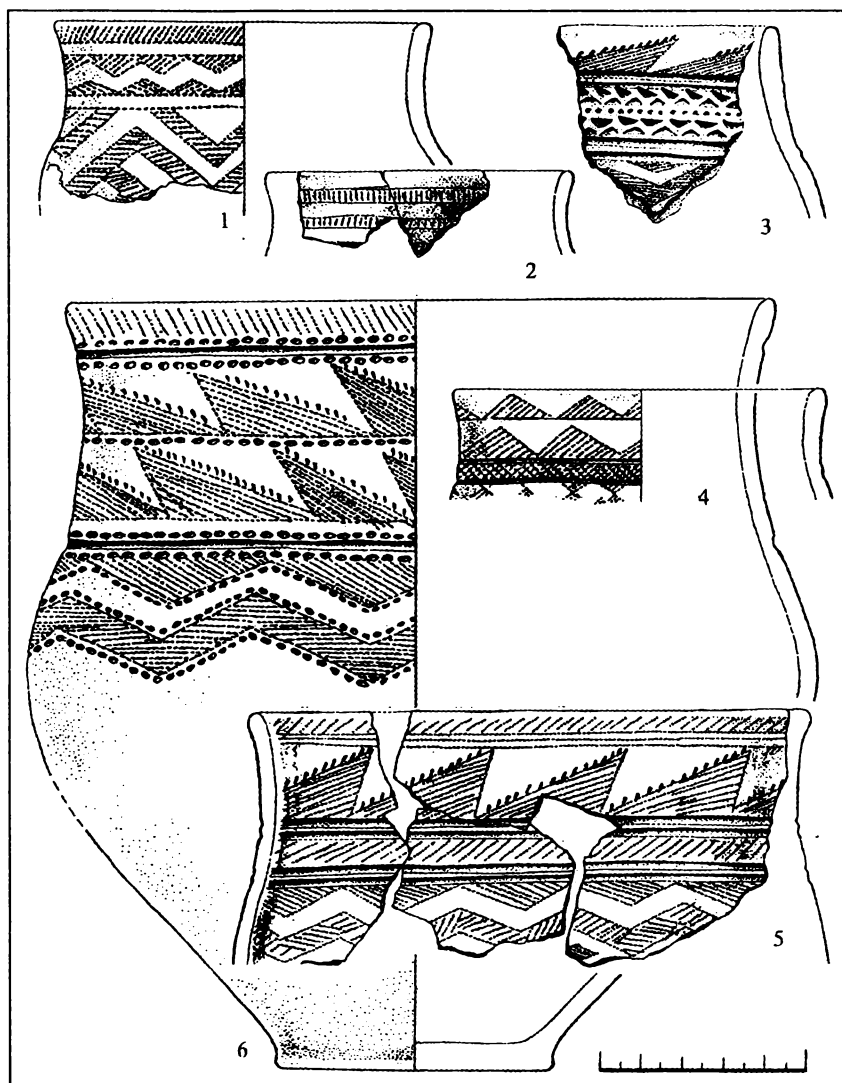

Рис. 23. Поселение Дуванское XVII. Керамика группы Б.

тым штампом с мелкими зубцами. Преобладает продольная «штриховка» лент, но встречается и поперечная. Последняя представлена различными вариантами. При заполнении гребенчатыми оттисками треугольников, за основу направления обычно выбиралась самая длинная линия основной

фигуры. На отдельных сосудах меандр обрамлен желобками (рис. 24-8, 11). В коллекции нарядной керамики поселения обращает на себя внимание обилие узоров, оформленных «бахромой». Ее роль выполняли маленькие аккуратные вдавления различной формы - треугольные, овальные, клиновидные. На одном сосуде ими подчеркнуты все элементы орнамента (рис. 23-6). Узоры наносились гребенчатым штампом (43 %), высок удельный вес желобчатой техники (19 %) и техники вдавлений (27,4 %). Чрезвычайно редко использовались резная техника и прочерчивание (1,7% и 4,1% соответственно).

Группа А (рис. 24-1-5, 7, 9, 10; 25, 26, 27) насчитывает около 1300 обломков 210 сосудов. Включает посуду горшечной, горшечно-баночной и баночной форм. Диаметр устья сосудов колеблется от 13 до 35 см, но из-за фрагментарности материала говорить о том, каких размеров горшки преобладают, не приходится. Венчики сосудов округлые, редко уплощенные. Обработка поверхности тщательная.

«Ненарядное» впечатление создается за счет преобладания на данной посуде однообразных орнаментальных композиций, составленных из ограниченного набора элементов узора. В рамках группы А выделены две подгруппы. К первой мы относим сосуды с ровным рельефом поверхности, ко второй - сосуды, оформленные валиками.

Керамика первой подгруппы - самая большая в коллекции, представлена фрагментами 150 сосудов, что составляет 55 % от общего количества андроновской посуды поселения. Они украшены по боковой поверхности (судя по фрагментам стенок, орнамент покрывал большую часть тулова) однообразными узорами, выполненными обычно гладким или гребенчатым штампом. Наиболее распространенная композиция - горизонтальные пояски наклонных оттисков (рис. 25-7, 8, 10, 11), воспроизводящие елочные узоры (47%). Иногда оттиски гладкого или гребенчатого штампа, скомпонованные в группы по 3-5 отрезков и разделенные небольшими интервалами, образуют поясok незавершенных ромбов (рис. 24-2, 7). В коллекции много сосудов, украшенных узором из многорядных зигзагов, сгруппированных в широкие ленты (рис. 25-1-6). Выделяется небольшая группа горшков, украшенных прочерченными горизонтальными линиями, реже желобками-каннелюрами (рис. 27-1, 2) или сплошь покрытых вдавлениями различной формы (рис. 24-1). Часть сосудов украшена простым зигзаговым орнаментом в сочетании с вдавлениями (для них более характерны уплощенные венчики, см.: рис. 25-3, 4).

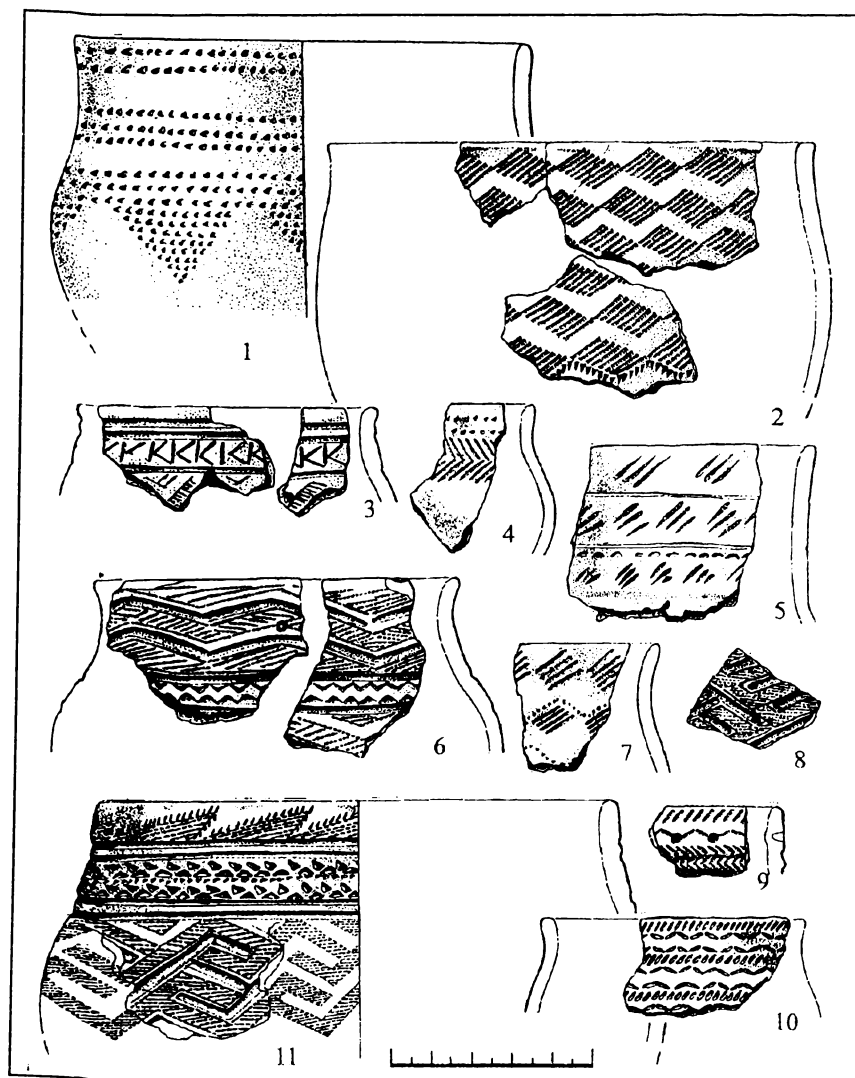

Рис. 24. Поселение Дуванское XVII. Керамика группы А, Б.

Орнамент выполнен в технике гладкого штампа (42%), гребенкой с мелкими зубцами (25%), много вдавлений различной формы (около 20%), реже применялись прочерчивание и желобчатая техника (4,3% и 7,3%).

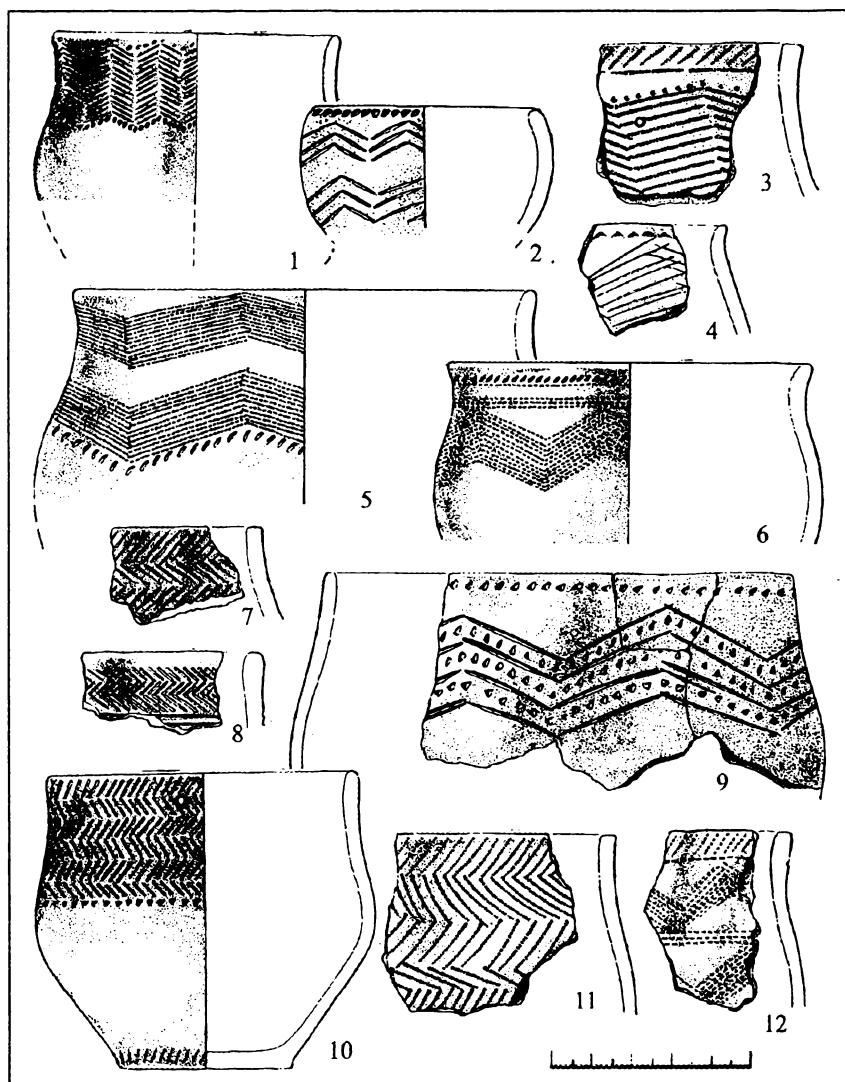

Рис. 25. Поселение Дуванское XVII. Керамика группы А.

Вторую подгруппу составляют сосуды, украшенные валиком. Их в коллекции 56 экземпляров, что составляет 20% от общего числа андроновской посуды. Валики формованные (рис. 26-8,9) и налепные (рис. 26-1,4), различной степени выпуклости, широкие (рис. 26-1,9,10) и узкие (рис. 26-5),

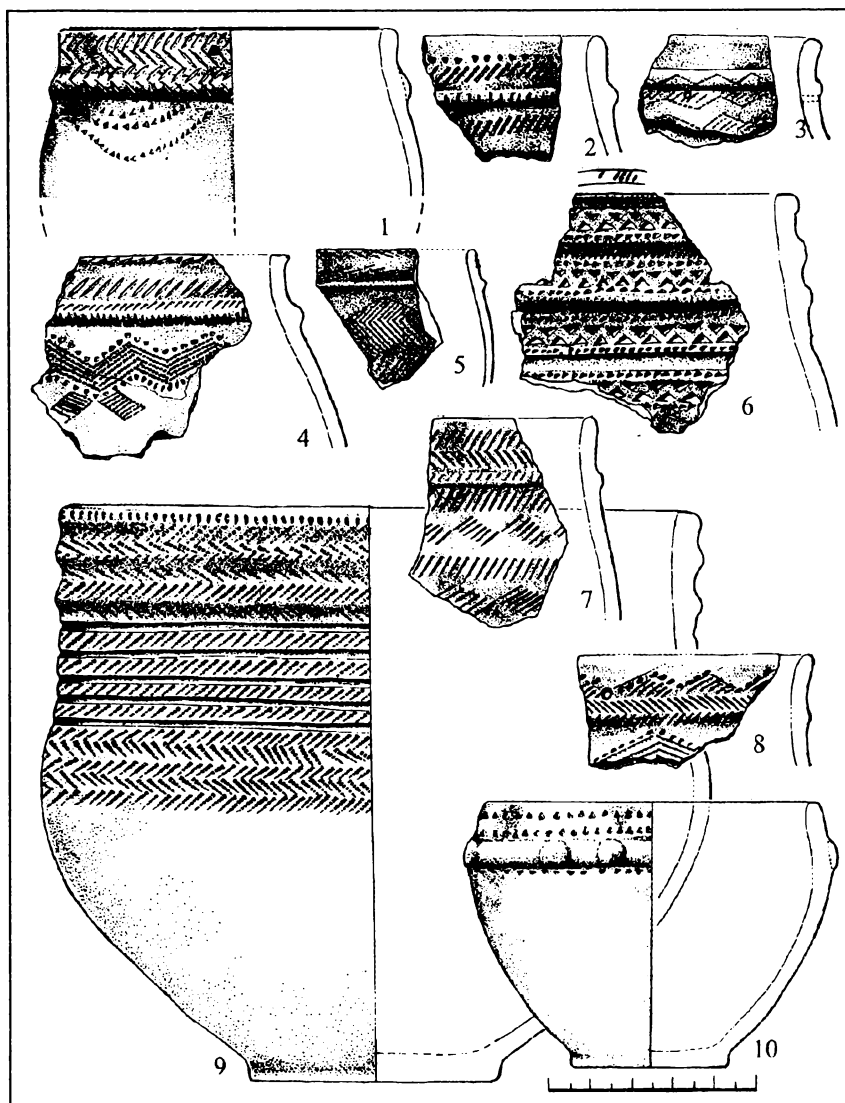

Рис. 26. Поселение Дуванское XVII. Керамика группы А.

больше напоминающие карниз (рис. 27-8). Расположены в переходной от шейки к тулову зоне, орнаментированы в манере, определяющей декор посуды группы А. На керами-

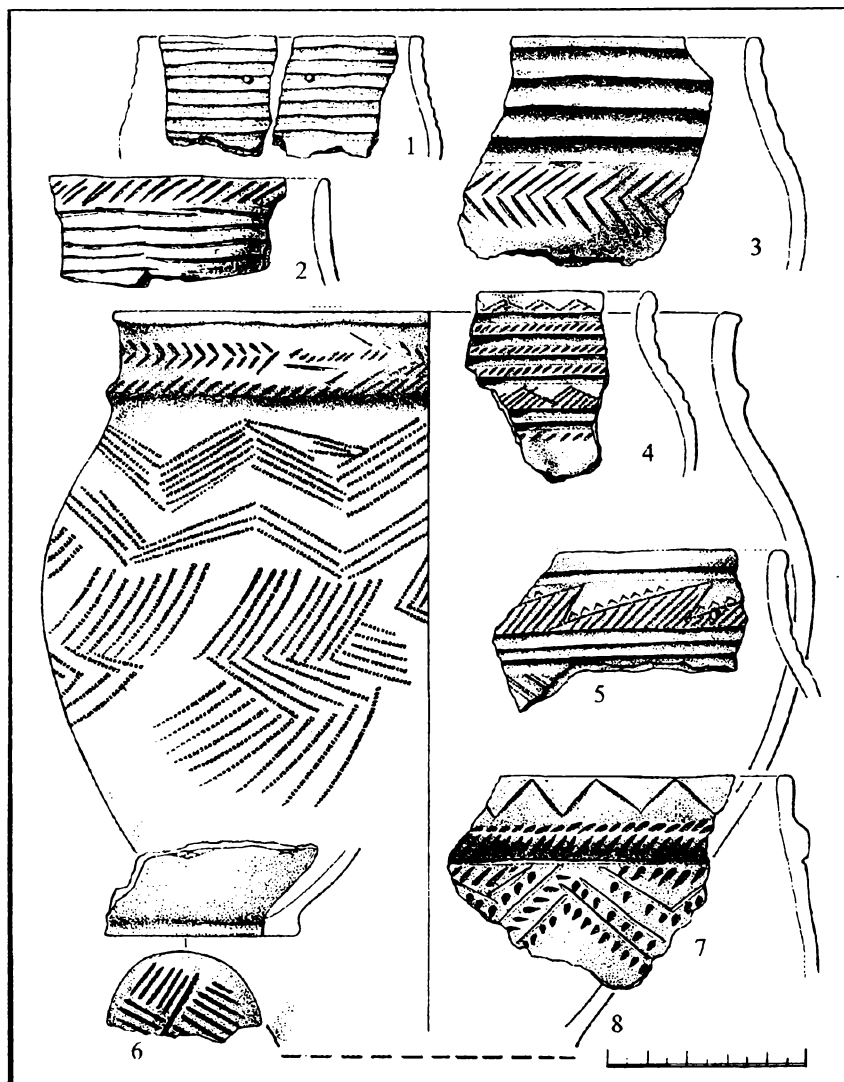

Рис. 27. Поселение Дуванское XVII. Керамика группы А, Б.

ке подгруппы 2 мы видим те же простые елочные узоры, несложные композиции из горизонтальных и зигзаговых прочерченных линий (рис. 26). В коллекции есть очень крупные экземпляры «валиковых» сосудов. Один из них украшен неупорядоченным узором из гребенчатых зигзаго-

вых полос (рис. 27-8), другой - оформленный по шейке и тулову двумя валиками и пятью желобками, сплошь покрыт в «елочку» отпечатками крупнозубого штампа (рис. 26-9). Еще один сосуд с двумя широкими валиками украшен характерным узором из противоположащих угловых вдавлений (рис. 26-6). Можно заметить, что в орнаменте некоторых валиковых сосудов присутствуют геометрические мотивы (рис. 26-4; 26-3; 26-1).

Сходство технологических, морфологических и декоративных признаков, способов и приемов орнаментации, в сочетании с одинаковыми условиями залегания в слое, указывают на единство керамики описанных подгрупп.

Лишь несколько экземпляров, отнесенных к числу «ненарядных», выделяются из общей массы керамики группы А. Это фрагменты от четырех сосудов горшечно-баночной формы довольно больших размеров с уплощенным венчиком. Их отличает грубость и небрежность в нанесении узоров. Узор составлен из крупных раппортов, в основе которых зигзаги, треугольники, «горизонтальная елочка», сгруппированные насечки, подчеркнутые вдавлениями (рис. 25-9; 27-7). Один сосуд покрыт широкими неровными желобками (рис. 27-3). Пожалуй, в комплексе с этим же горшками следует рассматривать небольшой баночный сосуд закрытой формы, украшенный размашистым зигзаговым узором и пояском вдавлений (рис. 25-2). Оригинален сосуд баночной формы с плоским дном, украшенный в верхней части наlepным валиком со сферическими наleпами (рис. 26-10).

Прочий вещевой материал андроновского комплекса не отличается богатством и разнообразием. Изделия из камня представлены обломками точильных плиток с зашлифованными плоскими сторонами (рис. 28-6) и тремя, по видимому, металлообрабатывающими орудиями (рис. 28-10, 11, 12). Одно из них (рис. 28-12), осмотренное Г.Ф.Коробковой (ИИМК РАН), является молотком среднего действия дляковки горячего металла, употребившимся в рукояти. Орудие имело две рабочие поверхности.

Среди костяных предметов - три черешковых наконечника стрел (ромбический, овальный и подтреугольный в сечении) и проколка или провертка (рис. 28-1, 2, 3, 4). Все они сделаны аккуратно, поверхность орудий после первичной обработки тщательно полировалась.

Глиняные изделия представлены грузилами (19 экз.), обломками кирпичиков и тиглей (7 фрагментов от трех экзем-

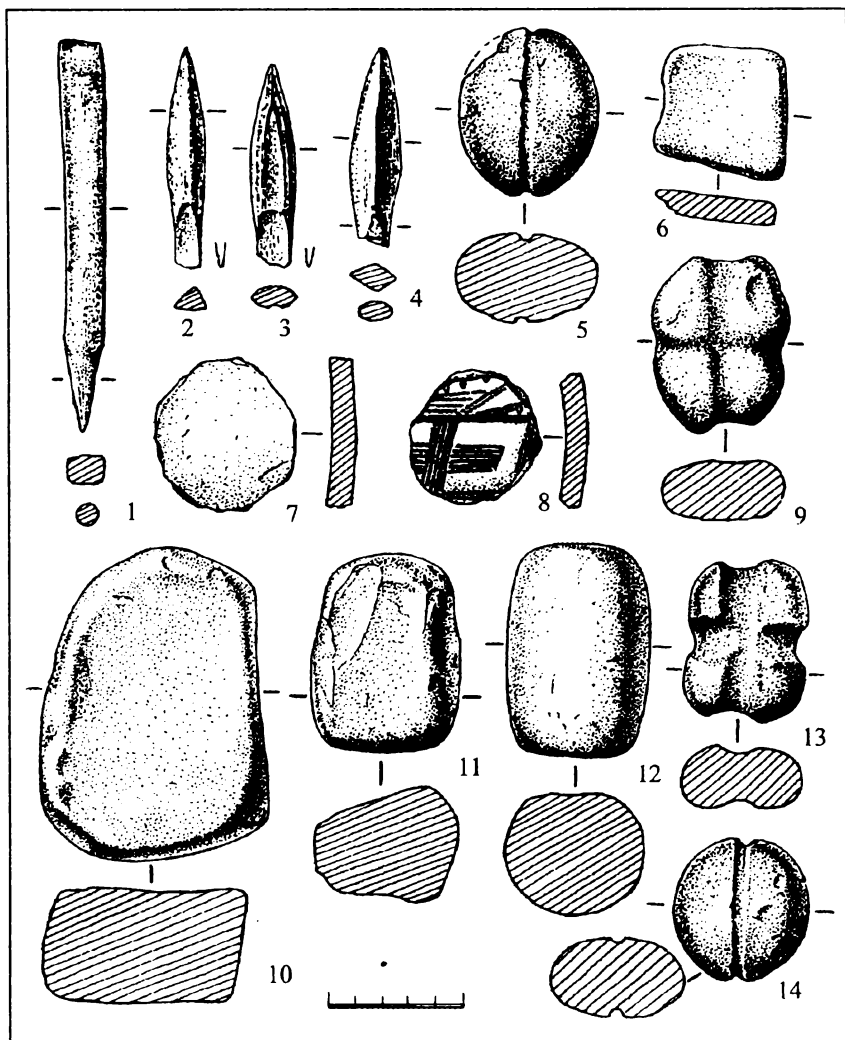

Рис. 28. Поселение Дуванское XVII. Вещи
(1-4 - кость; 5, 7-9, 13, 14 - глина, 6, 10-12 - камень).

пляр). Глиняные грузила двух разновидностей - округло-уплощенные с двумя пересекающимися желобками и овально-уплощенные с одним глубоким желобком (рис. 28-5, 9, 13, 14). Из фрагментов керамики изготовлены диски или кружочки, не имеющие в центре сквозных отверстий (рис.

28-7,8). Любопытно, что только одна поделка сделана из неорнаментированного черепка, на пяти остальных присутствуют фигуры геометрических узоров.

Результаты определения костных остатков приведены в таблице.

Вид животного	в жилище 2	Всего на поселении
Крупный рогатый скот	31/3	192/11
Мелкий рогатый скот	5/1	27/5
Лошадь	2/1	33/4
Лось	3/1	3/1
Косуля	-	3/1
Северный олень	-	2/2
Canis	2/1	5/1

Состав фаунистических и прочих остатков позволяет характеризовать хозяйство обитателей поселка как комплексное, базирующееся на скотоводстве придомного типа. Земледельческие занятия археологического подтверждения не имеют. Доля присваивающих отраслей (рыболовство, охота) в целом была невелика. Заметим, что соотношение домашних видов, зафиксированное на Дуванском XVII поселении совпадает с аналогичными данными, полученными при анализе коллекций с Ново-Шадрино VIII и Черемухового Куста (Зах, 1995, с. 66, 67).

Определение культурной принадлежности памятника, благодаря присутствию в комплексе керамики группы Б, не вызывает затруднений. Посуда этой группы имеет прямые соответствия среди классических образцов федоровской керамики, во множестве известных по раскопкам поселений и могильников на территории от Урала до Енисея. При более внимательном анализе выясняется, что и «ненарядная» группа Дуванского XVII поселения сопоставима с посудой бытового и хозяйственно-производственного назначения, составляющей основу федоровских поселенческих комплексов урало-казахстанского региона. Есть и отличия, наиболее ярким из которых является высокий удельный вес парадной или нарядной (до 24-25 %) и валиковой посуды (до 20%) в составе керамической коллекции поселения на р. Дуван. В свое время в краткой статье, посвященной этому памятнику (Корочкова, Стефанов, 1983), мы уделили боль-

шое внимание доказательству единства андроновского комплекса. На рубеже 70 - 80-х годов вывод о принадлежности изящных горшков с роскошными ковровыми узорами и – на их фоне – грубых, бедно и просто орнаментированных сосудов, в том числе, с валиками к одному культурному комплексу, казался, по крайней мере, смелым. Однако, непротиворечивые данные раскопок, подтвержденные и другими аргументами, не вызвали серьезных возражений у специалистов. Со временем утвердилось мнение о том, что характерное для федоровских поселенческих и, в меньшей степени, погребальных памятников многообразие типов посуды, скорее всего, объясняется существованием определенной зависимости между функциональным назначением сосудов и их формой, декором и техникой его исполнения.

Очень важно, что разнородный, с точки зрения формальной типологии, керамический материал поселения Черемуховый куст В.А.Захом был также признан единым в культурном и хронологическом плане (Зах, 1995, с. 77)⁵. Оба поселения относятся к числу федоровских, но при этом отражают разные стадии федоровской культуры в Тюменском Притоболье – Черемуховый Куст несколько древнее Дувана XVII. Последнему поселению хронологически соответствует любопытный памятник, открытие которого ожидалось с начала 80-х годов. (Корочкова, Стефанов, 1983, с. 151).

В 1988 г. при обследовании южного берега системы Андреевских проточных озер С.Г.Пархимовичем был обнаружен андроновский **могильник**, получивший наименование **Перейминский 3**. Он располагался в основании мысовидного выступа так называемой Второй Переймы – перешейка, разделяющего Малое Андреевское озеро и озеро Песьянка. Поблизости от этого места находятся могильники Перейминский 1 (конец I тыс. н.э.) и Перейминский 2 (энеолит, эпоха бронзы и ранний железный век), обследованные в 50-60-е годы В.Н.Чернецовым и С.В.Зотовой.

Площадь памятника частично разрушена автодорогой, ведущей к поселку Андреевские Юрты. С.Г.Пархимович

⁵ Несмотря на то, что керамический комплекс поселения Черемуховый Куст рассматривается автором раскопок как единый (Зах, 1995, с. 77), мы тем не менее, склонны усматривать в его составе поздние инокультурные примеси. Речь идет о небольших сериях керамического материала, имеющего очевидные аналогии в памятниках позднебронзовых пахомовской и бархатовской культур. На общую характеристику памятника эти примеси не влияют.

полагает, что в результате дорожно-строительных работ были срыты курганные насыпи и разрушена часть погребений. Им же были предприняты аварийные раскопки сохранившейся части древнего некрополя. Описание памятника и вскрытых остатков составлено на основании данных отчета С.Г.Пархимовича.

Могильник располагался в наиболее возвышенной части надпойменной террасы на высоте около 4 м от уреза воды в озерах Малое Андреевское и Песьянка. Всклопление, занятое могильником, неправильной формы, размером 53 м с С на Ю и 61,5 м с З на В. В 5 м к западу от него проходит автодорога на дамбу, в 6 м к северу – полевая дорога, огибающая южный берег Малого Андреевского и Песьянковского озер (рис. 29 - А).

Рекогносцировочный раскоп площадью 48 кв.м был размечен на западной окраине всхолмления. Раскопом исследовано 20 больших и малых ям, часть которых оказались могильными, а также 15 столбовых (?) углублений, провал и охристое пятно. Кроме того, в культурном слое обнаружены находки энеолитического облика. Стратиграфия раскопа: верхний слой – перемешанная почва с остатками щебня и строительного мусора толщиной 0,2-0,34 м; под ним фиксировался слой серо-коричневой супеси мощностью 0,04-0,3 м, скорее всего, связанный с существовавшим здесь андроновским могильником. В углублениях вдоль южной границы раскопа зафиксированы линзы супеси светло-серого цвета толщиной до 0,3 м, содержавшие энеолитические находки. Материк – песок желто-серого цвета.

Среди ям выделяются следующие группы: овальные ямы большого размера (№№ IV, VIII, XVIII, XIX), овальные ямы малого размера (№№ X, XIII, XVII), 13 круглых ям и 15 столбовых (?) углублений. Большие овальные ямы имели различную ориентировку и размеры (1,5-2,2×0,7-1 м). В трех из четырех ям зафиксированы следы погребений: в яме IV – остатки костяка, в ямах XVIII-XIX – кальцинированные останки (человека?). Из трех овальных ям малого размера две, одинаково ориентированные по оси СВ-ЮЗ, располагались в непосредственной близости друг от друга. Третья была зафиксирована около охристого пятна в северо-восточной части раскопа. Круглые ямы примерно одного размера (диаметром 0,5-0,7 м) располагались группами около овальных углублений. Во всех круглых ямах обнаружены фрагменты керамики, в трех – развалы сосудов, в двух – кальцинированные косточки.

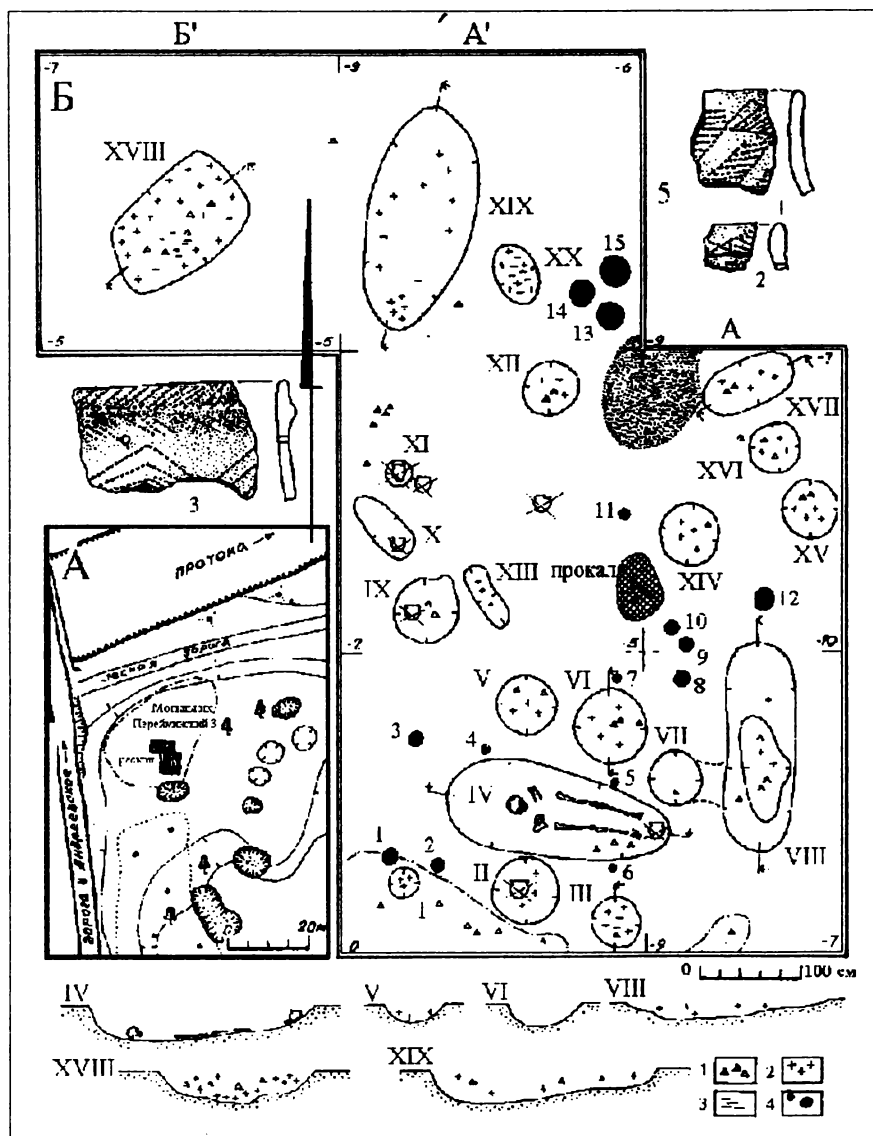

Рис. 29. Могильник Перейминский 3. А – ситуационный план. Б – план раскопа (1 – фрагменты керамики, 2 – угольки, 3 – кальцинированные косточки, 4 – столбовые ямки).

При детальном описании раскопанных объектов учитывались особенности планировки круглых ям около больших овальных углублений, связь которых с погребениями как будто не вызывает особых сомнений.

Яма IV - самая крупная из раскопанных. В плане имела форму овала, сужающегося в восточной части, ориентирована по оси 3-В, размером 2,27х0,88 м. Дно ямы неровное – глубина в западной половине – 0,34 м (от уровня материка) и 0,17 м в восточной части, стенки пологие. На дне расчищены остатки скелета. Посткраниальная часть представлена костями ног, фрагментом таза и двух ребер. Череп без нижней челюсти лежал в области поясничного отдела. Остальные кости скелета отсутствовали. У восточной стенки могилы стоял горшок, фрагменты керамики зафиксированы также в заполнении могилы. По обе стороны от длинных стен могилы, на расстоянии 0,1-0,3 м от края, расчищено 5 круглых ям (№№ II-VII), еще одна яма I располагалась чуть дальше – в 0,6 м от юго-западного угла могилы. *Яма I* диаметром 0,3 м, глубиной в материке 0,16 м, стенки пологие. В заполнявшей яму супеси, обнаружены включения мелких угольков, находок нет. *Яма II* диаметром 0,6 м, стенки полого опускались к дну, отмеченному на глубине 0,19 м. В заполнении найдено несколько угольков и расчищен развал сосуда. *Яма III* диаметром 0,55 м, глубиной 0,13 м, стенки пологие. В заполнении - угольки, фрагменты керамики и мелкие кальцинированные кости. *Яма V* - диаметром 0,49 м, глубиной 0,19 м. В заполнении обнаружены мелкие угольки и фрагмент андроновского сосуда. *Яма VI* диаметром 0,7 м, стенки пологие, в заполнении – мелкие угольки и фрагменты андроновской керамики. *Яма VII* диаметром 0,52 м, глубиной 0,17 м. С устройством специального сооружения около (над) могилы IV связаны, по-видимому, 6 столбовых ямок (№№ 1-6) диаметром 0,1-0,2 м, глубиной в материке 0,15-0,2 м. В 0,6 м к В от погребения IV расчищена еще одна большая яма VIII овальной формы, размером 2,05х0,65-0,68 м, ориентирована по линии С-Ю, стенки пологие. В заполнении попадались мелкие угольки и фрагменты керамики. В 0,3 м к С от края ямы зафиксирована столбовая ямка диаметром 0,25 м. *Яма XVIII* – подпрямоугольной формы со скругленными углами, размером 1,45х0,9 м, ориентирована по оси ЮЗ-СВ. Стенки и дно неровные, глубина в материке – 0,25 м. В заполнении найдено много угольков, располагавшихся по периметру стен. В центре обнаружено пять кальцинированных косточек, кусок медного шлака, две обгоревшие сосновые шишки и фрагменты сосуда (рис. 29 –

2,3). Яма XIX располагалась в метре от восточного угла могилы XVIII. Овальной формы, размером 2,2×1 м, ориентирована по оси ССВ-ЮЮЗ. Стенки пологие, дно неровное – южная часть углублена в материк на 0,2–0,23 м, отметка дна в северной половине не опускается ниже 0,18–0,2 м. В заполнении обнаружены угольки и две кальцинированные косточки. Рядом с ямой, в 0,3 м от восточной стенки расчищена яма XX овальной формы размером 0,4×0,6 м, стенки круто опускались к дну, отмеченному на глубине 0,25 м от уровня материка. В заполнении обнаружены угольки и три кальцинированные косточки. В непосредственной близости от этой ямы зафиксировано три столбовых углубления диаметром 0,2–0,25 м, глубиной 0,15–0,18 м. Две небольших овальных ямы (№№ X, XIII), ориентированные по оси СЗ-ЮВ располагались в 1,3 м к СЗ от погребения IV. Яма X размером 0,75×0,16–0,33 м, стенки полого опускались к дну, отмеченному на глубине 0,11–0,13 м. Яма XIII размером 0,67×0,23 м, ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Глубина от уровня фиксации – 8–10 см. В заполнении обнаружены мелкие угольки. Между овальными ямами располагалась округлая яма с выступом (№ IX) диаметром 0,64 м. Глубина ямы 0,12 м, стенки пологие. На дне обнаружен развал сосуда и фрагменты еще одного горшка. Пятая овальная яма (№XVII) располагалась в 4 м к С от погребения 4, вытянута по линии ЮЗЗ-СВВ. Размером 0,97×0,48 м, глубиной 0,13 м. В заполнении – мелкие угольки и фрагменты одного сосуда. Рядом с ямой XIX, в восточной части раскопа, на пространстве между большими могилами выявлено углубление с охристым заполнением, вокруг которого располагались ямы XII, XIV–XVI. Охристое пятно размером 0,96×0,98 м толщиной 0,5–1,5 см. Ямы XIV–XVI округлой в плане формы, диаметром 0,52–0,6 м, глубиной 0,14–0,17 м. В заполнении обнаружены мелкие угольки и фрагменты андроновских сосудов. В центре раскопа между углублениями расчищено пятно прокала размером 0,7×0,4 м. В прокаленном слое мощностью 5 см обнаружено четыре кальцинированных косточки. По-видимому, с устройством данного очага связаны четыре столбовых ямки. Три из них (8–10) группировались с юго-восточной стороны прокала, и одна ямка располагалась в 0,4 м к С.

Коллекция находок, собранная в раскопе, представлена фрагментами керамики, в том числе развалами шести сосудов, глиняными грузилами (6 экз.) и обломком керамического диска (рис. 30 – 31).

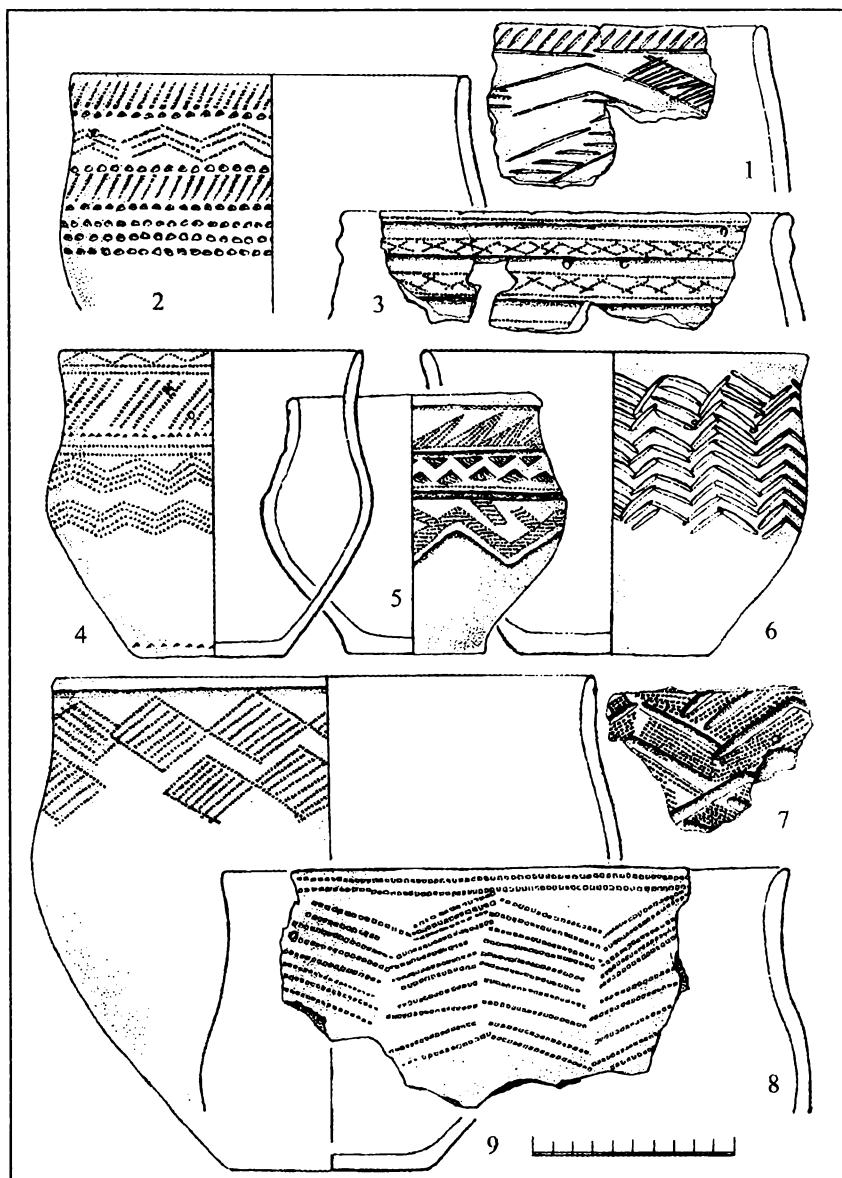

Рис. 30. Могильник Перейминский 3. Керамика.

Сосуды горшечной, горшечно-баночной и баночной формы, плавной профилировки, плоскодонные. Венчики округлые,

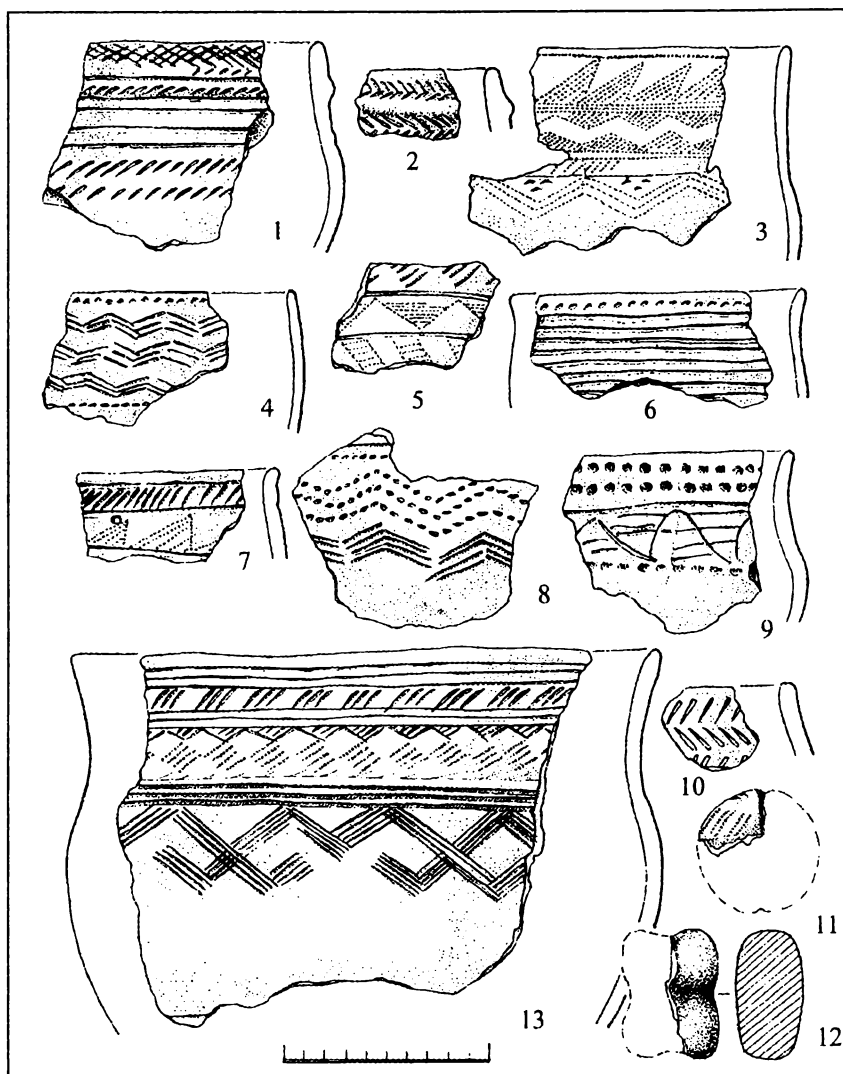

Рис. 31. Могильник Перейминский 3. Керамика и вещи.

редко уплощенные (на трех сосудах). Орнаментировалась верхняя треть горшков. Узоры состоят из мотивов, типичных для андроновской орнаментики. Это геометрические фигуры – косые и прямоугольные треугольники (рис. 30-5, 30-7), треугольные фестоны (рис. 30-5, 31-3, 5, 13), ромбы

(рис. 30-9). Характерны для перейминской керамики комбинации из многорядных зигзагов (рис. 30-2, 3, 4, 6, 8; 31-4, 8). Некоторые сосуды оформлены узкими желобками-каннелюрами, расположенными в переходной зоне от шейки к тулову (рис. 30-3, 5; 31-1); на одном сосуде желобки сплошь покрывают верхнюю часть стенок (рис. 31-6). Своеобразие керамическому комплексу придают узоры, выполненные вдавлениями округлой или подтреугольной формы (рис. 30-1; 31-8, 9). Меандровые узоры (ими украшено три сосуда) представлены упрощенными вариантами ленточного косого меандра, нанесенного прокатанной или протасенной гребенкой (рис. 31-13). В двух случаях они исполнены в характерной для черкаскульской традиции манере – ленты меандра обрамлены узкими желобками (рис. 30-5, 7). Меандровый орнамент третьего горшка сделан в «алакульском стиле» (рис. 31-13). В коллекции есть обломки, по крайней мере, пяти сосудов баночной формы с валиками (рис. 29; 30-1, 2).

Грузила, найденные в раскопе, обычны для андроновских памятников региона. Это изделия округло- или овально-уплощенной формы с одним или двумя перекрещивающимися желобками (рис. 31-12).

Основу керамического комплекса Перейминского 3 могильника составляет андроновская посуда. Плавный профиль тулова, характерный набор элементов орнамента, выполненных преимущественно гребенчатым штампом, присутствие в коллекции валиковых сосудов – типичны для федоровских комплексов Притоболья. Наиболее близкие и полные аналогии перейминский комплекс обнаруживает в материалах расположенного недалеко поселения Дуванское XVII. Особо отметим, что в коллекции могильника нет сосудов с уступчатым плечом, но есть сосуды с валиками и экземпляры с отчетливыми черкаскульскими признаками (рис. 30-3, 5, 7).

Интерпретировать исследованный С.Г. Пархимовичем памятник очень сложно. В свое время мы высказали предположение, что на Андреевском озере или на Дуване нужно ожидать нахождения погребений с классической федоровской посудой (Корочкова, Стефанов, 1983, с. 151). Нам казалось тогда, что в этих местах удастся обнаружить могильник, который по основным характеристикам будет соответствовать федоровским некрополям причелябинского района или Среднего Притоболья. В этом плане Перейминский 3 могильник не подтвердил в полном объеме наши предположения и ожидания. Значительные поверхностные разруше-

ния и крайне ограниченная площадь, подвергшаяся раскопкам, не дают ответа на вопрос о существовании курганной насыпи. Не ясно, являются ли кальцинированные косточки из ям III, XVIII-XX и прокала свидетельством трупосожжений. Нет уверенности в том, что сами ямы следует рассматривать в качестве могильных, а не объектов поминального цикла. Тем не менее, наличие достоверного погребения с остатками костяка, неординарный характер ям, многочисленные следы ритуальной деятельности с использованием огня (прокал, угольки, кальцинированные кости, пятно охры) и наличие целых сосудов позволяет толковать совокупность исследованных объектов как памятник, связанный с погребальной практикой местных групп андроновского населения. Исходя из того, что памятники Тюменского Приоболья, атрибутируемые как федоровские, обладают своеобразием, логично предположить, что проявления погребальной практики на этой территории могут отличаться от картины, известной по эталонным федоровским могильникам Зауралья. Как будто не соответствует федоровскому погребальному обряду случай ингумации⁶, зафиксированный на этом памятнике. Однако, уместно вспомнить, что исключительно кремация покойных является признаком погребального обряда федоровского населения только в причелябинском районе андроновской культурной общности. С сожалением должны признать, что без дополнительного изучения Перейминский 3 могильник не может быть назван в числе опорных памятников тюменского района АКЮ, его ущербность как источника очевидна.

Итак, поселение Дуванское XVII и Перейминский 3 могильник мы относим к кругу памятников федоровской культуры. В Тюменском Приоболье им предшествует еще одно федоровское поселение – Черемуховый куст. В чем, на наш взгляд, проявляется относительно более поздний возраст дуванско-перейминских материалов? Поскольку они не содержат хорошо датированных вещей, а стратиграфические наблюдения на сей счет отсутствуют, поздние признаки можно искать только в керамике. И таковые есть.

Прежде всего, в составе дуванской коллекции присутствует несколько валиковых сосудов, в значительной мере сопоставимых с керамикой алексеевского типа (рис. 26 – 10; 27 – 7,8). Они выглядят несколько более грубыми, доста-

⁶ Неполный состав костей скелета в погребении может свидетельствовать о вторичном характере захоронения

точно примитивно декорированы, но по другим признакам (в том числе, по условиям залегания) неотделимы от основного комплекса. Оригинальный сосуд баночной формы со сферическими налепами на уплощенном валике (рис. 26-10) Е.Е.Кузьмина также отнесла к числу алексеевских (Кузьмина, 1994, с. 413, рис. 17-31). Он не имеет абсолютных аналогов, хотя сосуды с налепами известны на ряде андроновских памятников Южного Зауралья: на поселениях Ново-Бурино (Сальников, 1959, рис. 7 - 1,5), Шандаша (Кузьмина, 1964, рис. 31-10), Алексеевском (Кривцова-Гракова, 55-11), в кургане 4 у с. Спасское (Стоколос, 1972, рис. 15-1). Вместе с тем, довольно много сосудов с налепами среди погребальной посуды в могильниках Синташтинского комплекса памятников (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, рис. 60-2, 63-4, 136-4, 137-3, 151-1, 159-14, 15, 163-2, 172-2, 178-3189-1, 2, 197-1, 2). В качестве более отдаленных примеров можно рассматривать сосуды, найденные на памятниках эпохи бронзы Южного Приаралья (Итина, 1977, с. 117, рис. 64). Судя по составу основных керамических коллекций, сосуды с налепами сопровождают различные хронологические комплексы в рамках всей эпохи бронзы. Возможно, права М.А.Итина, отметившая, что оформление налепами не является ни культурным, ни хронологическим признаком (Итина, 1977, с. 118).

В наличии черкаскульской керамики с тальком или слюдой в глиняной массе, а также сосудов местного производства, но с отчетливыми черкаскульскими элементами в орнаменте, мы видим проявление андроновско - черкаскульских контактов. Следы этих контактов фиксируются уже в керамическом комплексе Черемухового Куста (Зах, 1995, с. 50-51), в период функционирования Дуванского XVII поселения и Перейминского 3 могильника они становятся более заметными, но еще больше их в материалах андронидных пахомовских комплексов, т.е. в послефедоровское время (поселение Ново-Шадрино VII). Тюменские археологи допускают, что в лесостепной полосе Притоболья одновременно с пахомовскими группами проживали черкаскульские коллективы (Археологическое наследие ..., 1995, с. 171-173; Матвеев, 1998, с. 296). По-видимому, черкаскульскую керамику на Дуване XVII можно рассматривать как поздний признак, свидетельствующий о позднефедоровском возрасте памятника. На это же указывают сосуды с пахомовскими орнаментальными признаками, из них два имеют совершенно пахомовский облик (рис. 24 - 9, 10).

В связи с определением хронологической позиции федоровско-перейминских комплексов интересно обратиться к керамике с федоровскими геометрическими узорами. Помимо бесспорного сходства с классическими образцами федоровской посуды, дуванская керамика обладает заметным своеобразием, объяснить которое можно только с учетом факторов локального и хронологического свойства.

Большинство сосудов группы Б украшено в соответствии с федоровским орнаментальным каноном, предусматривающим: трехчастную зональность, строгую приуроченность отдельных элементов и мотивов к определенной орнаментальной зоне, нанесение узора по косой сетке, предварительную разметку раппортов. Набор элементов орнамента и способов его исполнения также соответствует федоровскому «стандарту». Вместе с тем, нельзя не заметить множества частных отступлений от заданной схемы. Непринципиальные, казалось бы, искажения и изменения придадут дуванской керамике своеобразный колорит. Так, например, горизонтальные линии, выступающие в качестве разделителей зон и на зауральских образцах обычно выполненные гребенчатым штампом, либо в желобчатой технике, на многих дуванских горшках представлены исключительно желобками-каннелюрами. При этом, они располагаются не только в зоне перехода шейки к тулову, но и в средней части шейки и даже под венчиком (рис. 22 - 4; 27-5). Очень характерен для дуванской посуды прием обрамления узоров бахромой из мелких вдавлений. Ими окаймлены не только косые треугольники на шейке, но и многие фигуры на тулове (рис. 22-26). Другой особенностью керамики Дувана XVII является присутствие в узорах поясков из противоположащих угольковых вдавлений, имитирующих мотив раздвинутых рядов треугольников (рис. 22-1,10; 23-3; 24-6,11; 26-6; последний экземпляр особенно показателен). К числу поздних признаков мы относим поперечную штриховку лент меандра и зигзаговых полос. Из черкаскульской орнаментики заимствован прием обрамления меандровых лент желобками (рис. 24-11; 30-7), а также вынесение в верхнюю часть шейки горизонтальных желобков (рис. 22-4; 27-5; 30-3). Размещение в зоне под венчиком пояса наклонных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 23-1,5,6), возможно, также заимствовано (?) из черкаскульского орнаментального комплекса. Как дополнительное свидетельство поздней даты поселения на р.Дуван и Перейминского 3 могильника можно оценивать факт отсутствия в их коллекциях керами-

ки с отчетливыми алакульскими признаками. Алакульские ассоциации вызывает только один сосуд (рис. 31-3).

К сказанному можно добавить, что по своим пропорциям дуванские сосуды более соответствуют II подтипу федоровских горшков – по классификации Е.Е.Кузьминой (1994, с. 115-116), характерному для позднефедоровских комплексов Зауралья, Восточного Казахстана, Сибири и Средней Азии.

Таким образом, анализ посуды с геометрической орнаментацией приводит к аналогичному выводу – о поздней дате Дуванского XVII поселения и Перейминского 3 могильника в системе древностей федоровской культуры. Вероятно, не все из отмеченных особенностей этой группы сосудов имеют хронологический характер, однако, мы не видим возможности и острой необходимости в их разграничении на только локальные или хронологические. Для этого нужно иметь достаточное представление о поселенческих федоровских коллекциях, по крайней мере, из сопредельных территорий. Пока же наши знания о таких материалах основываются, преимущественно, на данных типологического анализа керамики, полученной из смешанных памятников, ибо ни в Зауралье, ни в Среднем Притоболье однослойных федоровских поселений не обнаружено. В Центральном Казахстане Дувану XVII соответствует позднефедоровский комплекс поселения Павловка (Малютина, 1991, с. 153-160).

Что касается поселения Черемуховый Куст, то, по нашему мнению, он также относится к позднему этапу федоровской культуры, хотя в системе древностей предтаежного Притоболья сохраняет за собой хронологический приоритет. С последним выводом согласен В.А.Зах – автор раскопок Черемухового Куста (Зах, 1995, с. 77).

Этно-культурная ситуация в Тюменском Притоболье накануне и в начале андроновского проникновения

Освоение территории юга Тюменской области андроновскими племенами не носило характер одноразового действия, ему предшествовала стадия контактов с аборигенным населением. Попытаемся определить, какое или какие местные образования имели связи с культурами андроновского мира.

Из анализа литературных источников следует, что накануне продвижения андроновских племен территорию северо-лесостепного и подтаежного Притоболья занимало разнотничное по составу население ташковской культуры (Ковалева, 1988, 1995; 1997; 1998; Косарев, 1993, с. 69, 70; Археологическое наследие ..., с. 162-164; Рыжкова, 1994). По первоначальному мнению В.Т.Ковалевой, давление андроновских групп вынудило ташковское население покинуть район Нижнего Притоболья и мигрировать на восток, в ишим-иртышское междуречье (Ковалева, 1988, с.45). К сожалению, вопрос о том, какие андроновские группы (петровские, алакульские, иные?) вступали в контакты с ташковскими коллективами, и, в конечном итоге, привели последних к необходимости покинуть обжитые земли, автор оставила без ответа.

В монографическом исследовании, основанном на материалах поселения Ташково II, В.Т.Ковалева уже не упоминает об андроновском воздействии, поскольку считает очевидным большую древность ташковских комплексов даже по отношению к синташтинским. При этом она допускает возможность существования связей с раннеабашевским населением (Ковалева, 1997, с. 75), и не изменяет мнения об уходе ташковского населения из пределов Нижнего Притоболья. «Отсутствие необходимого сырья – камня, руды, удаленность от их источников, чуждое окружение, по-видимому, и были причинами их ухода» (Ковалева, 1997, с. 75). Куда произошло переселение, В.Т.Ковалева не уточняет, но, если она по-прежнему имеет в виду ишим-иртышское междуречье, то проблем с камнем и рудой в этом районе наверняка было не меньше. В приведенной цитате обращают на себя внимание слова о чуждом окружении, однако, составляющие враждебную или чуждую среду компоненты не идентифицированы.

Автор отмечает, что ташковская культура существовала синхронно с одиновскими и логиновскими комплексами

Западной Сибири, вишневскими – Северного Казахстана, и допускает участие населения ташковской культуры в формировании синташтинской (Ковалева, 1997, с. 75). Если согласиться с точкой зрения В.Т.Ковалевой, то проблему ташковско-андроновских контактов следует просто исключить из числа подлежащих обсуждению: во-первых, потому что синташтинская культура не андроновская, а во-вторых, потому что период существования ташковской культуры ограничивался всего 1,5-2 веками (там же). Иначе говоря, к моменту появления первых андроновских групп в районах предтаежного Притоболья, ташковское культурное образование уже не существовало.

Мнение В.Т.Ковалевой о досейминском и досинташтинском возрасте ташковских комплексов нашло отражение в работах некоторых исследователей (Рыжкова, 1994; Зданович, 1995, с. 41; 1997, с. 61; Потемкина, 1995, с. 18), хотя убедительных аргументов в пользу этой версии до сих пор не приведено. Единственная радиоуглеродная дата, полученная для поселения Ташково II (ЛЕ-2639, 1830 г. до н.э.), бесспорно заслуживает внимания, но для оценки ее объективности необходима серия дополнительных дат. Кроме того, хронологический приоритет Ташково II в системе памятников бронзового века Зауралья опровергается результатами радиоуглеродного датирования, выполненного на материалах курганов развитого этапа алакульской культуры Чистослебяжского и Хрипуновского могильников (18 дат – см.: Матвеев, 1998, с. 362-367). А.В.Матвеев считает возможным определить хронологические рамки этого этапа от второй четверти XX до первой половины XVIII в. до н.э. Что касается памятников синташтинского типа в Южном Зауралье и потаповских – в лесостепном Поволжье, то для них также имеется большая серия дат, лежащая в пределах XXI-XVIII вв. до н.э. (Зданович, 1997, с. 59, 60; Кузнецов, 1996; Трифионов, 1996; 1997; Матвеев, 1998, с. 368-370). Разумеется, результаты радиоуглеродного датирования не должны восприниматься однозначно, без должного критического анализа, но тенденция к удревнению археологических культур эпохи бронзы Урала и Западной Сибири, похоже, приобретает глобальный характер.

Другим подтверждением ранней даты ташковской культуры В.Т.Ковалева считает факт нахождения керамики, свидетельствующей о связях с раннеабашевским населением (Ковалева, 1997, с. 75). Нужно заметить, что по вопросу о конкретной принадлежности этой керамики точка зрения

В.Т.Ковалевой претерпела известную трансформацию. Первоначально речь шла о фрагменте сосуда «... близкого синташтинско-абашевским» (Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 68), в другой работе упоминаются сосуды абашевского типа ранней абашевско-баланбашской культуры Приуралья (Ковалева, 1995, с. 72). К сожалению, керамика инокультурного облика из поселения Ташково II представлена в иллюстрациях только однажды и только одним черепком (Ковалева, 1997, с. 124, рис. 49 – 10). Несмотря на малый размер, данный черепок – с каплей меди на внутренней стороне и гребенчатыми отпечатками на внешней (рис. 32, 1), действительно выделяется на фоне ташковской керамики. Аналогичного облика, но гораздо более выразительные фрагменты найдены на поселении ташковской культуры Заводоуковское Х (рис. 32, 2) недалеко от впадения р.Ук в Тобол (раскопки А.С.Сергеева) и кротовском поселении Инберень Х (рис. 32, 3-6) в Среднем Прииртышье (раскопки Н.К.Стефановой, см.: Стефанов, Стефанова, 2000). Мы полагаем, что они могут рассматриваться как свидетельство контактов с зауральской культурой (в тесте этих фрагментов имеется характерная для Зауралья примесь талька), в состав которой входил абашевский компонент. Для соотношения подобных находок непосредственно с баланбашскими культурными комплексами достаточных оснований нет. Добавим, что хронология приуральских абашевских древностей – вопрос отнюдь не закрытый.

Единично представленные в керамическом комплексе Ташково I округлодонные сосуды (Ковалева, 1997, с. 27, 105, рис. 30 – 2, с. 106, рис. 31 – 1, с. 118, рис. 43 – 1) можно оценивать как пережиточный, восходящий к энеолитическим традициям, признак. Он важен в связи с разработкой внутренней хронологии ташковской культуры, для выяснения динамики керамического производства, но на абсолютную хронологию данный признак «не работает». Уместно напомнить, что сосуды с округлой и округло-уплощенной донной частью присутствуют в керамическом комплексе кротовского поселения Черноозерье VI, где они также воспринимаются как архаический признак (Стефанова, 1986, с. 44; 1988, с. 60). Далеко не бесспорно утверждение В.Т.Ковалевой и О.В.Рыжковой о появлении валиковой керамики в досейминский период (Ковалева, Рыжкова, 1991, с. 32). Мы не отрицаем единичных фактов (валиковые сосуды в энеолитических-раннебронзовых комплексах в Среднем Зауралье, в бассейне р.Конды), но, опираясь толь-

ко на них, говорить о досейминском возрасте ташковских материалов (в том числе, валиковой посуды Ташково II и других однокультурных поселений) было бы, по-крайней мере, некорректно. Значительно больше оснований говорить об одновременном распространении в ряде западносибирских и восточноевропейских культур валиковой керамики и сейминско-турбинской металлообработки.

Исключительно стремлением обосновать пришлый характер и раннюю датировку ташковской культуры можно объяснить поиск аналогий некоторым образцам керамики Ташково II в неолитических комплексах типа Тентек-Сор (Северный Прикаспий, вторая половина VI – начало IV тыс. до н.э. – см.: Васильев, Выборнов, 1988) и ямно-полтавкинских памятниках (Ковалева, 1997, с. 71, 72). Между тем, ташковские сосуды с геометрическим и меандровым орнаментом имеют прямые соответствия в материалах синташтинских поселений и могильников (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992). Что касается орнамента в виде «елочки», то подобная орнаментация имеет глубокие корни в культурах лесостепного и южнотаежного Притоболья, и ямно-полтавкинские аналогии в данном случае не кажутся нам оправданными (кстати, орнаментированные елочным узором сосуды есть и на Синташте).

Правомерная, на наш взгляд, синхронизация древностей ташковского типа Тюменского Притоболья и одиновских и логиновских комплексов Ишимо-Иртышья, а также вишневских Северного Казахстана (Ковалева, 1997, с. 75), тоже не доказывает досейминский и досинташтинский возраст ташковской культуры, поскольку доандроновские материалы лесостепного Приишимья сами нуждаются в более углубленном изучении, в том числе для уточнения их датировки. А безусловно относящиеся к этому же культурному блоку прииртышские кротовские памятники демонстрируют достоверную связь с сейминско-турбинским феноменом. Заметим, что вопрос о хронологическом соотношении комплексов ташковской, одиновской, вишневской и кротовской культур представляется нам весьма актуальным и заслуживает особого обсуждения. Не имея возможности в данной работе уделить ему должное внимание, ограничимся следующими высказываниями. Мнение о несколько более ранней начальной дате ташковской культуры по отношению к кротовской (Стефанова, 1988, с. 71, 72; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 75, 76) подвергнуто нами сомнению как не получившее подтверждения. Генезис ком-

плексов вишневого типа мы склонны связывать сейчас с влиянием или, скорее всего, продвижением части западно-сибирского населения в Петропавловское Приишимье, поэтому их хронологический приоритет маловероятен. Аналогичной точки зрения придерживаются Глушковы И.Г. и Т.Н. (1992, с. 118, 119). Н.С.Татаринцева, характеризуя время существования вишневской керамики как предшествующее петровскому, допускает, что на каком-то этапе памятники обоих типов сосуществуют (Татаринцева, 1984, с. 110, 112). Это предположение не лишено основания, так как проявления элементов вишневого (западносибирского) гончарства в материалах петровских и алакульских памятников Северного Казахстана очень заметны. Одним из свидетельств вероятно имевших место контактов и взаимодействия степных племен с населением, оставившим памятники вишневого типа, является значительный удельный вес гладкой и гребенчатой чашалки в декоре андроновской посуды приишимских поселений и могильников. Данный орнаментальный прием, генетически связанный с традициями вишнево-кротовской орнаментики, в меньшей степени характеризует петровскую посуду, но очень широко представлен в алакульской и амангельдинской керамике (Зданович, 1973, с. 29036; 1988, с. 111; Бухонина, 1984, с. 53), и даже встречается на сосудах бишкульско-федоровского облика. Подчеркнем: речь идет о территории Петропавловского Приишмья; в других районах АКИО использование этого специфического приема носило ограниченный характер (кроме, может быть, южнолесостепного Притоболья, судя по керамике могильника Верхняя Алабуга). Можно допустить также, что вишневский «барьер» воспрепятствовал активному освоению лесостепного Приишмья андроновским населением. В этом случае малочисленность андроновских памятников, выявленных на Ишиме в пределах Тюменской области, находит логическое объяснение.

Возвращаясь к проблеме датировки ташковской культуры, приведем еще один аргумент против отнесения ее к досейминскому времени. Аргумент не решающий, но заслуживающий внимания. Найденный на Ташково II и ЮАО-Х металл по химическому составу относится к группе ВК (Ковалева, 1995, с. 69; 1997, с. 35). По мнению С.А.Григорьева, "...подобной рецептурой в этот период владели исключительно сейминско-турбинские металлурги" (Григорьев, 1999, с. 202).

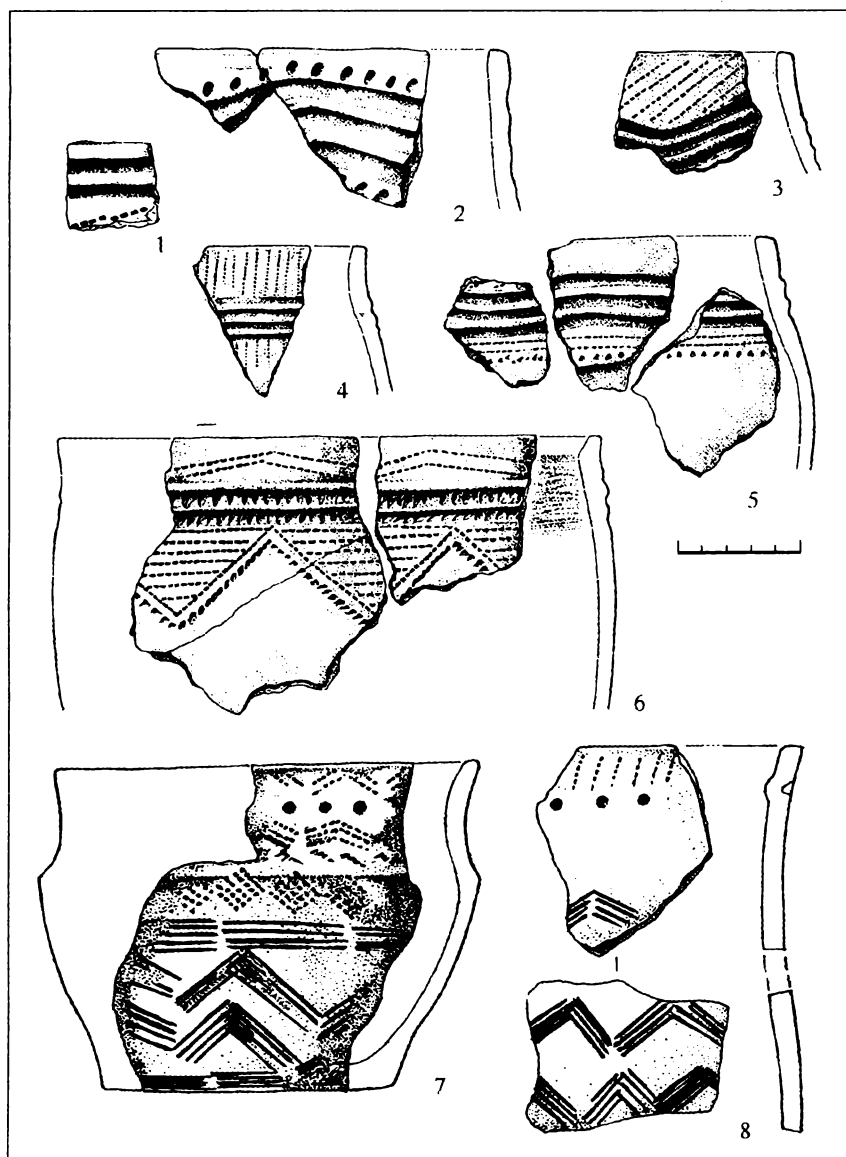

Рис. 32. Инокультурная керамика на поселениях ташковской (1, 2, 7, 8) и кротовской (3-6) культур. 1 – Ташково II; 2 – Заводоуковское Х. 3-6 – Инберень Х; 7-8 – ЮАО XIII (1 – по В.Т.Ковалевой, 7, 8 – по Т.М.Потемкиной). 7, 8 – без масштаба.

В проблемной статье, посвященной связям и сменам культур населения Зауралья в эпоху бронзы, Т.М.Потемкина высказала предположение, что на позднем этапе культуры ташковское население взаимодействовало с раннеалакульскими, абашевскими и синташтинскими группами, свидетельством чего, в частности, являются находки сосуда близкого абашевско-синташтинскому на Ташково II и раннеалакульского горшка в очаге жилища 12 на поселении ЮАО-ХIII (Потемкина, 1995а, с. 18, 23).

Наше мнение об упомянутой находке с Ташково II изложено чуть выше. Что касается инокультурной керамики на ЮАО-ХIII (рис. 32 – 7,8) то ее атрибуция как раннеалакульской вызывает у нас возражение. Мы согласны с А.В.Матвеевым в том, что эти экземпляры более сопоставимы с керамикой развитого этапа алакульской культуры (Матвеев, 1998, с. 372). Между прочим, они имеют прямые аналогии в комплексах северного берега Андреевского озера (САО, раскоп 6), поселений Дуванское XVIII, Ипкуль I, II и других, которые мы склонны соотносить именно с алакульской культурой. Найденные на ЮАО-ХIII глиняные грузила с одним и двумя перекрещивающимися желобками имеют многочисленные аналогии в памятниках Нижнего Притоболья начиная с андроновского времени (Косарев, 1979, с. 23), в доандроновских материалах они не известны. Приписывать первенство в использовании подобных грузил носителям ташковской культуры (Шаманаев, Симонов, 1998, с. 211) на том основании, что они найдены на поселении ЮАО-ХIII на южном берегу Андреевского озера, абсолютно неправомерно.

Наконец, свидетельством взаимодействия алакульских и ташковских коллективов является обнаружение двух ташковских сосудов в алакульском кургане 19 Чистолёбязского могильника (Матвеев, 1995; 1998, с. 113, 276, 277). Оба сосуда не относятся к числу классических образцов ташковской керамики, но в керамических комплексах других культур Притоболья и сопредельных районов аналогов им нет, за исключением, пожалуй, логиновских Приишимья.

С другой стороны, одновременность ташковских и позднеалакульских материалов стратиграфически зафиксирована на поселении Ук III. Ташковский комплекс данного поселения Н.К.Стефанова считает возможным синхронизировать с раннепетровскими памятниками (Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 21-22).

Последние факты не взаимоисключают друг друга, поскольку курган 19 Чистослебяжского могильника относится к более ранней хронологической группе алакульских памятников, чем Ук III (Матвеев, 1998, с. 276- 277, 311-314). С этим выводом мы готовы согласиться. Таким образом, абсолютная одновременность ташковской и алакульской культур – не факт, исключать возможность их сосуществования в каком-то временном отрезке нельзя. Аналогичного мнения придерживаются В.А.Зах (1995, с.86) и А.В.Матвеев (1998, с. 371-372). Скорее всего, частично синхронизируемые культуры находились в разных стадиях культурогенеза: ташковская претерпевала процессы деструкции, алакульская приближалась к фазе стабилизации.

Предшествующее изложение имело целью показать, что хронологию ташковской культуры нельзя считать основательно разработанной. Развернутая система доказательств ее ранней датировки отсутствует, а используемые доводы не выдерживают критики. В своих историко-культурных построениях мы исходим из того, что яркое и самобытное образование, каким является ташковская культура Нижнего Притоболья, сформировалась не ранее Синташты и прекратило существование в алакульское время. Период бытования ташковских памятников, скорее всего, был более продолжительным, нежели полагает В.Т.Ковалева.

Ситуация осложнялась тем, что продвигавшимся в районы предтаежного Притоболья андроновским коллективам противостояло, по-видимому, не только население уже трансформированной ташковской культуры. Есть основания полагать, что на этой же территории проживали племена, оставившие памятники с гребенчато-ямочной посудой – плоскодонной, слабопрофилированной, баночной и горшечно-баночной формы, орнаментированной оттисками гребенчатого или, редко, гладкого штампа и ямочными вдавлениями. Пояски отпечатков штампа и ряды ямок, однообразно чередуясь, полностью покрывают внешнюю поверхность сосудов, нередко включая дно. Иногда ямочные вдавления округлой или овальной формы присутствуют лишь в верхней части стенок. Такую керамику М.Ф.Косарев определяет как «предсузгунскую» (Косарев, 1981, с. 84-86). Мы в свое время отмечали, что она более всего напоминает одиновскую и представляет собой как-бы ее лесной аналог («лесная одиновская», см.: Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991. С. 74). И.Г.Глушков называет её одиновской (Глушков, 1989, с. 95-97; Глушков, Глушкова, 1992, с. 113,

114). Типологически близкая посуда известна много южнее – на раннебронзовом поселении Верхняя Алабуга в лесостепном Притоболье. Т.М. Потемкина относит её к одиновско-крохалевскому типу (Потемкина, 1985, с. 157-161). В.Т.Ковалева, выделяя ташковскую культуру и одновременно раннебронзовый этап в Нижнем Притоболье, допускала, что впоследствии «... на этой территории или несколько севернее, будут выделены и другие культуры ранней бронзы – памятники, близкие одиновским на р.Ишим» (Ковалева, 1988, с. 46). В.А.Зах полагает, что ареалы ташковской культуры и памятников с гребенчато-ямочной орнаментацией могли частично совпадать (Зах, 1995, с. 85-86).

По поводу культурного образования, с которым мы соотносим данную керамику, трудно сказать что-либо определенное. В Тюменском Притоболье памятники с подобной керамикой не изучены, хотя она зафиксирована в слоях многих поселений, особенно в подтаежной полосе (в том числе, вместе с ташковскими материалами). Наш интерес к этому образованию, пока что гипотетическому, объясняется многими причинами, но в контексте данной работы основными являются две. Во-первых, мы допускаем возможность непосредственного взаимодействия алакульских или петровско-алакульских коллективов с носителями гребенчато-ямочной керамической традиции. Последние в этом случае выступают в роли «этнического субстрата», и элементы его культуры в явной или скрытой форме должны проявиться либо в смешанных комплексах, либо в культуре пришлого населения. Во-вторых, комплексы одиновского облика интересуют нас в связи с определением культуры, населению которой принадлежали предметы бронзового инвентаря самусьско-кижировского типа.

Коллекция самусьско-кижировских бронз, происходящих из районов Тюменской области, немногочисленна. Среди них давно и хорошо известен кельт с двумя ложными ушками и пышным ковровым орнаментом, найденный в окрестностях Тюмени близ деревни Войновой-Гилевой (Чернецов, 1953, с. 52, 53, табл. XIX-4; Черных, Кузьминых, 1989, с. 154-155, рис. 79 – 4).

В 1987 г. в Тюменский областной краеведческий музей было передано ещё несколько предметов, относящихся к постсейминскому хронологическому горизонту. Тогда же нам удалось познакомиться с ними. Вещи переданы владельцем участка в одном из садовых товариществ, распо-

ложенных на южном берегу Андреевского озера. По его словам, они найдены в торфе (?), доставленном самосвалом откуда-то с северного берега озера (?). К глубокому сожалению, ни место, где эти предметы были подняты ковшем экскаватора, ни наличие других археологических остатков в завезенном грунте, оперативно не установлены. Как и многие другие, происходящие с Андреевского озера, данная коллекция не стала полноценным источником. Она включает кельт, долото и длинный стержень.

Кельт (рис. 5 – 11) – шестигранный в сечении, с выпуклыми ребрами и двумя ложными ушками, длиной 15,5 см. Орнаментирован пояском из взаимопроникающих и соприкасающихся вершинами треугольников, от него на обе стороны опускаются сложные композиции из треугольников и ромбов, а на одной из фасок свисает цепочка ромбов. Все геометрические фигуры заштрихованы разнонаклонными линиями, в том числе образующими мелкую сетку. По типологии Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых данный кельт может быть отнесен к числу орудий, являющихся генетическими наследниками соответствующих ушковых сейминско-турбинских разрядов (Черных, Кузьминых, 1989, с. 152-154). Другое орудие оригинально – это долото (или стамеска) с разомкнутой втулкой, раскованным и оттянутым рабочим краем (рис. 5 – 12). Аналогов ему мы не знаем. Третий предмет «клада» (рис. 5 – 10) – длинный четырехгранный в сечении стержень с заостренным концом, мог использоваться как проколка или шило. Постсейминский возраст данной коллекции определяет кельт.

Принимая во внимание датировку изделий самусьско-кижировской металлообработки – в интервале от XVI/XV до XIII/XII вв. до н.э. (Кузьминых, Черных, 1988, с. 73), логично предположить, что характеризующиеся орудия могли принадлежать либо одной из аборигенных культур подтаёжного-южнотаёжного Притоболя, либо какой-то из андроновских.

Андроновская версия очень сомнительна, поскольку ни в одном андроновском памятнике Тоболо-Иртышского региона не обнаружено следов самусьско-кижировской металлообработки – ни в виде готовых изделий или их обломков, ни в виде специфических литейных форм. Ничто не указывает на то, что андроновские мастера отливали орудия постсейминского хронологического горизонта.

Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых имеют по этому поводу совершенно однозначное мнение. Они рассматривают как

бесспорный факт связь самусьской металлообработки с кругом западносибирских памятников с гребенчато-ямочной керамикой. Это мнение подтверждается рядом фактов и наблюдений (Кузьминых, Черных, 1998, с. 73, 74)

Другими словами, соотнесение тюменских самусьско-кижировских бронз с культурой (культурами?) местного населения представляется вполне обоснованным. Применительно к ташковским древностям В.Т.Ковалева подобную возможность исключает, предполагая их досейминский возраст (Ковалева, 1997, с. 69). Отнюдь не разделяя убежденности В.Т.Ковалевой в ранней дате ташковской культуры, мы считаем такую попытку небесперспективной, по крайней мере, по отношению к позднеашковским комплексам. Самостоятельность и положение комплексов с гребенчато-ямочной керамикой одиновского типа в системе доандроновских культур предтаежного Приоболья не определены, но, тем не менее, одиновская атрибуция здешнего самусьско-кижировского металла кажется нам очень привлекательной. Судя по тому, что в керамических материалах ташковских памятников имеется много проявлений гребенчато-ямочной орнаментальной традиции, нельзя отвергать возможность либо чересполосного проживания ташковских и одиновских коллективов на одной территории, либо вхождения гребенчато-ямочного компонента в состав ташковской культуры.

В связи с вышесказанным представляют определенный интерес ещё две находки. Одна из них – обломок литейной формы (рис. 5 – 3), подобранный в трубопроводной траншее на поселении Дуванское I. Памятник находится на левом берегу р. Дуван, примерно в 0,5 км к северу от Дуванского V поселения (рис. 19-А). Из тальковой заготовки первоначально пытались сделать створку формы для отливки кельта или какого-то втульчатого орудия с орнаментом. После её поломки использовались вырезанные на боковых гранях бруска формы ножа, и двух стержней – трапецевидного и полукруглого в сечении. В непосредственной близости от места нахождения данного предмета был заложен рекогносцировочный раскоп площадью 32 кв.м. В нем найдено около 880 фрагментов керамики разных эпох. Бронзовый век представлен обломками сосудов только ташковской культуры и гребенчато-ямочного одиновского облика, андроновских фрагментов в коллекции нет. Другой предмет – обломок клинка бронзового двулезвийного ножа (рис. 5 – 6), найденный в раскопе 3 поселе-

ния Дуванское V. Среди находок из этого раскопа также нет андроновских черепков, но есть обломки сосудов одиновского облика (Стефанов, 1967, с. 16-17). Строго говоря, связь данных предметов с ташковской и одиновской керамикой в обоих случаях не является очевидной. Но если допустить, что такая взаимосвязь существует, то обе находки приобретают значение важных свидетельств высокого уровня металлообработки у автохтонного населения подтаежного Притоболья. Причем металлообработки не сейминско-турбинского и не самусьско-кижировского типа, а, по видимому, уже находящейся под влиянием стереотипов раннеандоновского-андоновского бронзолитейного производства.

В связи с вопросом о возможных связях самусьско-кижировских древностей с позднебронзовыми культурами Зауралья и Притоболья, нельзя не упомянуть еще одну версию, основанную на фактах обнаружения обломка кельта и ножа с орнаментированной рукоятью постсейминского облика совместно (?) с керамикой коптяковского типа на поселении Палатки I близ г.Екатеринбурга (Викторова, 1999; Черных, Кузьминых, 1989, с. 117). К сожалению, чрезвычайно интересные материалы этого памятника не опубликованы, поэтому «коптяковскую версию» мы вынуждены оставить без внимания. В подтаежном Притоболье коптяковские ассоциации вызывает керамика поселения ЮАО-VI (раскоп 5), однако прочий инвентарь, в том числе металлический, имеет аналогии в культурах андроновского ареала.

Таким образом, найденные в окрестностях Тюмени предметы самусьско-кижировского типа, с андроновскими культурами не связаны. Полагаем, что точка зрения Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых о связи самусьской металлообработки с западносибирскими культурами гребенчатоямочного массива справедлива и для территории Тюменского Притоболья.

Очертив круг аборигенных образований и уделив внимание их возможным достижениям в одной из областей хозяйственной деятельности, обратимся к другой – взаимодействующей с ними стороне. Говорить о существовании каких-либо связей ташковского населения с раннеабашевским (Ковалева, 1997, с. 75), на наш взгляд, не приходится. Нет никаких достоверных свидетельств того, что влияние ранних абашевцев, как, впрочем и поздних тоже, распространилось вплоть до северо-лесостепных районов Прито-

болья. Прямые ташковско-синташтинские контакты тоже сомнительны, и маловероятно, что синташтинское воздействие привело к изменению культурной ситуации на этой территории. Ещё раз повторим, что культура Синташты в нашем понимании андроновской не является. Степное население начинает активно расширять зону своего влияния на этапе сложения петровской культуры (синташтинско-петровский комплекс Царев. Курган на Тоболе), однако массового продвижения синташтинско-петровских и петровских групп в северную лесостепь не произошло. В Южном Зауралье петровские комплексы отмечены на широте Челябинска (Шатрово IX, Шибаево). Расширение ареала петровской культуры и приближение её к границам ташковской предполагает усиление связей между ними и, как следствие, нарастание дестабилизирующих тенденций в развитии аборигенных обществ. Очевидно, этим объясняются петровские черты в облике некоторых ташковских сосудов поселения Ук III, появление в составе инвентаря каменной шлифованной булавы и зафиксированный факт обмазки пола жилища глинисто-песчаной массой на ташковском поселении Заводоуковское XIII (Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 21). Нельзя не заметить, что в материалах петровских памятников каких-либо индикаторных признаков ташковской культуры не засвидетельствовано.

Проникновение андроновского населения в северолесостепное и подтаёжное Притоболье связано уже с алакульской культурой. Оно сопровождалось вытеснением части местного населения, скорее всего, к северу (поселение Юргаркуль III в Нижнем Притоболье – см.: Косарев, Галкин, 1993, с. 55), в родственную среду, где традиции отступающе-накольчатой орнаментации окончательно угасают. О миграции ташковских групп в восточном направлении, в лесостепное Приишимье, достоверных данных нет. Оставшаяся часть ташковско-одиновского населения, вероятно, была ассимилирована. Примечательно, что непосредственные следы ташковской культуры в смешанных комплексах типа ЮАО-VI также практически не улавливаются.

Вместо заключения

Поскольку детальная характеристика андроновских культур тюменского района АКИО, их генезис и этническая принадлежность, специфика историко-культурных процессов в Тюменском Притоболье эпохи поздней бронзы не входили в круг задач, стоявших перед авторами, данную публикацию можно считать завершенной. Осталось высказать наше мнение по поводу давней гипотезы, никогда не имевшей большого числа приверженцев, никем серьезно не обосновывавшейся и, вероятно, потому не подвергавшейся обстоятельному критическому разбору. Мы имеем в виду гипотезу о формировании андроновской федоровской культуры в лесостепном и южнотаежном Зауралье и прилегающих районах Западной Сибири и о ее возможной угорской принадлежности (Чернецов, 1953, с. 59-62; 1963; Косарев, 1965; 1973; 1974, с. 74; Потемкина, 1985, с. 273; 1995 б, с. 11, 12; Шорин, 1994, с. 58-60; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 44-47). Она основана почти исключительно на сходстве федоровского орнамента с угорским декором, истоки которого восходят к нео- и энеолитической керамике. Выдвинутая много лет назад, она с тех пор не приобрела новых аргументов в свою пользу и сохранилась лишь в качестве одной из рабочих версий. Претерпели изменения и взгляды ее бывших сторонников, ставших заметно более осторожными в этнической атрибуции федоровских материалов и локализации федоровской территории. Тем не менее, как выясняется, данная гипотеза не утратила притягательности. В частности, молодой исследователь И.А.Котельникова пришла недавно к выводу, что результаты проделанного ею анализа погребальных комплексов с каменными конструкциями «... не противоречат гипотезе о формировании федоровской культуры в горно-лесном Зауралье и Нижнем Притоболье (подчеркнуто нами – Авт.) с последующим расселением ее носителей на лесостепные и степные территории...» и что миграция носителей федоровской культуры из лесной зоны в степную сопровождалась контактами с абригеным населением (Котельникова, 1999, с. 55, 56). Данный вывод выглядит, по меньшей мере, странным, ибо в лесном Притоболье, как и в горно-лесном Зауралье, раннефедоровские или федоровские памятники до сих пор не известны, и, во-вторых, высокий уровень культуры камня, какой демонстрируют федоровские курганы Зауралья, мог сформироваться только в открытых безлесных пространст-

вах, богатых выходами горных пород. В этих местах камень широко использовался при строительстве как жилых, так и погребальных сооружений. В таежной зоне, в том числе в горно-лесных районах, во все археологические периоды основным строительным материалом служило дерево.

Наше отношение к гипотезе об угорской принадлежности федоровской культуры можно охарактеризовать как негативное. На территории северной лесостепи и подтаежной зоны Зауралья и Притоболья андроновское население не являлось коренным. Кроме того, федоровские комплексы здесь в целом моложе алакульских. Аналогичной или близкой точки зрения придерживаются Е.Е.Кузьмина (1994), В.С.Стоколос (1972), А.В.Матвеев (1998; 2000).

Добавим, что заслуживает особого внимания новый подход к интерпретации черкаскульских древностей Зауралья, предложенный в последних работах А.В.Матвеевым (1998, с. 296, 377, 378; 1999; 2000). Он кажется нам очень перспективным, и мы вполне разделяем некоторые положения его концепции. Впрочем, это тема другого исследования.

Список сокращений

АО	- Археологические открытия
АКА УрГУ	- Архив кабинета археологии УрГУ
ВАУ	- Вопросы археологии Урала
ИА РАН	- Институт археологии РАН
ИПОС	- Институт проблем освоения Севера
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии
МИА	- Материалы и исследования по археологии
МК РФ	- Министерство культуры РФ
РА	- Российская археология
РАН	- Российская академия наук
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СО АН СССР	- Сибирское отделение АН СССР
СО РАН	- Сибирское отделение РАН
ТИЭ	- Труды Института этнографии
УрГУ	- Уральский государственный университет

Архивные материалы

Абрамова М.Б., 1979. Раскопки поселения Дуванское XVII в Тюменском районе Тюменской области. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 314.

Викторова В.Д., 1971. Отчет о полевых работах на южном берегу Андреевского озера (участок ЮАО-V), произведенных летом 1970 года. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 138.

Викторова В.Д., Казимирова Л.В., Сухина Л.В., 1969. Отчет о полевой работе на V и VI участках Андреевского озера. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 71.

Зотова С. В., 1960. Отчет о работе Андреевского отряда Западно-Сибирской экспедиции в 1960 г. – Архив ИА РАН, Р-1, № 2145.

Корочкова О.Н., 1980. Отчет о раскопках поселения Дуванское XVII в Тюменском районе Тюменской области. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 331.

Корочкова О.Н., 1981. Отчет о полевых исследованиях в Талицком районе Свердловской области и Упоровском районе Тюменской области в 1980 г. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 360.

Корочкова О.Н., 1989. Отчет о раскопках поселения Ук III в окрестностях г. Заводоуковска Тюменской области. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 452а.

Корочкова О.Н., 1989. Отчет о раскопках в Упоровском районе Тюменской области в 1989 г. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 469.

Кутаков Ю.М., 1963. Отчет об археологических разведках по р. Пышме в 1963 г. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 26.

Нохрина Т.И., 1982. Отчет о раскопках поселения Дуванское XVIII в Тюменском районе Тюменской области. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 365.

Отчет Дуванской группы Нефтепроводного отряда о раскопках поселений Дуванское IV, V, VI в Тюменском районе Тюменской области, произведенных летом 1975 года. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 292.

Позднякова М.К., 1962. Отчет об археологических разведках по р. Ишим в Тюменской области, произведенных летом 1962 г. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 25.

Стефанов В.И., 1975. Отчет о раскопках поселений Дуванское IV и Дуванское V в Тюменском районе Тюменской области, проведенных в 1975 году. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 202.

Стефанов В.И., 1976. Отчет о работах Уральской археологической экспедиции на трассе нефтепровода Нижневартовск-Куйбышев в 1976 г. Том 1. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, 231А.

Стефанов В.И., 1977. Отчет о раскопках поселения Дуванское V в Тюменской области и Розановского городища в Горьковском районе омской области, произведенных в 1977 году. – Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д.

Стефанова Н.К., 1988. Отчет о раскопках поселения Ук III в Заводоуковском районе Тюменской области, проведенных летом 1988 г. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 452.

Трофименко В.С., 1970. Отчет о полевой работе на южном берегу Андреевского озера – раскоп 9, участок VI. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 119.

Юровская В.Т., 1969. Отчет о работе на северном берегу Андреевского озера. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, дд. 60, 67.

Юровская В.Т., 1969. Отчет о работе на южном берегу Андреевского озера, участок VI, раскоп 1. Отчет о работе на участке VI, раскоп 5. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 71.

Юровская В.Т., 1970. Отчет об археологических исследованиях на Андреевском озере. Свердловск. АКА УрГУ, ф. II, д. 101.

Литература

Алексашенко Н.А., Паутова Т.П., 1979. Неолитическое жилище на северном берегу Андреевского озера // Вопросы археологии Приобья. – Вып. 2. – Тюмень. – С. 51-59.

Андроновская культура. Памятники западных районов, 1966 // САИ. - Вып. ВЗ-2. - 141 с.

Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепной и подтаежной полосы / А.В.Матвеев, Н.П.Матвеева, А.Н.Панфилов и др. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1995. – 240 с.

Берс Е.М., 1959. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. – Свердловск. – 83 с.

Бобров В.В., 1988. Серп-косарь из поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Изв. Сиб. отделения АН СССР. Серия истории, археологии и философии. – Вып. 3. Новосибирск.

Бобров В.В., Михайлов Ю.И., 1987. Комплекс андроновской–Ф культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Кем.ун-т, 1987. – С.17-27.

Бухонина Т.А., 1984. Могильник эпохи бронзы Куропаткино II на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. ун-т. – С. 44-58.

Варанкин Н.В., 1982. Стоянка Карьер II – памятник эпохи неолита // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск. – С. 13-17.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья (степь и лесостепь): учебн. пособие к спецкурсу / Куйбышев: изд-во Куйбышевского пед. ин-та. – 112 с.

Викторова В.Д., 1999. Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // III Берсовские чтения: материалы научно-практической конференции. – Екатеринбург: Банк культурной информации. – С. 49-54.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта (археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей). – Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во. Челябинск. 408 с.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И., 1993. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепно-

го Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. - Екатеринбург: Урал. ун-т. - С. 67-111.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К., 1994. Черноозерье I - могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья./ Препр. - Екатеринбург. - 66 с.

Глушков И.Г., 1989. О гребенчато-ямочном компоненте в генезисе сузгунской культуры // Скифо-сибирский мир. - Кемерово. - С. 95-97.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н., 1992. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). - Тобольск: ТГПИ. - 130 с.

Григор Г.Г., Земцов А.А., 1961. Природное районирование Западной Сибири // Вопросы географии. - № 55. - М.: Наука.

Григорьев С.А., 1999. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. / Сер. Южный Урал: природно-географические факторы и историко-культурные процессы. - Челябинск. - 443 с.

Зах А.А., 1987. Поселение Черемуховый Куст – памятник переходного времени от развитой к поздней бронзе // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: ОмГУ. – 1987. – С. 134-135.

Зах А.А., 1992. Черемуховый Куст: реконструкция андроновского поселка // Вторые исторические чтения памяти М.П.Грязнова: Докл. республик. научн. конф. – Омск: Омский ун-т. - С.67-69

Зах В.А., 1995. Поселок древних скотоводов на Тоболе. - Новосибирск: Наука. Сибирская изд. фирма. - 96 с.

Зданович Г.Б., 1973. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. – Свердловск: УрГУ. - Вып 12. – С. 21-43.

Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск: Урал. ун-т. - 184 с.

Зданович Г.Б., 1995. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Творч.об-ние «Каменный пояс». – С. 21-42.

Зданович Г.Б., 1997. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья. – РА. - № 2. – С. 47-62.

Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф., 1988. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей: Изд-во Башк. гос. ун-та. – Челябинск. – С. 60-79.

Иваненко А.С., Булатов К.В., 1998. Окрестности Тюмени. – 2-е изд. перераб. – Тюмень: Изд.фирма «Слово». – 240 с.

Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья (II-начало I тысячелетия до н.э.). – М.: Наука. – 239 с.

Ковалева В.Т., 1988. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ. – С. 29-47.

Ковалева В.Т., 1993. О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит – начало бронзового века) // ВАУ. – Вып. 21. – Екатеринбург: УрГУ. – С. 5-23.

Ковалева В.Т., 1995. Проблема этнической идентификации населения ташковской культуры // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. – Часть V. – Кн. 1. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т. – С. 69-72.

Ковалева В.Т., 1997. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург: УрГУ. – 131 с.

Ковалева В.Т., 1998. Ташковская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: УрО РАН; изд-во «Екатеринбург». – С. 510-511.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., 1991. Проблема перехода от энеолита к бронзовому веку в лесном Зауралье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Археология и этнография Марийского края. – Вып. 19. – Йошкар-Ола. – С. 24-41.

Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М., 1991. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного- начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ. – Вып. 20. – Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та. – С. 45-70.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1983. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башк. ун-т. – С. 143-151.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. - Вып 20. Екатеринбург: Урал. ун-т. - С. 70-92.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III: Препр. - Свердловск: УрО РАН. Ин-т истории и археологии. - 72 с.

Косарев М.Ф., 1965. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. - СА. - № 2. - С. 242-246.

Косарев М.Ф., 1973. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // Из истории Сибири. - Томск: Томский ун-т. - Вып. 7. - С. 65-67.

Косарев М.Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. - М.: Наука. - 163 с.

Косарев М.Ф., 1979. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. - Томск: изд-во Томского ун-та. - С. 15-25.

Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука. - 278 с.

Косарев М.Ф., 1993. Из древней истории Западной Сибири: общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. - Вып. 4. - М. - 283 с.

Косарев М.Ф., Галкин В.Т., 1993. Поселение Юргаркуль III в Нижнем Притоболье // КСИА. - Вып. 209. - М. - С. 50-58.

Котельникова И.А., 1999. Погребальные комплексы с каменными конструкциями федоровской культуры // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф.Генинга: Матлы науч. конф. - Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. - Екатеринбург. - С. 53-56.

Кривцова-Гракова О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник. // Тр. ГИМ. - 1948. - Вып. 17 - С. 57-172.

Крижевская Л.Я., 1995. Значение культурных связей для организации поселений и домостроительства эпохи ранней бронзы в Зауралье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири: Сб. науч. тр., Тюмень: Тюм. ун-т. - С. 39-47.

Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. - Вып. 3-9.

Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождения индоиранцев. – М.: Рос. Ин-т культурологии РАН и МК РФ. – 464 с.

Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1988. Сейминско-турбинская и самусьская металлообработка: проблема соотношения // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Тез. докл. научн. конфер. – Барнаул. – С. 71-74.

Кузнецов П.Ф., 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. – Вып. 1. – ИИМК РАН. – СПб. – С. 56-59.

Малютина Т.С., 1991. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи: Межвуз. сб. научн. тр. Самар. пед. ин-т. Самара. С. 141-162.

Матвеев А.В., 1995. Первые следы взаимодействия алакульских и ташковских племен Притоболья // Древняя и современная культура народов Западной Сибири: Сб. науч. тр., Тюмень: Тюм. Гос. ун-т. – С. 48-52.

Матвеев А.В., 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука. – 416 с.

Матвеев А.В., 1999. К проблеме этнолингвистической атрибуции носителей черкаскульской культуры // Обские угры: Мат. II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск: Омский пед. ун-т. – С. 52-54.

Матвеев А.В., 2000. Лесостепное Зауралье во II-начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. Наук. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН. – 50 с.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Зах В.А., Буслова М.А., 1994. Хрипуновский могильник: новые сведения о северных андроновцах // Западная Сибирь – проблемы развития. – Тюмень: ИПОС СО РАН. – С. 3-19.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Крюкова Т.С., 1999. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Ингальской долине (по итогам работ 1998 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии: ИПОС СО РАН. – вып. 2. – Тюмень. – С. 126-135

Могильников В.А., 1984. Курганы Чистослебяжье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башк. ун-т. – С.27-37.

Могильников В.А., Куйбышев А.В., 1991. Курганы Чистослебяжье – памятник эпохи бронзы предтаежного Притоболья // Проблемы археологии Евразии. – М.: Наука. – С. 106-142.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука. – 200 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 196 с.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф., 1993. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). – Новосибирск: Наука. – 211 с.

Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука. – 376 с.

Потемкина Т.М., 1995а. Проблемы связей и смены культур населения зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. – № 1. – С. 14-27.

Потемкина Т.М., 1995б. Проблемы связей и смены культур населения зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА. – № 2. – С. 11-19.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС. – 205 с.

Прокаев В.И., Оленев А.М., 1962. Физико-географическое районирование Свердловской области в связи с районированием Урала и Западной Сибири // Сиб.геогр.сб. – № 1, – М: Наука.

Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука. – 408 с.

Софеев О.В., 1990. Андроновская керамика поселения Каргат-6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука. – С. 89-99.

Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н., 1993. Курганы федоровского типа могильника Урефты I // СА. – 1983. – № 1. – С. 155-166.

Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 2000. К вопросу о связях населения Зауралья и Среднего Прииртышья в доандроновский период // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Наука. – Вып. 3. – В печати

Стефанова Н.К., 1986. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: изд-во Уральского ун-та. – С. 38-47.

Стефанова Н.К., 1988. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: изд-во Уральского ун-та. – С. 53-75.

Стоколос В.С., 1972. Культура бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука. – 168 с.

Татаринцева Н.С., 1984. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: изд-во Башкирского ун-та (подготовил Челябинб. ун-т). – С. 104-113.

Тихонов Б.Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье // МИА. – № 90. – С. 50-115.

Трифонов В.А., 1996. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. – Вып. 1. – ИИМК РАН. – СПб. – С. 94-97.

Трифонов В.А., 1997. К абсолютной хронологии евро-азиатских культурных контактов в эпоху бронзы // Радиоуглерод и археология. – Вып. 2. – ИИМК РАН. – СПб. – С. 94-97.

Хлобыстин Л.П., 1976. Поселение Липовая Курья. - Л.:Наука.- 63с.

Хлобыстина М.Д., 1989. Андроновский дифференцированный керамический комплекс // Керамика как исторический источник. –Новосибирск: Наука. – С. 118-134.

Чернецов В.Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – № 35. – С. 7-62.

Чернецов В.Н., 1963. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности // Congressus internationalis Fenno-Ugristarum. Budapestini habitus. Budapest. P.405-411.

Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – № 88. – 272 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) - М: Наука. - 320 с.

Шаманаев А.В., Симонов А.В., 1998. Рыболовство населения ташковской культуры // ВАУ. – Вып. 23. – Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та. – С. 205-215.

Шорин А.Ф., 1985. К вопросу об относительной хронологии черкаскульских памятников Южного Зауралья // Бронзовый век Южного Приуралья. – Уфа: Башк. гос. пед. ин-т. – С. 88-100.

Шорин А.Ф., 1994. К этнической характеристике черкаскульской культуры (состояние проблемы). – РА. - № 4. – С. 54-62.

Шорин А.Ф., 1999. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблема культурогенеза. – Екатеринбург: УрО РАН. – 181 с.

Юровская В.Т., 1973. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г.Тюмени // ВАУ. – Вып 12. – Свердловск: Урал. ун-т. – С.3-20.

Heikel A. Antiquites de la Siberie Accidentale. – Helsingfors, 1894.

Содержание

Введение.....	3
Памятники тюменского района андроновской культурной общности.....	10
Этнокультурная ситуация в Тюменском Притоболье накануне и в начале андроновского проникновения.....	80
Вместо заключения.....	93
Список сокращений.....	94
Архивные материалы.....	95
Литература.....	97

**В. И. Стефанов
О. Н. Корочкова**

**АНДРОНОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ
ТЮМЕНСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ**

Научное издание

ЛР № 040670 от 5 марта 1999 г.

Подп. в печать 10.10.2000. Формат 60 x 84/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 5,71. Усл. печ. л. 6,28.
Тираж 300. Заказ 1170.

ОАО «Полиграфист»
620151, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 22

